

ISSN 1812-1985

*«Придумать можно все,
кроме психологии»*
Л.Н. Толстой

.....
Человеческий фактор
.....

СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

.....

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ

Основан в 2000 году в Ярославле

2009

№ 2 (18)

ЧФ:

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Свидетельство о регистрации — ПИ № 77–15751

Подписной индекс Агентства «Роспечать» — **36053**

СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

Выпуск № 2(18) 2009

ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ

Основан в 2000 году

УЧРЕДИТЕЛИ ЖУРНАЛА:

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ
ЭРГОНОМИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ЦЕНТР
ЭРГОНОМИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК
МИНПРОМНАУКИ РОССИИ

ИНСТИТУТ ИННОВАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ

Главный редактор журнала
«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР»

В.В. Новиков

Главный редактор серии
«Социальный психолог»

В.В. Козлов

Главный редактор серии
«Проблемы психологии и эргономики»

В.М. Львов

Главный редактор серии
«Общество и власть»

Д.П. Пискарев

Редакционная коллегия серии
«Социальный психолог»

*А.В. Карпов, В.В. Козлов, В.М. Львов,
В.А. Мазиллов, Н.В. Клюева,
И.Н. Карицкий, Н.П. Фетискин*

Редакционный совет серии
«Социальный психолог»

*Г.В. Акопов, И.П. Волков,
А.Л. Журавлев, Т.П. Емельянова,
М.М. Кашипов, Ю.А. Клейберг,
Г.М. Мануйлов, В.В. Марченко,
В.И. Назаров, Р.С. Немов, Н.Н. Обозов,
Б.Д. Парыгин, Ю.П. Поваренков,
А.Л. Свенцицкий, В.Е. Семенов,
В.А. Урываев, А.В. Филиппов*

Оригинал-макет: Е.С. Олейникова

Адрес редакции:

150057, г. Ярославль,
ул. Матросова, дом 9, офис 206
Тел.: (4852) 728–394;
факс (4852) 478–666.

Адрес издателя и распространителя:

ООО «Исследовательская группа
“Социальные науки”»
249031, г. Обнинск, а/я 1023
Тел.: (48439) 74–126. E-mail: ig_socin@mail.ru

Отпечатано на Фабрике офсетной печати. 249039, г. Обнинск, ул. Королева, 6
Формат 70×100/16. Тираж 400. Заказ № 738

ЧФ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

2009 выпуск № 2 (18)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Козлов В.В. Психологические механизмы воздействия музыки на личность	5
Гинзбург Т.И. Пределы и запредельное трансперсональной психологии	11
Качанова Н.А. Реальность духовного кризиса как предмет психологического исследования с философско-этической позиции буддизма	19
Либерман Д.А. Некоторые аспекты категорий объекта и объективности в науке	30
Мазур Ю.О. О воле: к вопросу о тематизации проявлений воли в периоды жизненных кризисов	42
Пряжников Н.С. Очередь как смыслообразующее начало	49

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Карпов А.А., Козлов В.В., Мазилев В.А. Исследование игровой зависимости: интегральный подход	68
Снежкова Н.Н., Сиренко О.Е. Проблемы миграции – сложности адаптации в иной культурной среде	89

ЭКСПЕРИМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ

Бирюков В.А. Роль психолога в работе с транссексуальным феноменом. Транссексуальная установка на изменение пола	96
Гришунина Е.В., Краевская Н.Б. Человек в ситуации собеседования при приеме на работу	99
Дворникова Ж.К., Дворникова О.О. Роль эмоционального компонента в идентичности женщины	113
Дубровский Д.И. Еще раз о психофизиологической проблеме, функционализме и субъективной реальности	118
Емельянова Е.Ю. Системное моделирование в педагогике	126
Лазарева Ю.Н. Косметология в контексте телесно-ориентированной психологии	129
Решетников М.М. Какой кризис мы переживаем? Прогнозирование состояния, поведения и деятельности людей в экстремальных и кризисных ситуациях	131
Улыбина Е.В., Ленсмент А., Ахмет И. Связь базовых убеждений с отношением к представителям аутгруппы на примере отношения русских к эстонцам	138

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Современная психология – в поисках интеграции (по материалам седьмой апрельской конференции «Интегральная психология: теория и практика»)	151
Резюме на английском языке	159
Наши авторы	163

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

В.В. Козлов

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ МУЗЫКИ НА ЛИЧНОСТЬ

В статье рассматриваются психологические механизмы влияния музыки на личность. Оригинальность подхода заключается в использовании объяснения этого феномена через понятие языков сознания. Автор раскрывает воздействие музыки через ощущения, эмоции и чувства, образы, символы, знаки, которые индуцируются музыкой.

Ключевые слова: музыка, языки сознания, ощущения, эмоции и чувства, образы, символы, знаки.

На наш взгляд, для более глубокого и многомерного понимания воздействия музыки на психику человека мы можем использовать понятие языков сознания. Еще в 1990-е гг. мы ввели их классификацию как языков **ощущений, эмоций и чувств, образов, символов, знаков**. Все это разные языки, обладающие внутренними законами и своей логикой.

В филогенетическом плане все эти языки сформировались в процессе эволюции жизни как способы отражения реальности и в онтогенезе усваивались нами именно в этой последовательности: сначала ощущения, затем эмоции и чувства, затем образы и, наконец, символы и знаки.

В реальном потоке психического любой звуковой стимул вызывает перцептивную организацию, эмоционально-чувственное реагирование и попытку категоризации, т.е. любое переживание даже примитивного звука человеком целостно, не говоря уже о воздействии музыкального произведения. Но использование представления о языках сознания, на мой взгляд, обладает объяснительной красотой и убедительностью в понимании воздействия музыки на психику человека.

На уровне **ощущений** звук обладает универсальностью не только для человека, но и биологичностью, важным стимульным значением для всего животного мира. В живой природе широкое распространение имеют музыкаподобные явления. Мы их вполне можем соотнести с человеческой музыкой.

Огромный диапазон музыкаподобных явлений в природе говорит в пользу того, что и музыка человека возникла на каком-то специфическом биологическом базисе, на фундаменте особых организмических свойств и инстинктов, как особый способ внутривидовой и межвидовой коммуникации.

Воздействие музыки на уровне ощущений основано на том, что нервная система, а с ней мускулатура и все тело обладают способностью усвоения ритма, реагирования на структуру музыки. Музыка влияет на все функциональные системы человека. Частота сердечных сокращений, пульс, кровяное давление, дыхание, мышечный тонус и другие телесные переменные зависят от высоты, силы, звука, тембра, темпа, тональности музыкального произведения. Вне сомнения, звуковое восприятие организуется слуховой модальностью, но

звук мы в некотором смысле воспринимаем всем телом.

Когда я впервые увидел, как младенец внутри утробы матери улыбается музыке Моцарта, понял — человек переживает музыку телом. В этом заключается чудо музыки. Прежде чем ребенок сможет восхищаться цветом, формой, запахом, вкусом, смыслом, он наслаждается звуком. И совершенным камертоном восприятия этого пространства звуков является тело.

Взаимосвязь музыки с эмоциями и чувствами человека наиболее разительна и убедительна. Психологическая наука традиционно связывает музыкальное искусство и мир человеческих эмоций. Вне сомнения, основным содержанием музыкального произведения являются чувства, эмоции и настроения.

Восприятие музыки, глубина и яркость переживаний зависит от эмоциональности — свойства человека, характеризующие содержание, качество и динамику его эмоций и чувств. Содержательные аспекты переживания музыки личностью отражают явления и ситуации, ассоциированные с музыкой и имеющие особую значимость для субъекта. Эмоциональное переживание музыки неразрывно связано со стержневыми особенностями личности, ее культурным потенциалом, направленностью, мотивационной сферой, мировоззрением, ценностными ориентациями и пр.

На мой взгляд, самым существенным элементом в переживании музыки является эмпатия (от гр. *empathia* — сопереживание) — постижение эмоционального состояния, проникновение — вчувствование в матрицы переживания, которые заложены в самом музыкальном произведении композитором и исполнителем. Слышать музыку, понимать музыку — значит эмоционально ее пережить.

Под воздействием музыки возникают не только базовые эмоции — радость, грусть, страх, гнев, но и они могут пробудить чувство нежности, любви, трепета, неги, наслаждения и энтузиазма.

Эмоции являются всегда результатом некоторого взаимодействия. Чувства и эмоции, которые возникают как результат воздействия музыки, имеют еще развернутую процессуальную характеристику общения с музыкой.

Этот процесс всегда эмоционально окрашен и представляет собой организмическую и личностную интерпретацию особенностей музыки как закодированного чувственного сообщения.

Ритм и темп, взятые сами по себе, передают главным образом степень активности, степень психологического напряжения данной эмоции. Функции, связанные с положительными эмоциями, предполагают высокую степень ритмичности. Что же касается боли, борьбы, страдания, страха — вообще отрицательных эмоций, то они чаще вызывают нарушения ритмики организма.

Музыкальные эмоции возникают в какой-то степени в результате тех же витальных, соматических «систем удовольствия и неудовольствия». Ни способность различать музыкальные звуки, ни способность их воспроизводить не стоит в прямой связи со способностью эмоционально реагировать на музыку. Для наслаждения и страдания, угрозы и страха, уверенности и неуверенности, отрицания и утверждения — для всех этих состояний богатой, многомерной шкалы эмоциональных отношений существуют свои эмоционально-акустические музыкальные матрицы.

Музыка может пробудить чувство вдохновения и прилива жизненных сил. Исследования, проведенные нами недавно в русле эвристической психологии, показывают, что многие писатели,

художники, поэты задумывали свои произведения во время прослушивания музыки или после. Так действует музыка Бетховена, который, пережив периоды стресса, боли, отчаяния, нашел в ней не только вдохновение, но и силу, и веру (бури в первых частях его сонат заканчиваются триумфом и спокойствием). Так действует музыка Моцарта и Вивальди, а для многих музыка современных групп Pink Floyd, Queen, Nazareth, а также исполнителей Kitaro, Jean Michel Jarre и Richard Claydeman.

Язык **образов** является способом открывания человеком в музыке для себя лично значимого смысла. Это становится возможным благодаря аналогичности, резонансности не только семантики музыкального языка и семантических бессознательных структур человека, но ассоциированных биографических образных репрезентаций с музыкальными произведениями. В этом смысле музыкальное произведение является удобным инструментом для исследования личности слушателя, который, вкладывая в толкование содержания произведения определенный смысл, тем самым говорит и о себе, о своих внутренних пристрастиях. Здесь проявляются закономерности апперцепции, т.е. влияние прошлого опыта. Каждый человек связывает музыку с определенными настроениями в событиях из своего прошлого опыта. Марш Мендельсона имеет не только свое внутреннее музыкальное содержание, но и является музыкальным культурным образом, который мы ко всему еще и проживаем как лично значимый в свадебном обряде на русский манер.

Похоронный марш вызывает в моем сердце тревогу, печаль, горе еще и потому, что в десятилетнем возрасте я услышал эту музыку в исполнении духового оркестра во время похорон

директора нашей школы. Он, наверняка, был очень хорошим человеком. Все плакали, даже родители и другие взрослые, которых я никогда не видел плачущими. И своим юным сердцем я чувствовал, что все это было искренне.

Бессознательные образы памяти, которые иногда не можем отрефлексировать до конца, вступая в резонанс с музыкой, усиливаются и тем самым становятся доступными для осознания. Таков механизм возникновения лично значимого смысла. Музыка, являясь образной семантической матрицей, позволяет нам открыть себя в себе, иногда темные и неизведанные закоулки нашей души, уже невозможные утраты юности и ностальгию по силе, сакральные мечтания, воспоминания о будущем, уже может не такие ажурные.

Музыка может тебе напомнить, зачем ты живешь на этой земле и в чем суть твоего одиночества, и напеть мотив о смерти и бессмертном.

Музыка — это часто путь к себе, иногда предельное и обнаженное самораскрытие. Семантика музыкального переживания — это ожившие в индивидуальном сознании образы.

Что касается **символьной** структуры музыки, то он более отражен архетипическими конструктами коллективного бессознательного — обобщенными протосценариями глубинных архаических слоев психического.

Карл Густав Юнг считал музыку воротами, через которые можно проникнуть в коллективное бессознательное, которое представляет собой «психические осадки» бесчисленных переживаний архетипических образов. Все самые мощные идеи и представления человечества сводимы к архетипам. Юнг говорил о том, что музыка имеет дело с таким глубоким архетипным материалом,

что даже те, кто исполняют ее, не до конца понимают этого.

Архетипы – символные обобщения очень большого и глубинного обобщения, но если проанализировать музыку с точки зрения ее архетипической тематики, то можно сказать, что в музыке могут быть заданы как тематические протосценарии настроения (младенца, воина, мудреца, возлюбленного, шута и др.).

Не менее продуктивным способом символического содержания музыки является анализ музыкального восприятия с коммуникативными архетипами. Коммуникативные архетипы являются не менее древними, чем эмоции – радость, гнев или печаль, – стереотипы, «вечные образцы» человеческой коммуникации.

Существуют четыре главных вида общения между людьми, четыре коммуникативных архетипа (Д.И. Кирнарская): первый – это взаимодействие лидера и толпы, начальника и подчиненного, высшего и низшего; второй – это обращение низшего к высшему, когда первый зывает, просит надеется, а его собеседник слушает и решает; третий тип социальной коммуникации – общение равных с равными, и поэтому оно наиболее естественно и легко; четвертый – общение с самим собой, со своей душой. Коммуникативные архетипы диктуют определенный эмоциональный тонус, двигательный эквивалент и пространственные координаты процесса общения, создают его обобщенный образ, имеющий интермодальный характер – зрительный, моторно-двигательный и слуховой, где все эти модальности пребывают в нерасторжимом единстве.

Коммуникативные архетипы вбирают в себя обобщенные конструкторы, отражающие в звуке смысл общения, его пространственные, мускульно-моторные

и интонационные характеристики. Интонационный слух прежде всего распознает коммуникативный архетип через интонационный профиль, общий характер движения, через его пространственные и энергичные качества. Коммуникативный архетип призыва определяется типом мелодического движения. Древнейшие архетипы призыва относились к заклинаниям жрецов, к древнейшим военным и охотничьим ритуалам.

Архетип призыва имеет популярную разновидность, отмечает Кирнарская, где лидер общается с толпой не как полководец с армией солдат, но как тамада на свадьбе говорит с гостями или солистка варьете языком жестов общается со зрителем. Содержание такого общения – это подбадривание, попытка заечь, повести за собой в делах отнюдь не столь важных, как общий подвиг или защита от врага. К этой разновидности архетипа призыва относятся легкие жанры от бытовых песен до оперетты и мюзикла.

Второй коммуникативный архетип ближе к просительности. Традиционные ритуалы имеют множество такого рода ситуаций. К ним относятся выпрашивание невесты у родителей и моление о ниспослании дождя, оплакивание умерших, которое является просьбой залечивания душевных ран на земле и о благоденствии усопшего на небе. Социальный смысл архетипа прощения – это общение низшего с высшим: теперь уже не сильный лидер говорит с послушной толпой, а лицо подчиненное и чувствующее свою зависимость обращает свой голос к тому, в ком оно видит исполнение своих желаний. Все лирические виды общения, все любовные признания и мольбы принадлежат коммуникативному архетипу прощения.

Архетип прощения проявляется в чувственных категориях, воплощая

его содержание. В этом виде общения интонационный контур чаще волнистый – проситель неуверен, и его неуверенность отражается в неизбежных голосовых колебаниях, и поскольку чувство его велико и искренне эти волны весьма крупные, с явными подъемами и спадами. Мускульно-моторная составляющая архетипа прошения опирается на поклон, склонение головы и всего корпуса – интонационный профиль соответствует базисной форме прошения. На коммуникативный архетип прошения опирается вся лирическая музыка, от оперно-симфонической и камерной до джазовой и поп-музыки.

Третий вид социального взаимодействия основан на равенстве участников коммуникации. Этот вид коммуникации – как объясняет автор – след детской невинности, средоточие простодушной веселости, свидетельство абсолютной свободы мысли и действия, когда нет внутреннего, внешнего давления и напряжения. Этот коммуникативный архетип Д.И. Кирнарская определяет как архетип игры. Она утверждает, что ее интонационный почерк слегка суетлив, но не назойлив, интонация может напомнить птичье стрекотание и щебетание, мускульно-моторный архетип игры чаще кругообразен. К музыкальному воплощению игры относится крайне оживленная и легкая виртуозная музыка.

Последний коммуникативный архетип, следы которого восходят к традиционным культурам древности, – это архетип медитации. Он связан с состоянием одиночества и погруженности в себя, с сокровенными размышлениями. Архетип медитации – это общение с самим собой. Коммуникативный архетип медитации восходит к древнейшему жанру колыбельной песни, когда поющий как бы общается с самим собой,

со своим лучшим Я, воплощенном в младенце.

Темп медитации спокоен и размерен, телесно-моторный ее эквивалент – это блуждание, колебание, с трудом захватывающее новое пространство, это замкнутое пространство мысли, где каждый шаг хоть и ведет во Вселенную, но сопрягается лишь с соседним шагом, и весь путь с трудом просматривается сквозь вереницу предстоящих шагов. Коммуникативному архетипу медитации принадлежат музыкальные произведения, тяготеющие к размышлению и чувствуванию.

Коммуникативные архетипы представляют собой фундаментальный психологический словарь слуховых образов, своеобразных слуховых мыслемформ, на которые опирается и из которых выросла вся музыкальная культура.

Что касается музыки как **знаковой системы**, то она существует, с одной стороны, как нотная грамматика и текст, с другой стороны, для людей с достаточно развитой музыкальной и общей культурой возможно словесное описание музыкального произведения. Что касается первого аспекта, то здесь мы видим проявление всех законов, связанных с освоением и использованием специализированного языка знаков.

Что касается того уровня рефлексии, когда работает система «как я мыслю музыкальное произведение», то в основном он, наверно, для людей не значим.

Наверно, само знаковое, словесно-логическое понимание музыки основано на метафорах, мифах и сложных образных описаниях, как ответ на вопрос «На что это похоже?». Следует признать одновременно, что только эти описания являются чрезвычайно не типичными, предельно индивидуальными продуктами восприятия музыкального

произведения. Только на уровне словесного описания музыки личность может проявиться как носитель собственной культуры самосознания, с апперцепцией, воображением, фантазийной вербальной тонкостью.

Мы можем сделать следующие выводы, отражающие особенности влияния музыки на личность:

- Воздействие музыки на психику человека обусловлено тем, что она представляет из себя глобальный камертон, в котором музыка находит отзвук на всех языках сознания — ощущений, энергии, эмоций и чувств, образов, символов, знаков.

- Личность не только проецирует себя как носителя социальной культуры в музыке, но и является активным коммуникатором в диадном взаимодействии «личность—музыка». Степень когнитивной сложности этого взаимодействия в большей степени зависит от общей интеллектуальной, эмоциональной и духовной культуры личности.

- Музыка является интегративным методом, воздействует на интеллектуальную, духовную, социальную и физическую сферы человека.

- Знание объективных музыкальных параметров (лад, темп, тембр и др.) позволяет эффективно моделировать состояние сознания личности и группы, снизить неопределенность в процессах музыкального восприятия (эмоционально-эстетических реакциях слушателей) и улучшить эффективность музыкотерапии.

- Действие музыкотерапии на личность и сознание модулируются индивидуальными и типологическими особенностями клиентов.

- Интрасубъективный (выявление индивидуальных закономерностей музыкального воздействия) и интерсубъективный (учет реакций других слушателей, знание их типологических особенностей) подходы к прогнозированию эмоционально-эстетических реакций слушателей выступают как взаимодополнительные.

Существуют универсальные закономерности музыкального восприятия, инвариантные к каким-либо индивидуальным или типологическим особенностям слушателей. Они проявляются как типические на уровне ощущений, эмоций, образов и символов.

Т.И. Гинзбург

ПРЕДЕЛЫ И ЗАПРЕДЕЛЬНОЕ ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В статье проводится анализ стадий развития трансперсональной психологии через две модели: И-цзин (китайской Книги перемен) и S-образной кривой из ТРИЗ (Теории решения изобретательских задач). Размышляя над возможностью качественного скачка в трансперсональной психологии, автор рассматривает интегральный подход Кена Уилбера как базис для такого скачка.

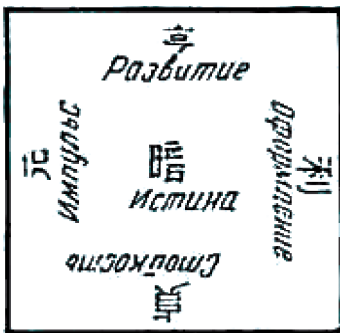
Используя как базовую платформу AQAL (All quadrants all levels) Кена Уилбера, автор сквозь призму данной модели пытается теоретически обосновать возможность спрогнозировать инструменты управления процессом интеграции.

Ключевые слова: трансперсональная психология, интегральный подход, Кен Уилбер, развитие человека, точка координатора, методология развития.

В поисках модели, которая бы позволила нам осмыслить развитие трансперсональной психологии, мы обнаружили модель развития систем из И-цзин (Книги перемен):

Согласно этой модели, развитие каждой системы проходит четыре стадии:

- импульс;
- развитие;
- формирование (оформление);
- стабилизация (стойкость).

Например, развитие коммунизма в России с помощью этой модели можно описать так.

Импульс — революция 1905 г. — импульс проявился, и дальше он грохотал —

Февральская революция 1917 года, Октябрьская революция, извержение произошло.

Далее, когда революция пошла по стране, началась стадия бурного развития: Гражданская война — это расширение территории советской власти, создание колхозов, советов на местах, Красной армии.

Оформление государственного строя можно отсчитывать с 30 декабря 1922 г., когда был создан СССР.

И, наконец, — годы застоя, годы правления Брежнева, — яркое проявление этапа стабилизации.

Если возвращаться к трансперсональной психологии, то, чтобы выделить **импульс**, мы вынуждены были провести глубокий анализ истории развития этого движения: так много разнообразных потоков сливается в русле трансперсональной психологии, что различить импульсы не просто. Но, перебрав разные варианты («Нью эйдж», Ошо, Восточный пантеистический монизм, Кришнамурти, дыхательные психотехники и т.д.), мы пришли к выводу, что все-таки для трансперсональной психологии импульсом была психоделическая революция, которая

началась с открытия психоактивных веществ Альбертом Хофманом.

После этого началась **стадия развития**, когда в 50–60-е годы психоактивные вещества стали активно исследоваться пионерами новых областей сознания, такими, как Олдос Хаксли, Хэмфри Осмонд, Аллен Гинзберг, Тимоти Лири, Ричард Альперт, Станислав Гроф.

«Бог пришел в Соединенные Штаты Америки в виде ЛСД» – цитирует слова своего учителя Рам Дасс в одной из своих статей.

Во время *стадии развития* появился термин «психоделический», и, помимо изучения состояний сознания, индуцируемых психоактивными веществами, психоделическое движение стало включать в себя и идеи восточных традиций, например Ауробиндо, Блаватской, Безант, Алана Уотса, и практики, проникающие с Востока, такие, как йога, пранаяма, различные виды медитаций. Таким образом, фокус исследований перемещается с собственно психоактивных веществ на пространство за пределами обыденной психики к состояниям, к переживаниям чего-то неизданного, нового и очень манящего.

Центром этих исследований постепенно становится Эсален, основанный Майклом Мерфи в 1962 г. в Калифорнии.

Между основателями гуманистического направления в психологии Энтони Сутичем и Абрахамом Маслоу продолжались дискуссии о развитии человека. В 1962 г. Маслоу знакомится с Майклом Мерфи. Дискуссии о развитии человека набирают силу в Эсалене и выявляют ограниченность гуманистической психологии.

Начинается поиск термина, который обозначил бы следующую волну.

Между тем 6 октября 1966 г. LSD официально запрещен в Калифорнии,

в 1967 г. LSD официально запрещен на всей территории США.

В то же самое время происходит разгар психоделической эры – Лето любви в 1966–1967 гг. в Хай-Ашбери, район Сан-Франциско, где царит туман наркотического радостного сознания. Именно тогда пресса впервые обращает внимание на зарождающуюся контркультуру – на эту стремительно растущую толпу молодежи, протестующую против материализма «американской мечты», против войны, навязанной мирным жителям Вьетнама, против растущего насилия в собственных городах.

14 октября 1967 г. Маслоу в своем докладе «Глубинные ресурсы человеческой природы», прочитанном в унитарной церкви в Сан-Франциско, впервые упомянул о новой «четвертой силе» – направлении в психологии, задачей которого является изменение человеческой жизни.

В ноябре 1967 г. Маслоу писал, что наилучшим определением может быть «трансперсональный». «Чем больше я думаю об этом, тем больше именно это слово говорит мне о том, что все мы пытаемся выразить – т.е. о выходе за пределы индивидуального, за границы личности, за пределы индивидуальной личности».

Впервые, двумя месяцами ранее, термин «трансперсональный» употребил преподававший в Беркли чешский психиатр доктор Станислав Гроф.

В 1969 г. Абрахам Маслоу, Станислав Гроф и Энтони Сутич выступили с инициативой создания журнала по трансперсональной психологии, который стал лидером в этой области. В 1972 г. была основана Ассоциация трансперсональной психологии.

Эти события уже говорят о начале **этапа оформления.**

Дальше началась регистрация учебных заведений, формирование трансперсональных организаций (таких, как ЕВРОТАС (Европейская ассоциация трансперсональной психологии), Американская ассоциация трансперсональной психологии, Международный фонд дыхательных психотехник и многих других), стали появляться официально принятые научные труды (С. Гроф, Кен Уилбер).

В Россию трансперсональная психология пришла чуть позже, поэтому и *этап оформления* тоже начался позже – в 90-х гг., когда возникла Ассоциация трансперсональной психологии, стали проходить конференции по трансперсональной психологии. В 1991 г. в Ярославском государственном университете впервые был прочитан профессором В.В. Козловым академический спецкурс «Теория и практика трансперсональной психологии», который и по сей день является популярным на факультете психологии.

Сейчас этот этап подходит к своему завершению. Трансперсональная психология и психотерапия вошла как одно из полноправных психотерапевтических направлений в ППЛ (Профессиональную психотерапевтическую лигу), появляются учебные программы по трансперсональной психологии в классических учебных заведениях, например, вслед за ЯрГУ, в Московском государственном университете.

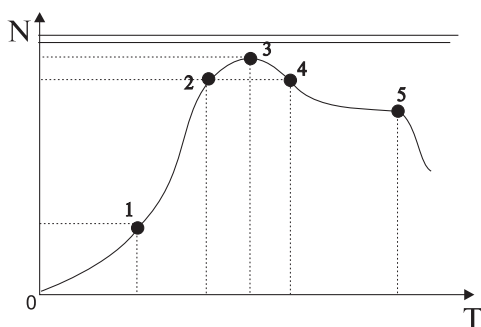
Основные открытия уже совершены, трансперсональная психология принята научным сообществом как новая волна психологии, учебные заведения уже зарегистрированы и функционируют более-менее стабильно. Например, в США Institute of Transpersonal Psychology присваивает ученую степень доктора философии именно по трансперсональной психологии.

И сейчас уже (время идет довольно быстро в наш век) трансперсональная психология из фазы оформления постепенно переходит в **фазу стабилизации**.

Доклад Глена Хартелиуса «Трансперсональная психология 1968–2005 гг.: развивающиеся темы для будущего», состоявшийся на конференции ЕВРОТАС в 2005 г., тоже подтверждает эту диагностику. В докладе говорится, что на фазе бурного развития появилось много разных определений трансперсональной психологии, которые впоследствии Глен и его коллеги обнаружили и систематизировали, и это, на мой взгляд, тоже отражает завершение *фазы оформления* трансперсональной психологии и переход в *фазу стабилизации*.

В ТРИЗ (Теории решения изобретательских задач) используются S-образная кривая и ее производные, иногда называемые логистическая кривая, или кривая Фостера. А в Международной академии фронтальных проблем им. академика Е.Б. Золотова используется модификация этой системы, называемая моделью «Слон».

Эта кривая описывает развитие открытой системы во времени, иными словами – рост численности вовлеченных элементов. Как правило, по оси абсцисс отмечается время, а по оси ординат – количество. Например, процесс появления и распространения черно-белых телевизоров можно описать такой кривой: сначала телевизоров было мало, скорость их роста тоже была невелика, потом наладились технологии производства, появился спрос и количество выпускаемых телевизоров стало быстро расти. Далее рынок заполнился, рост уменьшился и постепенно сошел на нет, тем более что появились цветные телевизоры, что привело в конце концов к спаду производства черно-белых.

На этой кривой можно выделить несколько этапов развития процесса:

1 – точка заметности, до которой процесс развивается скрытно, вызревая в предыдущей системе;

2 – точка насыщения, а участок 1–2 – бурный рост, самоорганизация;

3 – точка предельного насыщения;

4–5 – зона стабилизации, спина «слона»;

5 – точка начала распада системы.

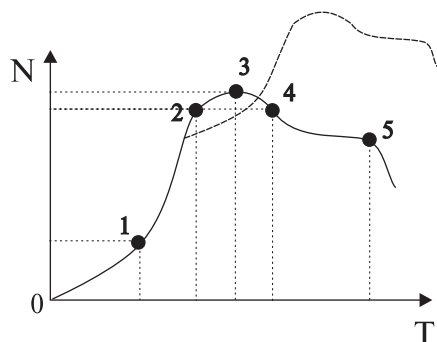
Понимая закономерности этой модели, можно предположить, что трансперсональная психология находится сейчас в районе точки 4.

В пользу этого говорит некоторый спад числа людей, участвующих в событиях трансперсональной психологии, после бурных 1990-х гг., когда происходил рост, и, например, на конференциях по свободному дыханию год от года до середины 1990-х гг. количество участников росло, последние же 10–15 лет на конференциях по трансперсональной психологии стабильно участвуют порядка 100 человек, что является показателем *фазы стабильности*.

Кроме того, происходит смена лидеров движения с первопроходцев, устремленных к поиску себя и новых состояний, на людей, стремящихся к социальной карьере и успешности.

Согласно этой модели, развитие системы «по слону» тем не менее может стимулировать качественный скачок. И тогда с этой кривой начнет расти

«новый слон». На картинке это будет выглядеть примерно так:

На примере телевизоров: по отношению к черно-белым телевизорам качественный скачок – это появление и распространение цветных телевизоров.

Как другой пример перехода на «следующего слона» можно привести рождение трансперсональной психологии в толще развития гуманистической. Наиболее вероятно появление «нового слона» на пике развития системы, но принципиально «новый слон» может возникнуть и на других стадиях.

Различая, что трансперсональная психология уже достигла своего максимума, согласно данному графику можно предположить, что наиболее вероятно такое ее развитие, при котором те структуры, которые сейчас существуют в ней, будут фиксироваться и продолжать функционировать по инерции, т.е. учебные заведения, которые уже есть, – будут продолжать существовать тем же образом, без особых взлетов и падений. Вряд ли будут создаваться новые учебные заведения. А те, что есть, будут постепенно встраиваться все больше и больше в существующие психологические структуры и интегрироваться с психологическим мейнстримом. Что собственно и происходит в российском трансперсональном сообществе.

Может быть, что возникнет новое движение, которое, оттолкнувшись от трансперсональной психологии, станет следующим шагом в направлении развития сознания.

Может быть, интегральный подход – такое движение?

Действительно, многое свидетельствует именно о том, что интегральный подход – это следующий шаг после трансперсональной психологии. Кен Уилбер, создатель интегрального подхода, начал с исследований в рамках трансперсональной психологии, а потом решил сменить название.

Вот как он пишет об этом своем шаге: «Мои предыдущие две книги – “Проект Атман” и “Вверх из Рая” – имели подзаголовки, соответственно, “Трансперсональный взгляд на человеческое развитие” и “Трансперсональный взгляд на человеческую эволюцию” (они были написаны как двухтомник). “Общительный Бог”

имел первоначальный подзаголовок “Краткое Введение в трансперсональную социологию”. Но даже к тому времени трансперсональная область стала, на мой взгляд, проблематичной. Я, конечно, не позволял себе никакой недоброжелательности к этой области, но в то же самое время то, что я делал, не было ограничено трансперсональной психологией или чем-либо трансперсональным. Я изменил подзаголовок на “Краткое Введение в трансцендентную социологию” и, начиная с этой даты (1983), я никогда более не использовал слово “трансперсональный”, чтобы описывать свою работу (хотя я все еще использую его, чтобы описывать супраментальные области сознания)».

Для того, чтобы понять, является ли интегральная психология искомым мною новым импульсом, мне хотелось бы осмыслить четырехквadrантную модель Кена Уилбера, которая лежит в основе интегральной психологии.

Согласно этой модели, каждый факт может рассматриваться в четырех перспективах: с внутренней стороны или с внешней стороны, в аспекте единичности или множественности.

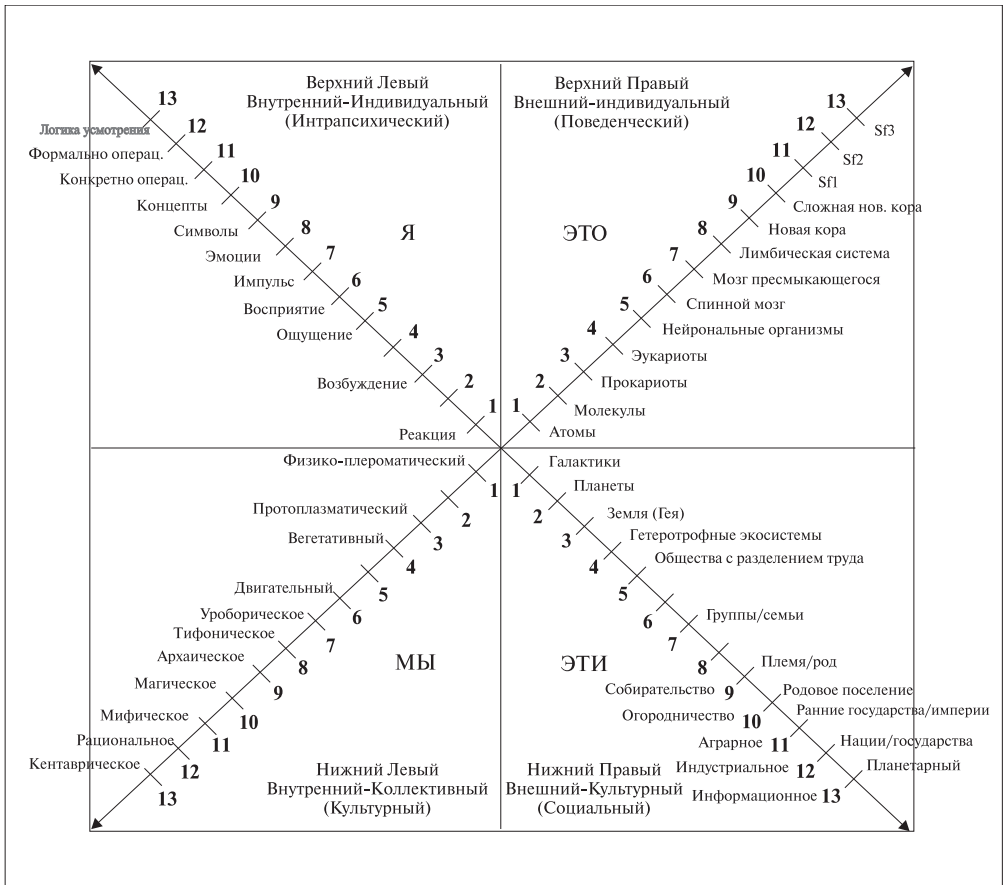
Кен Уилбер пишет об этом так: «Например, мое собственное сознание в этот момент. Я могу смотреть на него с внутренней стороны, когда я вижу все мои различные чувства, надежды, опасения, ощущения и восприятия, которые я мог бы иметь в любой данный момент. Это вид от первого лица или феноменальный, описанный на Я-языке.

Но сознание можно также рассматривать объективным, “научным” способом, когда я мог бы заключить,

что мое сознание – продукт объективных мозговых механизмов и нейрофизиологических систем. Это представление в третьем лице или объективное, описанное на это-языке. Это внутреннее и внешнее представления моего собственного сознания.

Но мое сознание или самость не существует в вакууме; оно существует в сообществе других Я. Так, в дополнение к единичному представлению сознания мы можем смотреть, как сознание существует во множественном (как часть группы, сообщества, коллектива). Я – как продукт культуры.

И так же, как мы можем смотреть на внутреннюю и внешнюю сторону

индивидуума, мы можем смотреть на внутреннюю и внешнюю сторону коллектива. Мы можем пробовать понять любую группу людей с внутренней стороны, в симпатическом резонансе взаимопонимания; или мы можем пробовать смотреть на них с внешней стороны, беспристрастным и объективным способом (оба представления могут быть полезны при условии, что мы уважаем каждый).

С внешней стороны мы видим все объективные структуры и социальные учреждения коллективов, такие, как материальные сооружения, инфраструктуры (сборательство, огородничество, аграрная, индустриальная, информационная), технико-экономическая база и так далее...».

Таким образом, мы имеем четыре основных перспективы (внутренняя и внешняя сторона единичного и множественного): я, это, мы и эти. Так как объективные измерения (внешняя сторона индивидуума и внешняя сторона коллектива) описаны в третьем лице, мы можем свести эти четыре квадранта всего лишь к трем: я, мы и это, или описания в первом лице, во втором лице и в третьем лице.

Исследуя данный подход, претендующий на интегральность, мы столкнулись с некоторыми, на наш взгляд, неточностями.

Пример. Предположим, что одну и ту же ситуацию рассматривают два человека: один — классический материалист — атеист, который практически на все смотрит из правого верхнего квадранта, будучи уверенным, что все, что есть — это объективная реальность; другой — мистик, маг, человек, понимающий, что «объективный мир» лишь кажется таковым в силу конвенциональной реальности, но тем не менее решающий прикладную задачу, для

которой сознательно выбирает использовать перспективу правого верхнего квадранта.

С точки зрения модели Уилбера, оба человека «как бы» исходят из одной и той же перспективы, обозначаемый — правый верхний квадрант.

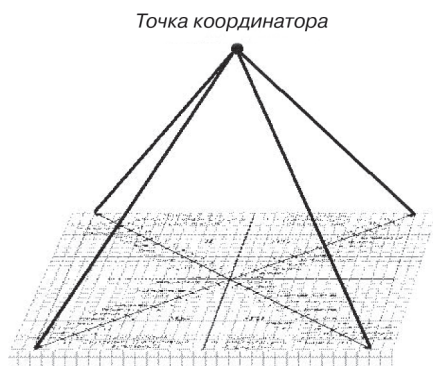
Мировоззрения обоих сильно различаются, т.е. на лицо два разных подхода: материалиста и мистика, а в модели они принадлежат одному и тому же квадранту, и оба описываются на языке «оно».

На наш взгляд, сводить их в одно — это грубая редукция.

Мистик и атеист, даже формально говоря об одном и том же, тем не менее исходят из принципиально разных подходов.

И это, если мы правильно понимаем, в интегральной модели Уилбера не учитывается. На наш взгляд, потому что в модели отсутствует точка координатора, точка Я. Того, откуда собственно человек смотрит на мир.

Для большинства людей — это оправдано, потому что они смотрят на мир из одного из квадрантов, будучи как бы заперты в границах этого квадранта. Но, интегрируя полноценно разные подходы, человек поднимается над квадрантами. Поэтому, если с учетом вышеупомянутого попытаться усовершенствовать

эту модель, мы получим пирамиду, в которой сверху будет точка координатора, наблюдателя.

Таким образом, у плоскостной модели появится объем и точка схода, то, куда можно стремиться. Точка целостности — где субъективное и объективное, внутреннее и внешнее сливаются. И появляется **Я**.

На наш взгляд, без точки координатора эта модель не полна. Если опираться только на квадранты, то возникает тенденция редуцировать описание реальности, профанировать, хотя сам Уилбер пишет, что ни в коем случае этого делать нельзя. Сам же опускает точку координат, не уделяя ей достаточно внимания, подразумевая ее, но не учитывая в описании модели.

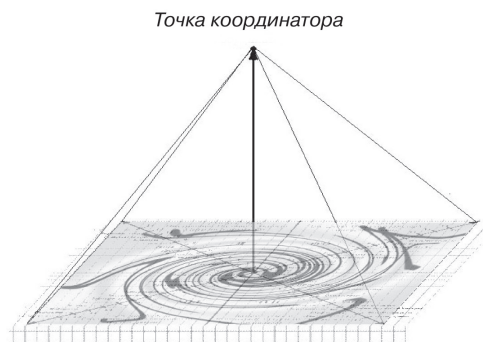
Кроме того, пирамида задает направление развития. То есть вершина пирамиды — цель развития человека. Появление этой точки позволяет говорить о трансцендентности **Я**, которое выходит за пределы плоскости, и это есть образ трансперсонального. И, возможно, именно понимание этой точки как трансперсональной позиции наблюдателя, Высшего **Я** и возвращает интегральную психологию Кена Уилбера в лоно трансперсональной парадигмы, показывая, что интегральная психология — всего лишь ветка трансперсональной.

И если это так, то следующий качественный шаг в развитии трансперсональной психологии лежит за пределами уилберовского интегрального подхода.

Модель пирамиды, созданную нами, можно использовать для создания **образа методологии развития**, который,

может быть, подскажет нам следующий шаг развития трансперсональной психологии.

Поразмыслив над методологией восхождения, выражаемой пирамидой, мы породили образ процесса интеграции — восходящий вокруг центральной оси к вершине пирамиды спиральный вихрь, поднимающий материал из квадрантов и синтезирующий его между собой.

Этот вихрь запускает движение вокруг оси, которое будет включать в себя различные аспекты жизни человека и синтезировать материал всех квадрантов последовательно друг с другом, вовлекая в этот процесс все большие пространства.

Что может породить такой вихрь? Что может способствовать порождению такого вихря в ищущем трансценденции человеке? Как со стороны можно актуализировать этот процесс? Как способствовать раскрутке вихря и увеличивать восходящую силу? Это те вопросы, практические ответы на которые могут лечь в фундамент следующего качественного скачка развития трансперсональной психологии.

Н.А. Качанова

РЕАЛЬНОСТЬ ДУХОВНОГО КРИЗИСА КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ С ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ БУДДИЗМА

Краткий исторический экскурс: отношение к духовному кризису академической психиатрии, «вечной философии», экзистенциально-гуманистического направления в психологии, антипсихиатрии Р. Лэйнга и Д. Купера. Определение понятия «духовный кризис». Различные формулировки определения личности в психологии. Духовный кризис с философско-этической позиции буддизма. Рассмотрение личного духовного кризиса Будды Шакьямуни как катализатора нового видения, максимального раскрытия потенциала личности и духовной реализации. Актуальность и возможность использования принципов философии буддизма в работе с духовным кризисом.

Ключевые слова: духовный кризис, буддизм, личность, Гаутама Будда, Будда Шакьямуни, принципы буддийской философии, девальвация ценностных ориентиров, позитивная психическая интеграция, духовная реализация.

Наша статья по нескольким причинам не претендует на всеохватывающее и систематическое исследование проблемы духовного кризиса в философско-этической традиции буддизма: в первую очередь, из-за несоразмерности масштабов разработанности данного вопроса в самой традиции и принятых размеров научной статьи; во-вторых, целью статьи является привлечение внимания к самой теме духовного кризиса, в отличие от темы личностных кризисов, активно и с успехом разрабатываемой как западными, так и отечественными психологами.

Тема духовного кризиса имеет глубокие корни в истории культуры и религии, в мировых духовных традициях. На наш взгляд, как теоретическое осмысление, так и практическое психотехническое творчество, невозможно без соприкосновения с пространством духовного наследия человечества. Многие выдающиеся фигуры в духовной истории человечества — от шаманов до

святых, мудрецов и основателей великих религий (Будда, Иисус, Мухаммед, Рамакришна, Бодхидхарма, Фома Аквинский, Ефросиния Полоцкая, Иосиф Флавий, Иоанн Богослов, Сергей Радонежский, Тереза Авильская, Хасан аль-Басри и др.) [25] — пережили духовный кризис, который инициировал их духовное развитие и становление.

В культурах всех времен к состояниям, которые вызывал духовный кризис, проявлялся глубокий интерес и благоговейная осторожность, граничащая со страхом перед интенсивностью и неуправляемостью самим процессом. Происходило осмысление сущности духовного кризиса, описание его этапов, возможных «стоянок» (суфизм) и опасностей духовного путешествия, были разработаны групповые и индивидуальные способы работы с подобными состояниями.

В начале Нового времени накопленная тысячелетиями мудрость была по-юношески отвергнута. Ее заменили

модели психики, основанные на строго материалистической философии природы. Психиатрия, наложив свои трафареты на духовные переживания человека, отнесла мистические состояния и деятельность мировых религий и духовных течений в область психопатологии.

На протяжении первой половины XX века академическая психиатрия находилась под влиянием трех основных концепций: биологической школы, бихевиоризма, психоанализа. Все они сводили сложную душевную организацию психики человека к органическим процессам мозга, простым биологическим рефлексам и примитивным инстинктивным влечениям. Ни одна из этих систем не оставляла места для духовности и связанным с ней переживанием духовного кризиса (по Грофу) [7].

Развитие науки во второй половине XX века характеризовалось стремлением каким-то образом вернуть чувство «духовного». Об этом свидетельствует возвращение интереса к вопросам «вечной философии» (Р. Бекк, Э. Андерхилл, А. Лавджой, О. Хаксли) [12], появление экзистенциально-гуманистического направления в психологии, альтернативного бихевиоризму и психоанализу (Р. Мэй, А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс, В. Франкл) [30], возникновение антипсихиатрии Р. Лэйнга и Д. Купера с их радикально новым пониманием безумия и новой стратегией лечения душевнобольных [12]. С этого момента личность как уникальная целостная система с присущей ей возможностью самоактуализации стала предметом изучения гуманистической психологии.

При всем уважении к масштабу изменений в научных взглядах и сделанных на основе этого исследований и открытий, поставленную западными и отечественными психологами сверхзадачу — формирование «нового человека» — с большим

успехом осуществляли буддийские учителя два с половиной тысячелетия назад. Так что основателем психологии как экспериментально-эмпирической науки о сознании можно считать Будду Шакьямуни, тем самым сдвинув сроки возникновения психологии на две с половиной тысячи лет назад, хотя, конечно, истоки медитативных практик уходят в еще более древнее прошлое (см. Андросов, 2001) [22].

Западные психологи, начиная с К.Г. Юнга (Юнг, 1997; Моаканин, 2004) и продолжая в лице лидеров трансперсональной психологии — С. Грофа (2002), А. Минделла (2004), К. Уилбера (2004), Р. Уолша (2004), уже соприкоснулись с невообразимой глубиной буддийской философии и многое взяли в собственные практики и психотехники. В отечественной психологии также имеются яркие исследователи (Козлов, Майков, 2000; Козлов, 2006; Карицкий, 2002; Лобзин, Решетников, 1986; Волкова, 2002; Ожиганова, 2002; Петренко, 2002), работающие резонансно буддийским практикам. В смежных с психологией гуманитарных областях изучения культуры и истории существует глубокая традиция русской школы изучения буддизма, представленная трудами С.Ф. Ольденбурга (1994), О.О. Розенберга (1991), Ф.И. Шербатского (1988); Н.В. Абаева (1989), Г.М. Бонгард-Левина (1980), Б.Д. Дандорона (1997), А.М. Пятигорского (2004), Г.Ц. Цыбикова (1991) [1, 18, 24, 26] и продолженная в работе Института востоковедения РАН (Андросов, 1990), Института востоковедения (Санкт-Петербургский филиал РАН) (Е.А. Торчинов, 2005; В.И. Рудой, 1990; Т.В. Ермакова, Е.П. Островская, 2005) [19, 29], Института этнологии и антропологии РАН, Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН

(А.А. Базаров, 1998; С.Ю. Лепехов, А.М. Донец, С.П. Нестеркин, 2006) [1], Санкт-Петербургского университета (А.В. Парибок, В.Г. Эрман, 2003) [21]. Методы этой школы глубоко аналитически, основаны на первоначальных текстах буддизма и, без сомнения, несравнимы с достаточно поверхностным подходом западных популярных психологов.

Уже К.Г. Юнг отмечал близость приемов западной психотерапии к буддистской психопрактике (во многом и получивших ее «через вторые руки» не прямых культурных заимствований), признавая, что его путь «постижения мира буддийской мысли лежал не в направлении изучения истории религии или философии. К знакомству с взглядами и методами Будды, этого великого учителя человечества, побуждаемого чувством сострадания к людям, обреченным на старость, болезни и смерть, привел меня профессиональный интерес врача, долг которого – облегчить страдания человека» (цит. по М. Альбедиль, 2006, с. 30) [3].

В VI в. до н.э. практически каждый житель Северной Индии мог быть знаком с одной из трех философских теорий:

1. Ортодоксальным индуизмом, беспрекословно признающим авторитет касты браминов, основанный на ведийских знаниях и строгом соблюдении ритуалов и предписаний.

2. Аскетической практикой и медитацией, которую проповедовали независимые духовные учителя (отшельники-шраманы), которые не признавали авторитета Вед и поэтому находились в оппозиции к традиционным учениям.

3. Материалистической и гедонистической философией школы локаята, объявившей основной целью жизни получение удовольствия.

Эта эпоха характеризовалась развитием торговли, оттоком населения в города и, как следствие, ослаблением внутриклановых связей и племенных традиций. Эти причины вынуждали людей искать новые духовные ценности [28].

Современная действительность несравнима с той эпохой по достижениям научного и технологического прогресса, но все остальные параметры – девальвация привычных ценностей, нестабильность общественных структур, изменение социального окружения, потеря привычных перспектив развития, ослабление традиционных духовных основ – схожи по своему внутреннему содержанию. Возрождение интереса к вопросам духовности, попытка их осмысления на новом интеллектуальном уровне с последующей перспективой насыщения профанической жизни духовными смыслами естественна как на уровне отдельной личности, так и общества в целом. Именно такая ситуация способствует инициации массового духовного кризиса.

Основатель трансперсональной психологии С. Гроф в книге «Неистовый поиск себя» ввел понятие «духовного кризиса» – состояния, с одной стороны, обладающего всеми качествами психопатологического расстройства, а с другой – имеющим духовные изменения и потенциально способного вывести индивида на более высокий уровень существования [9].

В этой статье мы можем определить духовный кризис как состояние глубокой временной и пространственной трансценденции личности (понимаемый в трансперсональной психологии как «бытие за пределами Эго в оболочке из кожи») в результате полной девальвации привычных ценностей индивидуума в материальном, социальном

и духовном. В эмоциональном отношении оно характеризуется переживанием различных форм страха (в т.ч. страха смерти и безумия), глубокой тоски, чувства тотального одиночества, сопровождается признаками депрессии, тенденцией к изолирующему поведению, субъективному переживанию состояния безумия и символической смерти.

Определения личности в современной психологии имеют, кроме разнообразных формулировок, еще и различное содержание. Это обстоятельство часто мешает точному пониманию, поэтому сразу стоит прояснить данный вопрос.

До сегодняшнего дня сосуществуют определения личности как субстрата (Рубинштейн, Теплов, Мясищев, Ковалев) [27] и как свойства (Выготский, Леонтьев) [15]. Существуют различия в определении личности по широте исследовательского поля: одни относят сюда лишь индивидуально-типические особенности личности (К.Н. Корнилов), а другие расширяют область исследования до всех психических свойств, состояний и процессов (Рубинштейн, Теплов). Личность как субъект социальных отношений раскрывается А.В. Петровским. Личность как носитель сознания определяется С.Л. Рубинштейном и К. Платоновым. С конца 70-х гг. в определении личности все большее распространение получали идеи системного подхода (в отличие от системно-структурного, рассматривающего соотношение части и целого). Большой вклад в методологическую проработку применимости принципов системного подхода в психологии внесли Э.Г. Юдин, В.П. Кузьмин и др. [11]. Проблема личности по своей теоретической и практической значимости относится к одной из фундаментальных проблем психологии.

Представление о личности «как о совокупности общественных отношений»,

«системного образования», «целостного образа себя» не является чем-то новым. Личность как совокупность отношений впервые определили не классики диалектического материализма, эта идея, как на уровне концептуальном, так и на уровне психотехническом, глубоко разработана в классическом буддизме. Именно Будда Шакьямуни разворачивал, изменял, трансформировал личность через осознание того, что она является совокупностью отношений. Понятие «упаданы» в буддийской психологии показывает, как личность сканируется через определенные отношения, и любое отношение проявляет состояние, структуру, динамику личности. Любой внешний акт выявляет внутреннюю структуру личности: отношение к себе, отношение к своему телу, отношение к другим людям, отношение к тому, что происходит... [11].

Главное свойство личности — ее атрибутивный характер — личность является не субъектом, но атрибутом. Именно в связи с этим самым важным тезисом в трактовке личности выступает та внешняя по отношению к субъекту оболочка, которая нами преподносится как система идентификаций, складывающаяся соответственно иерархии ценностей.

В личностной проблематике социальной психологии проблема ценностных ориентаций занимает особое место. Ценностные ориентации выражают как социальный статус человека, так и обусловленность поведения запросами, потребностями, свойствами личности. Иерархия ценностей выражает иерархию потребностей человека, проявляет различные стороны, аспекты, уровни его сущности.

Что является предпосылкой для трансценденции личности и девальвации ценностных ориентаций? Это ряд

бытийных вопросов: Кто Я? Зачем Я? Откуда пришел? И куда уйду? И когда человека перестают удовлетворять варианты ответов, которые заранее подготовлены институтами власти, идеологии, образования и религии, он умирает как существо профаническое, и, надевая на себя «одежды ищущего», пускается в Путь.

Именно этот акт материального и социального самоуничтожения произвел принц Сидхартха (563–483 гг. до н.э.) в возрасте 29 лет, будучи максимально реализованным в обоих планах. Будда, выросший в условиях райского благополучия, изобилия и красоты, получивший великолепное образование и воспитание воина, муж и уже даже отец, имел в своем распоряжении все возможности для дальнейшей блестящей реализации в материальном и социальном. Но именно такая организация его жизни, сформированная по приказу его отца, царя Шуддходхана из Капилавасту, в итоге стала роковой ошибкой, т.к. спровоцировала слишком мощное разрушение иллюзии гармоничной жизни принца в сравнении с окружающей действительностью. Столкновение Сидхартхи с четырьмя знаменами — нищетой, болезнью, старостью и смертью — потрясло сознание принца, но более всего — понимание, что это неизбежный удел всех людей. И после встречи со спокойным нищим аскетом Сидхартха принял решение: «Я сделаю то, что сделал этот человек. Я откажусь от всех богатств и последую своим путем. Покинув мир с его удовольствиями, я обрету спокойствие и познаю истину, с помощью которой научу людей преодолевать страдания земной жизни».

У каждого из нас есть ощущение своего места. Мы не о том месте, которое дано нам по праву рождения, характеру воспитания и дальнейшей

социализации. Это «место» не опредмечено и топологически не обнаружено. Его сущностная форма скорее напоминает неуловимый «аромат», которым пропитан каждый момент нашего настоящего. Потребность в этом неуловимом «аромате» требует отречения от обжитого и комфортного места, т.е. привычной самоидентификации, жаждет самостоятельного поиска, одиночного вопрошания, безутешного отчаяния и личного озарения.

У некоторых поиск этого «места» начинается с момента сознательного выбора, с отречения от всего того, чем был до этого момента обусловлен и предопределен жизненный путь. Других иницируют в этот поиск трагические обстоятельства жизни, лишая привычных форм эго-существования. Но вне зависимости от способа подобные искания в итоге приводят нас к более ясному пониманию своей истинной природы, изменчивости мира в целом и нас самих, как его частностей. Сидхартха скажет об этом: «И вот покинул я родной дом свой ради бесприютности и стал странником, взыскующим блага истинного на несравненном пути высшего мира».

Любая попытка овеществить духовное содержание существования в предмете, символе, ритуале, слове демонстрирует желание схватить и удержать мимолетное ощущение смыслов насыщенности человеческой жизни. И одновременно доказывает бессилие, пусть даже претендующей на совершенство, формы или теории дать человеку в готовой форме конструкты в виде «вопрос—ответ», «запрос—ритуал», «этап—инициация». После изучения всех существующих тогда философских систем Гаутама понял, что они не дадут ответа на мучивший его вопрос. Каждый раз, изучая учение и превосходя

учителя в глубине понимания, он уходил, не вовлекаясь в возможные игры «духовного Эго». В конце концов он обратился к практикующим йогам, а затем уединился в джунглях для ведения аскетического образа жизни. Доведя себя до предела истощения, он понял, что должен существовать другой путь. Не понимая, о каком пути говорит Будда, соратники покинули его. Оставшись в уединении, Сидхартха просидел под деревом бодхи всю ночь. Его борьба той ночью описана в виде хроники в сутрах пали. Он боролся против сил, которые вызывало его сознание для отвлечения от цели его размышлений. Он боролся с силами страха, страстного желания и разрушения, с тягой к прошлому. Но он был непоколебим в своем желании понять. И на рассвете он вдруг все понял. Он был просветлен.

Как неоднократно указывал профессор В.В. Козлов, Будда является для нас прежде всего образцом человека, предельно честного и целеустремленного в своем желании найти ответ на коан своей жизни. Несомненная заслуга Будды в том, что он показал возможность постижения истины благодаря самостоятельным усилиям человека. В связи с тем, что его цель была огромна и предельно чиста, он избежал двух опасностей духовного искателя: опасности духовного нарциссизма и неспособности интегрировать духовный опыт в повседневную жизнь.

Будда — образец дерзости и вызова представлениям мира о значимости материальной и социальной реализации. Спокойная простота, с которой он бросал этот вызов, достойна восхищения. Подобное возможно лишь при глубокой внутренней устремленности, когда внешнее не является преградой, т.к. воспринимается по своим масштабам в сотни раз меньше поставленной задачи.

Гаутама — образец внимательного и дисциплинированного ученика, который впитывал учения того времени, максимально отдаваясь предлагаемым текстам и практикам. Его уважение к учителям и одновременно безучастность к авторитетам позволило проложить свой Путь, не омраченный предательством или обидами.

В истории религии Будда был единственным, кто не провозглашал себя богом или богочеловеком, не был пророком или боговдохновенным учителем. Он задал вопрос Бытию будучи человеком, вырвал этот ответ у Бытия, оставаясь человеком, говорил о возможном Пути не-страдания для каждого как человек и умер человеком. Что может быть большим доказательством его проникновения в пространство четырех драгоценных состояний сознания — равенности, радости, сострадания и любви — как не этот факт полного принятия своей «человечности» без попытки «улучшить качество природы» или хотя бы «возвысить положение»?!

Отметим, что Будда — это не имя собственное и не титул. Будда (санскр.) — «Достигший прозрения», «Просветленный высшим знанием», «Осененный истиной», «Тот, кому открыты все законы мироздания», «Достигший нирваны». Нирвана (санскр.) — угасать, как светильник или как солнце на закате. Нирвана трактуется как конечное освобождение, особое состояние духа, преодоление земных страстей и желаний, полный покой вне бытия и вне времени [25]. В тексте «Абхидхармы» Васубандху нирвана определяется как «состояние абсолютного уничтожения» (всего связанного с материей или физическим миром) [19]. Таким образом, природа Будды — это присущий каждому живому существу потенциал полного просветления, возможность достичь нирваны.

С точки зрения буддизма, духовный кризис — это способ обнажения первоначальной самости человека, снятие защитного механизма под названием «личность» или «Я». В связи с тем, что даже наше рождение является актом страдания, а к моменту зрелости наше я — это мощный защитный механизм от боли, рождающейся в процессе жизнедеятельности, духовный кризис является естественным процессом разотождествления с этим механизмом и прояснением истинной природы реальности как постоянно меняющихся форм нашего восприятия.

Как писал профессор В.В. Козлов, в случае с Буддой мы видим, как духовный кризис явился катализатором нового видения и максимального раскрытия потенциала личности. Он стал ключом для проникновения в пространство духовной реализации. Да, безусловно, психология западного обывателя воспротивится именно такому пути — бескомпромиссному и отчуждающему все личное. Но именно этот факт является одной из характеристик духовного кризиса — состояние глубокой временной и пространственной трансценденции индивидуального сознания человека.

Духовный кризис для Будды явился одновременно зовом и вызовом. Он спровоцировал активность личности для поиска ответа на вопрос вечности. Что примечательно, это был пример индивидуального поиска в полной изоляции с выходом в позитивную психическую интеграцию на новом качественном уровне проживания бытия. Нам также представляется важным, что этот выход произошел через кристаллизацию прожитого опыта Шакьямуни в творческий акт мирового значения — создание учения о пути не-страдания. По сути, он предложил индивидуальную стратегию работы с духовным кризисом.

Буддийская философия построена на полной девальвации всех ценностей человеческой реальности за счет признания факта об иллюзорности самой личности. Она основана скорее на интуитивном восприятии мира, чем на прямых умозаключениях и логических доказательствах. Концептуальным ключом к пониманию морально-этических и духовных норм буддизма является теория взаимосвязи всего сущего, кардинально отличающаяся от подходов как ортодоксального индуизма, так и других оппозиционных школ.

Данная концепция предусматривает три признака проявленной реальности, которые максимально раскрывают свое феноменологическое содержание в процессе духовного кризиса — аничча, анатта, дуккха [28]:

- *Аничча* — изменчивость мира явлений: феноменальный мир изменчив, так как все проявленное зависит от условий, поддерживающих существование.

Например, американский психолог и теоретик Карл Роджерс разработал концепцию структуры референции [6, 30]. Структура референции — это индивидуализированное восприятие человека, которое сформировано всем предыдущим опытом данного конкретного человека. Роджерс считал, что для психоаналитика желательно иметь способность выйти за пределы собственной структуры референции и войти в структуру референции клиента через сочувственное выслушивание и ответ. Буддийский взгляд предполагает другой подход. Безусловно, определенный уровень сочувствия необходим для понимания точки зрения другого человека и установления доверительных отношений, однако если ответ терапевта исходит изнутри структуры референции клиента, то укрепляет того в иллюзии, что воспринимающееся

им как реальное на самом деле является реальным. Это вносит вклад в поддержание иллюзии постоянства мира и самостоятельного Я.

- *Анатта* – несуществование сущего самого по себе: буддизм отрицает самость Эго. В абсолютных терминах Я есть иллюзия, не имеющая ничего общего с реальностью. Личность рассматривается как воплощение пяти *скандх* (физическое тело, чувства, ментальность, желания и сознание), но феномена самостоятельного Эго не существует.

Академическая западная и отечественная психология, несмотря на разногласия в определениях, признает личность вершиной психической организации, «верховным правителем психических функций» (по О. Кюльпе, 1914) [14]. В буддизме – это иллюзия омраченного сознания. Буддизм отрицает то, что в брахманизме или джайнизме получило название «джива» (душа) или «пудгала» (личность). «Все, что мы считаем “своим” или “собой”, например, “мой дом”, “моя семья”, “мое тело”, “мои мысли”, “мои взгляды” – все это не является нашим, так как в действительности не существует никакого обладателя». (Квантипалло, 2006, с. 64) [21]. В ведическом брахманизме, откуда и в оппозиции чему возник буддизм, существует понятие «атман» – своего рода «искра божественная», которая есть в любом живом существе, которая затем возвращается, сливается с океаном космического Абсолюта (Брахмана). В буддизме же принцип «анатта» отрицает существование Я, подчеркивает иллюзорность этого переживания.

Рене Декарт, не в силах отрицать мыслительный процесс как таковой, пришел к выводу: «*Cogito ergo sum*» («Мыслю, следовательно, существую»). Ученый пытался вычленил некое базовое понятие – независимое и вечное Я.

Для буддиста эта задача лишена всякого смысла. Так как ментальность является одной из *скандх*, меняющихся под воздействием процессов феноменального мира, то поиск субстанционального Я бесперспективен.

- *Духкха* – страдание как естественное следствие ограниченного феноменального существования и заблуждения об истинной природе реальности.

Например, в психоанализе эффект вытесненного в бессознательное травмирующего переживания снимается путем его осознания и переосмысления. «На место Оно надо поставить Эго», – полагал Фрейд. Благодаря осознанию и обобщению с опорой на культурный опыт человечества снимается тяжесть и комплекс вины единичной психологической травмы. Идея иллюзорности Я создает эффект чудо-терапии. Благодаря концепции «анатта» эффект страдания исчезает из-за отсутствия самого страдающего в настоящий момент. Я как временное мимолетное сочетание *дхарм* (элементов сознания) освобождено от груза переживаний прошлого [21].

Анализируя концепцию просветления в «Махаяна-Шрадхотпада-шастры» Н.В. Абаев (1991) пишет, что, согласно этой шастре, истинное (неомраченное) сознание обладает недвижимой природой, но *клеши* (эмоции и желания) вызывают движения мысли [1]. «Это подобно воде в океане, волны которого поднимаются под действием ветра. Подобно этому, сознание человека, чистое по природе, приходит в движение (т.е. возбуждается) под действием ветра неведения. Сознание обладает неподвижной природой, и если неведение исчезает, то поток ложной активности тоже прекращается, но природа мудрости остается неизменной и не исчезает» (Ашвагоша, 1989, с. 251) [4]. В.Ф. Петренко в приведенной цитате

усматривает противоположность представлений о деятельностной природе сознания в буддизме и отечественной психологии [21]. По его словам, «в приведенной цитате шастры содержится идея пассивности истинного неомраченного сознания, диаметрально противоположная представлениям о сознании в теории деятельности А.Н. Леонтьева (1971), С.Л. Рубинштейна (1935), где подчеркивается активная, деятельностная природа сознания». Подобное заключение можно было сделать из определения С.Л. Рубинштейном личности как носителя сознания [27]. С нашей точки зрения, употребляемое в этом контексте понятие «сознание» и подразумеваемое в буддийском тексте под метафорой волн понятие «личность» не тождественны. Напомним, что в буддизме личность является не носителем, а атрибутом сознания. И, как следствие, освобожденное сознание, открытое и не привязанное к конкретным формам отождествления в своем потенциале является мощной творческой силой.

Школы Йогачары и Мадхьямики близки современному конструктивизму (Келли, Герген, Петренко, Харре) [20]. Конструктивизм подразумевает построение субъектом-творцом идеальных (как в математике и философии) или материальных (как в архитектуре) конструкций исходя из функционально необходимых задач в деятельности.

Конструктивизм внутренне встроены в мировоззрение буддизма, который основывается на принципе циклической причинности между элементами и системой в целом, самоорганизующейся системой и окружающей ее средой, наблюдателем и наблюдаемым, субъектом и объектом. В этом плане мы можем говорить об изучении «мира изнутри», как он видится познающим его и

действующим в нем человеком и как он может конструироваться человеком.

Так, Р. Харре призывает психологов переключить внимание в исследовании с поиска Я как некой сущности, которую надо раскрыть и описать, на конструирование Я. В конструктивистском подходе в духе Дж. Келли сознание человека рассматривается по аналогии с работой ученого, который конструирует модели мира, себя, других людей. Личность или Я рассматриваются как когнитивные конструкции, Я-концепции, построенные нашим сознанием, чтобы связать индивидуальный опыт, нанизав на временную нить и интегрировав те события, свидетелем которых было сознание [20].

Однако уточним, что буддийский подход, опираясь на концепцию «анатта», призывает сосредоточить внимание не на конструировании будущего Я, а на тотальном присутствии в реальности, осознавая ее преходящую природу. Именно этот подход непривязанности к собственной идентификации помогает раскрыть особую роль человека-творца. Находясь в непосредственной взаимосвязи с миром, человек может оказывать непосредственное влияние на сложные системы, на ход их эволюции, а также может выводить их на желаемые будущие состояния с помощью единичного действия при выборе возможных путей развития в состояниях неустойчивости духовного кризиса.

Исследование реальности духовного кризиса с философско-этической позиции буддизма позволяет нам сделать следующие выводы о его природе:

1. Духовный кризис как период максимальной социально-психологической дезадаптации индивида и как период возможного перехода на более высокий уровень индивидуации является поворотным пунктом в развитии человека.

2. Духовный кризис при всей своей разрушительной природе и девальвации ценностных ориентиров обладает потрясающе сильным эволюционным и целительным воздействием.

3. Духовный кризис является естественным процессом разотождествления с защитным механизмом под названием личность или Я и проясняет истинную природу реальности как постоянно меняющейся формы нашего восприятия.

4. Духовный кризис является провокацией активности человека, катализатором нового видения и максимального раскрытия его творческого и духовного потенциала.

5. Духовный кризис протекает как индивидуальный поиск в полной изоляции и предполагает возможность выхода в позитивную психическую интеграцию на новом качественном уровне проживания бытия.

6. Благодаря правильному пониманию духовного кризиса и отношению к нему как к трудному этапу в естественном процессе развития возможно обеспечить спонтанное исцеление различных эмоциональных и психосоматических нарушений, благоприятное изменение личности, разрешение важных жизненных проблем и эволюционное движение к тому, что подразумевается под понятием «просветленное сознание».

Литература

1. *Абаев Н.В.* Чань-Буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск: Наука, 1989.
2. *Асмолов А.К.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.; Воронеж, 1996.
3. *Альбедиль М.* Буддизм. СПб.: Питер, 2006.
4. *Ашвагоша.* Махаяна-шрадхотпада-шастры = Шастра о пробуждении веры в Махаяне // Чань-Буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае / пер. Н.В. Абаева. Новосибирск: Наука, 1989. С. 247–256.
5. *Бхикку Квантинпалло.* Секреты медитации. М.: Беловодье, 2005.
6. *Брейзиер К.* Буддийская психология / пер. с англ. О.И. Максименко. М.: АСТ: Астрель, 2006.
7. *Гроф С.* Холотропное сознание. М.: АСТ, 2002.
8. *Гроф С.* Психология будущего. М.: АСТ, 2001.
9. *Гроф С., Гроф К.* Неистовый поиск себя. М.: АСТ, 2003.
10. *Карицкий И.Н.* Теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик. М.; Челябинск: Социум, 2002.
11. *Козлов В.В.* Социальная и психологическая работа с кризисной личностью. Метод. пособие. М.: АСТ, 2001.
12. *Козлов В.В., Майков В.В.* Трансперсональная психология: истоки, история, современное состояние. М.: АСТ, 2004.
13. *Кучеренко В.В., Петренко В.Ф., Россохин А.В.* Измененные состояния сознания: психологический анализ // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 70–78.
14. *Кюльпе О.* Современная психология мышления // Новые идеи в философии. № 16. СПб., 1914.
15. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: МГУ, 1981.
16. *Минделл А.* Сновидение в бодрствовании. М., 2004.
17. *Моаканин Р.* Психология Юнга и буддизм. М.; СПб, 2004.
18. *Ольденбург С.Ф.* Жизнь Будды. СПб, 1919.
19. *Островская Е.П., Рудой В.И.* Классические буддийские практики: вступление в Нирвану. СПб.: Азбука-классика: Петербургское востоковедение, 2006.
20. *Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. № 3. С. 113–121.

21. *Петренко В.Ф., Кучеренко В.В.* Медитация как непосредственное познание // *Методология и история психологии*. 2007. Том 2, вып. 1. С. 164–189.
22. *Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., Вяльба Ю.А.* Психосемантика измененных состояний сознания // *Психологический журнал*. 2006. № 5. С. 16–27.
23. Психотерапия и духовные практики. Подход Запада и Востока к лечебному процессу / сост. В. Хохлов. Минск: Вида-Н, 1998.
24. *Пятигорский А.М.* Непрерывающийся разговор. Лекции по буддийской философии. СПб.: Азбука-классика, 2004.
25. Религия. Энциклопедия / сост. и общ. ред. А.А. Грицанов, Г.В. Синило. Минск: Книжный дом, 2007.
26. *Розенберг О.О.* Труды по буддизму. М., 1991.
27. *Рубинштейн С.Л.* Краткие основы психологии. М., 1935.
28. *Томпсон М.* Восточная философия / пер. с англ. Ю. Бондарева. М.: ФАИР-Пресс, 2000.
29. *Торчинов Е.А.* Введение в буддизм. СПб.: Амфора, 2005.
30. *Фрейдджер Р., Фейдимен Дж.* Гуманистическая, трансперсональная и экзистенциальная психология. К. Роджерс, А. Маслоу и Р. Мэй. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007.
31. *Юнг К.Г.* О психологии восточных религий и философий. М.: Медиум, 1994.

Д.А. Либерман

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КАТЕГОРИЙ ОБЪЕКТА И ОБЪЕКТИВНОСТИ В НАУКЕ

В статье рассматривается проблема объекта и объективности на материале философов схоластической эпохи (Ансельм Кентерберийский, Бонаветура, Фома Аквинский, Дунс Скот и др.) и представителя Нового времени Рене Декарта. Акцент делается на божественном происхождении феномена объекта и, соответственно, объективности. Анализируется соотношение предметного и объективного у Декарта. Предмет рассматривается как опосредующий элемент в отношении субъекта к объекту, в отличие от их непосредственной связи в схоластической философии.

Ключевые слова: объект, субъект, предмет, идея, сущность, образ, интеллект, способность души, сознание, вещь.

Главным принципом современной науки является ее ориентация на объективное знание. Соответственно, требование объективности считается главным постулатом научного знания. Иногда наука загоняет себя в тупик невозможностью определить степень объективности результатов своей деятельности, так как от этого напрямую зависит истинность или неистинность научного знания. Скажем, не понятно, каковая степень объективности достаточна для того, чтобы назвать то или иное положение истинным. Отсюда интересным кажется понять, что скрывается за понятием объективности, чего так настойчиво добивается ученый при своей работе. Имеют место несколько взглядов на природу объективности.

Существует мнение, высказываемое в частности Аланом Мегиллом, о том, что в эпоху схоластики объективное и субъективное означали то же отношение, что и сейчас, только наоборот. То есть объективное означало как раз нечто не объективное в нынешнем смысле слова, присущее не самим вещам, а мышлению, то, что сейчас называется субъективным. Субъективное, наоборот, означало присущее самой

вещи независимо от познающего мышления. «... В схоластической философии определения “объективное” и “субъективное” использовали для обозначения, соответственно, объектов сознания и вещей в себе, т.е. в понимании, совершенно противоположном сегодняшнему» [4, с. 372]. Так ли это?

Как отмечает Алан Мегилл: «Хотя было сделано немало разнообразных предположений, реальное содержание понятия “объективность” остается загадкой. Зачастую гораздо проще сказать, чем объективность не является» [4, с. 361]. Мегилл, наравне с бытовым пониманием объективности: объективность как нейтральность – точка зрения, свободная от человеческих пристрастий; объективность как освещение разных точек зрения – взвешенность; объективность как балансировка между разными точками зрения и своими взглядами, выделяет также и четыре характерных способа понимания научной объективности, рассматривая последнюю как «претензию на когнитивную значимость». Эти четыре основных типа научной объективности на практике не являются в чистом виде, но пересекаются. *Абсолютная объективность*, по

мнению Мегилла, связана с корнями современной философии, начиная с Декарта, и предполагает, хоть и не явно, представлять вещи такими, какие они есть на самом деле. Причем ученые при этом должны прийти к одинаковому набору репрезентаций. *Дисциплинарная объективность* предполагает консенсус в конкретном научном сообществе. *Диалектический тип объективности* предполагает взаимодействие субъекта и объекта и, как следствие, включает в себя субъективность. *Процедурный тип объективности* предполагает исключение субъективности для достижения истины.

В данной работе я постараюсь разобрать историю возникновения самого термина «объект», который и задает смысл объективности, объективного, объективной реальности, а также насколько объект являет собой внешнее по отношению к сознанию, насколько объект противостоит субъекту и насколько объективность присуща внутреннему содержанию самого субъекта — его мышлению, пониманию и представлению. Особое внимание хочу при этом обратить на то, в чем пафос именно картезианской объективности, также значительную часть работы составляет анализ средневекового понимания этого термина, без которого, на мой взгляд, мы не можем вполне понять то, что понимал под объектом Декарт.

Рассматривая возникновение и становление интересующего нас термина в эпоху схоластики, Томас Кобуш считает, что «Слово “объект” является латинским переводом греческого выражения “antikeimenon”, которое Аристотель ввел в философский язык как нестрогое понятие противоположного. Если понимать antikeimenon как то, что противостоит способностям души, тогда antikeimenon имеет значение объекта. В

этом смысле Аристотель различает уже чувственные и мыслимые (нечувственные) объекты»¹.

Далее говорится о том, что в качестве греческого прототипа для латинского слова «объект» выступает также и слово «hypokeimenon», которое употребляется в этом смысле (в смысле объекта) Иоанном Филопоном в том месте, где им «исследуется ценность познания исходя из того, какого вида является объект познания (to hypokeimenon peri ou h gnosis)»². Автор статьи не указывает, что слово «объект» в латинском языке представляет собой отглагольное существительное и образовано от глагола «objicere», т.е. возражать. На это указывает А.В. Лекторский в книге «Классическая и неклассическая эпистемология» в главе, посвященной объекту [3, с. 157].

Появление этого термина в латинском языке в указанном смысле автор отмечает в философской литературе первой половины XIII в. у Роберта Гроссетеста и Филиппа Канцлера в связи с вопросом об объектах, свойственных способностям души³.

Дитрих Фрайберг различает пять видов объектов, которые отдельно существующая душа может познать через саму себя: 1) отдельные чувственные объекты;

¹ Historisches Wörterbuch der Philosophie. Herausgegeben von Joachim Ritter und Karfried Gründer. Band 6: Mo – O. Basel, 1984. S. 1025–1052 (Kobusch Th. Objekt // Hist. Wb. Philos. 6. Basel, 1984. S. 1025–1052.)

² Hist. Wb. Philos. 6. S. 1025–1052.

³ В трактате Филиппа Канцлера «De Anima et de potenciis eius» (1225 г.), а также в зависимом от него анонимном трактате «О способностях души и ее объектах», написанном в том же году. В этих текстах объект имеет значение материи в смысле вещества, которая отличается (отделена) от способности подобно тому, как цвет является объектом способности зрения, т.е., в общем-то, термин употребляется в том же смысле, в котором автор фиксировал его у Аристотеля в значении antikeimenon.

2) отсутствующие, только представляемые отдельные объекты; 3) предметы силы суждения (*vis aestimativa*); 4) отвлеченное, общее существование вещи; 5) «сверхъестественные» объекты, к которым можно «прикоснуться» только милостью Божией; это бытие Бога и сам Бог, «познание которых приобщает к блаженной жизни».

Объект понимается не только как противостоящая способности материя (в смысле вещества), а дается более сложная их классификация сообразно с теми способностями, объектами которых они являются, т.е. со способами их узнавания.

Фома Аквинский, который, согласно мнению автора рассматриваемой статьи, ввел различие не только объектов сообразно тем способностям души, которым они соответствуют, как, например, цвет — объект зрения, а тон — объект слуха, но различие внутри самого понятия «объект». Согласно этому, объект, из которого начинается действие, в чувстве воспринимающего отличается от того, в котором действие находит свою цель. Это различие действующих (побуждающих, движущих, мотивирующих) и завершающих (ограничивающих, терминирующих) объектов, которое получило в схоластике общее распространение. На основании этого различия Фома Аквинский также вводит различие активных и пассивных способностей души: «Объект относится к действию пассивной способности как движущий принцип и движущая причина, ибо цвет, поскольку движет зрение, является принципом зрения; по отношению же к действию активной интенции объект выступает как цель и назначение»¹, т.е. в качестве целевой причины, — пишет Фома в «Сумме теологии».

Здесь важно оговориться. Реально различие, которое провел Фома Аквинский между мотивирующим и терминирующим объектом, это не просто классификация наподобие того, что существуют такие и такие объекты, но различие внутри самого понятия: на деле каждый объект и вызывает на себя действие способности и одновременно является тем, в чем она завершается, т.е. и действует по отношению к ней, и страдает. Однако другое дело, что при смене точки зрения или позиции (активной/страдательной) меняется и сам объект. В случае с цветом и способностью зрения мотивирующим объектом будет то, что вещь является цветной, а терминирующим будет «красное». Сообразно этому каждая способность души одновременно является активной и пассивной.

Наряду с этим разделением и в соответствии с ним существует общееупотребимое для схоластики XIII в. разделение формального и материального объекта. Разделение заключается в том, что формальный объект — это единая точка зрения, в согласии с которой рассматриваются многие конкретные материальные объекты. Например, согласно Бонавентуре, материальные объекты представляют собой многие различные чувственно воспринимаемые сущности, как, например, лошадь или человек, в то время как формальный объект является формальной причиной для первых (материальных объектов) быть воспринимаемыми способностью зрения в качестве таковых, т.е. цветность как некое единство, которое делает разнородные сущности объективно воспринимаемыми (цветность тут понимается в том смысле, что любой объект зрения видится в цвете и никак иначе, т.е. наличие цвета, его цветность является формальной основой того, что материальный объект может быть увиден).

¹ Thomas Von Aquin, S. theol. I, 77, 3. Цит. по [6].

Схожим образом, согласно Фоме Аквинскому, человек, осел, камень и другие «материальные объекты способности зрения приходят в согласие с формальной причиной цветного, что в дальнейшем должно рассматриваться как собственный формальный объект этого чувства»¹.

Ричард Медиавильский определяет формальный объект, как «то, через определенность чего впервые и для себя способность принимает во внимание *материальный* объект...». Формальные объекты таким образом являются действием интеллекта. Так, объект имеет свою определенность как такового от вещи самой по себе, в интеллектуальном бытии она конституируется через свет действующего интеллекта. На этом фоне становится понятным тезис Дитриха Фрайберга, который говорит, что «распознанная вещь получает определенность объекта через деятельность интеллекта», в то время как чувство и воображение (представление *die Einbildungskraft*) эту определенность всегда уже предполагают в вещи. Поэтому, согласно Дитриху, объекту противостоит один интеллект как активный каузальный принцип.

Таким образом, получается, что объект — это такой своеобразный концепт из взаимонаправленного действия интеллекта и вещи друг на друга. Вещь или чувственно воспринимаемая сущность вызывает действие способности, т.е., действуя на интеллект, вызывает его действие на себя. Интеллект же может распознать действующую на него вещь, т.к. всегда уже предполагает в ней определенность объекта. Таким образом, познающий интеллект и вещь одновременно находятся в активном и пассивном состоянии, являются и объектом, и

субъектом одновременно. Не случайно субъект является также переводом слова «гюпокейменон» (подлежащее, лат. *subiectum*).

Несмотря на то, что впервые различное понимание объекта как мотивирующего/терминирующего, формального/материального, действующего/страдающего, субъекта/объекта было зафиксировано Фомой Аквинским, реально оно существовало на протяжении всего развития западно-христианской мысли на уровне самого латинского языка.

Так, блаженный Августин в трактате «О христианском учении» писал, что каждая вещь является одновременно и вещью, и знаком, отсылающим нас к другой вещи, т.е. обозначаемым и обозначающим. Только Бог не отсылает нас более ни к чему другому, но все отсылает к Нему, а ничто является чистым знаком, так как не является никакой вещью (*nulla res*). Таким образом, все вещи причастны друг другу через причастие Богу, но между тем выделены как отдельно существующие. Все тварные вещи есть результат Божественного акта творения, но через него же получившие возможность вещания, т.е. божественный акт продолжается в вещи и становится ее собственным. И позиционно тварная вещь всегда является и объектом, и субъектом одновременно и никогда только тем или иным.

Все это выражается не только на уровне глубинного смысла языка, но и на уровне грамматики, которая вызывает к жизни эти смыслы тем, что предполагает возможность смены позиции объекта и субъекта в рамках одного высказывания; более того, одно и то же подлежащее в рамках одного высказывания выступает в качестве и субъекта, и объекта действия. Как, например, простое высказывание «*dīcor venisse*»,

¹ Thomas Von Aquin, S. theol. Цит. по [6].

которое нужно перевести на русский язык, как «обо мне говорят, что я ушел», которое дословно переводится, как «я говорю о себе, что я ушел». Это обеспечивается наличием и употреблением в латинском языке личных форм глагола в настоящем времени в пассивном залоге. То есть «я говорю о себе», «ты говоришь о себе» то же, что и «обо мне говорят», и т.д., но в латинском мы на этом месте видим личное местоимение единственного числа, т.е. «я», «ты» и т.д. И «я» тут является одновременно и субъектом, и объектом действия, ведь ушел-то я, а говорят обо мне. То есть можно сказать так, что «я», совершая действие, одновременно вызывает действие, направленное на себя.

Так, Ансельм Кентерберийский в трактате «Об истине» приводит пример, иллюстрирующий употребление в одном предложении и активных, и пассивных причастий: «*Nic quod studens et legens didicit, nonnisi coactus docet*» [1, с. 192], что переводится: «То выученное и прочитанное, чему он обучился, он побуждаемый преподает», т.е. грубо: «Он вынужден преподавать то, чему обучен, или же то, что он раньше выучил, сейчас побуждает его преподавать». В данном случае активными причастиями являются «выученное» и «прочитанное», а пассивным — «побуждаемый». Характерным является то, что субъект в данном предложении и действует (преподает), и побуждается к этому действию своим предыдущим действием. Меняются местами *некто* преподающий и *нечто* им выученное, т.к. выученное как объект и результат первого действия действует на субъект и обуславливает его последующее действие — преподавание. Глагол «сого» также переводится как судить, делать выводы, т.е. выученное побуждает меня в том смысле, что я должен его осмыслить,

и сделанные на основании этого выводы уже так или иначе являются основой моего преподавания. Все это выражено самим употреблением языка, самой его грамматической и синтаксической структурой. Этим примером я хочу показать, насколько сам язык задает эту двусмысленность объекта и субъекта.

Продолжая говорить об истории развития понятия «объект», вслед за Фомой следует отметить Сигера Брабантского. Он говорит о том, что нематериальный объект в качестве общей формы существует в двух видах: первая — интеллигибельная форма, через которую познается вещь, — существует в интеллекте, вторая существует в вещах в качестве реально общего, только потенциально познаваемого. То есть формальный объект содержится не только в интеллекте, но и в самой вещи, и это делает ее познаваемой для интеллекта. Для того чтобы интеллект распознавал вещь, т.е. находил в ней определенность объекта, которая содержится в нем как условие познаваемости вещи, и которую способности благодаря тому, что она содержится в интеллекте, всегда предполагают в вещи, необходимо, чтобы эта определенность объекта содержалась в вещи в качестве реально общего.

Все вышесказанное, на мой взгляд, можно условно назвать гносеологическим смыслом понятия «объект» и прийти к его онтологизации, которую Кобуш отмечает во второй половине XIII века. Суть онтологизированного смысла понятия «объект» можно выделить как репрезентированную в уме (интеллекте, представлении ...) вещь. Выше было сказано, что объект вызывает способность души на себя и является тем, в чем способность души находит свою цель; каким образом это происходит, отчасти иллюстрирует различение формального и материального объекта

и выделение особенностей их взаимодействия. В данном случае говорится еще и о том, что объект имеет двоякое существование: в качестве актуально понятой вещи, т.е. ее репрезентированной чтойности и сущности, имеющей бытие в интеллекте, а также объект в отдельно существующей вещи (субсистирующей) в качестве реально общего и только потенциально познаваемого. В этом смысле Генрих Гентский отмечает, что вещь имеет двойной способ существования в качестве объекта: как предмет познания и как предмет воли.

Дунс Скот, наряду с выделенными онтологическими смыслами понятия «объект» как актуально существующей вещи и как актуально понятой вещи, полагает, что, так как объект относится к способности, как двигатель к движимому, то он должен быть ей предположен, т.е. быть раньше нее в качестве актуально общего вещи, так как объект стоит перед актом. Но это является лишь возможным, так как все узнаваемое и познаваемое понималось им как «objecta secundaria», т.е. вторичный объект или объект второго порядка божественного интеллекта.

Божественный интеллект своим актом порождает познаваемое как интеллигибельное бытие и придает одному объекту одно бытие, а другому — другое, и потом придает им соответствующую определенность. Через эту определенность вещи впоследствии движут интеллект к достоверному познанию. Отсюда, на мой взгляд, становится понятно, почему и откуда единичная вещь содержит в себе объект в качестве реально общего и на каком основании интеллект и чувство всегда формально предполагают в вещи определенность объекта. Таким образом, через посредство объектов человеческий интеллект может видеть чистую истину.

Переходя от онтологии в область грамматического и логического содержания понятия, Дунс Скот, а за ним и Уильям Оккам создают учение о первом адекватном объекте. Дунс Скот говорит, что, так как возможна метафизика как наука или знание о трансцендентном, необходимо рассматривать сущее вообще, поскольку оно является абстрагированным содержанием естественно или натурально познаваемых вещей, как первый адекватный объект человеческого рассудка в его естественной определенности, то есть как первый адекватный объект, присущий натурально или естественно человеческому разумению. Соответственно, может быть познано сущее как таковое в общем без того, чтобы познавать каждое единичное сущее. Уильям Оккам вслед за Дунсом Скотом считает, что адекватный объект — это то, что является общим при предикации для каждого объекта, который узнается определенной способностью. Однако сам первый адекватный объект не является объектом той способности, обо всех объектах которой он сказывается, и не может быть схвачен этой способностью. Сущее, например, сказывается обо всем познаваемом, однако не все, содержащееся в сущем, достижимо для интеллекта.

В чисто грамматическом смысле субъект и объект, еще согласно Фоме, различаются следующим образом: субъект — то, о чем речь, подлежащее; объект — то, *что* должно быть узнано о субъекте, его качество, завершение силлогизма. Но это формальное определение, на которое мы в некотором смысле ориентируемся, является сильно упрощенным, как мы уже показали выше: так как субъект, как считает Оккам, является частью заключения, а объект представляет собой весь вывод, то субъект является частью объекта.

Следует оговориться, что в приведенном анализе я не учитываю особенностей каждого мыслителя, но, наоборот, стараюсь вслед за автором статьи дать максимально общую картину возникновения понятия «объект».

Общую картину смысла понятия «объект» в средние века я бы охарактеризовал следующим образом: объект имеет активность; объект действует на субъект и вместе с тем является его целью. Познание вещи является ее узнаванием за счет того, что чувства и представления всегда уже предполагают объект в вещи, что позволяет сделать божественная сила, которая придает каждой вещи свою определенность объекта. Необходимо также помнить, что вещь существует в качестве объекта двояко как формальный объект в интеллекте и как реально общее в вещи. Вещь существует в интеллекте в качестве формального объекта, но она же как формальный объект существует и в качестве вещи (*in re*). Это последнее, на мой взгляд, можно до конца осмыслить только вслед за Дунсом Скотом, признавая, что все познаваемое есть объект второго порядка божественного интеллекта.

Однако каким образом объект или вещь в качестве объекта содержится в разуме? Опять же на основе обобщения вышесказанного можно ответить, что вещь может существовать в уме как минимум дважды: как сущность вещи, схваченная в понятии; как ее чтойность, схваченная в образе, — при этом она будет абстрагированной и репрезентированной соответственно. Важно, что репрезентации подлжит сама внешняя вещь, а не внутреннее содержание сознания.

Каждая способность души так или иначе имеет дело с объектами. Однако

репрезентированную сущность или чтойность вещи, т.е. объект в онтологическом смысле, мы находим в интеллекте и реже — в представлении. Попробуем дать обобщенную схему.

Вещь существует в качестве формального объекта двояко:

• **в разуме познающего:**

1. Как форма или принцип действия способности. Можно условно назвать этот смысл категориальным. В этом смысле о формальном объекте говорят Бонавентура и Фома Аквинский (цвет — для зрения, тон — для слуха). Сюда же можно отнести первый адекватный объект Дунса Скота, как абстрагированное общее, то, что сказывается обо всех объектах данной способности и при этом не является объектом данной способности.

2. Репрезентированная сущность, чтойность или образ вещи, конститутивное присутствие вещи в интеллекте или в представлении. Здесь, на мой взгляд, важно, что вещь может иметь бытие в разуме (мышлении, интеллекте, представлении...) не только как сущность, схваченная в понятии интеллекта, но и как образ или картинка представления. При этом Виталис де Фурно говорит, что то, чего нет, при условии, что его вообще не может быть (химера), не является объектом интеллекта, однако, на мой взгляд, это не означает, что химера не может быть объектом другой способности, например воображения.

• **в качестве вещи (*in re*), как реально общее:** вещь (*in re*) всегда существует вместе со своей возможностью быть познанной, потому что она и вещь, и знак по Августину. В вещи, существующей в качестве вещи, всегда есть приданная ей Богом определенность объекта (как позднее скажет Декарт, объективная реальность).

Все вышеизложенное является крайне важным для понимания того, что такое объект в Новое время, в частности у Декарта, который заложил идеал науки как объективного знания, и где объект не лишен всех этих сложившихся в средневековые функциональных и онтологических смыслов, однако нельзя сказать, что Декарт сохранил объект в том виде, в котором он существовал в христианской мысли. Интересную точку зрения по этому вопросу выражает Ханна Арендт в книге «*Vita Activa, или о деятельной жизни*» [5].

Во-первых, отмечается, что Декарт первым осмыслил фундаментальное сомнение, характерное для всей эпохи Нового времени. Это сомнение в Новое время, пишет Ханна Арендт, заняло место греческого изумления перед всем, что есть, как оно есть. Это сомнение в том, что нечто есть как оно есть, и в том, есть ли вообще что-либо. Декарт сделал «подлинной темой своего философствования то, что после него стало наподобие безостановочного мотора стимулом всего концептуального мышления, невидимой осью его вращения» [5, с. 359]. Позднее это выразил Лейбниц в «коренном вопросе европейской метафизики»: «Почему существует скорее нечто, чем ничто? Ибо ничто ведь проще и легче, чем нечто» [5, с. 359].

Причину такого сомнения Ханна Арендт отмечает в том, что после открытий Галилея оказалось, что «...ясно, что старинное доверие человека к тому, что его чувственная способность доносит до него действительность, а разумная способность — истину, была подлинной причиной его вековой обманутости» [5, с. 360]. Это обстоятельство, по мнению Арендт, одновременно снимает противостояния разума и чувств в их претензии на объективность и всецело ориентирует познание на ограничение

всего действительно и истинно сущего от его явленности. И в свете этих событий «и разум, и чувства должны капитулировать перед аппаратами» [5, с. 361].

Так как, более не доверяя разуму и чувствам, человек находит единственную достоверность в себе самом, то и познавать он отныне стремится не природное, но человеческое. Это значит, что природные объекты, согласно Ханне Арендт, подменяются показаниями приборов. Успешного подтверждения своей рабочей гипотезы или теории в новом ее понимании человек ждет не от природы, а от показания стрелки прибора. Если гипотеза не подтверждена, то скорее будет обвинен прибор и сделан новый (более объективный). В этом смысле человек, сам себе подтверждая гипотезы, даже не затрагивает действительность. Проблема заключается в том, что «из этого поля сознания, где восприятие воспринимается и где воспринятый предмет составляет лишь часть акта восприятия, также невозможно выйти во внешний мир». «Эти трудности вынудили Декарта и Лейбница доказывать не столько существование Бога, сколько существование доброго Бога, — пишет Арендт, — благодать (Бога — Д.Л.) оказывается у Декарта в конечном счете единственным доказательным основанием для реальности (т.е. для совместного существования *res cogitans* и *res extensa*), как у Лейбница — для предустановленной гармонии между человеком и миром» [5, с. 368–369].

На мой взгляд, этим обусловлено то, что между субъектом и объектом становится предмет, то есть некоторый порядок отношений субъекта и объекта, регламентируемый самим человеком, а не Богом. Это в частности позволяет ученому рассматривать мир как не сотворенный. В духе Ханны Арендт это можно интерпретировать как следствие

человеческого недоверия явленности мира и стремления разметить его самостоятельно и интимно в сознании. Философия Декарта таким образом «изгнала призрак сомнения в реальности внешнего мира, погрузив весь предметный мир в поток сознания и лишив его через процесс осознания субстанции» [5, с. 368–369]. Предмет – это содержание сознания, а для выхода вовне мы должны войти через посредство предмета в область объективного.

Кажется верной фиксация Ханны Арендт того, что Декарт отчуждает все объективное, говоря, что если Бог меня обманывает, то я не могу быть уверен ни в чем, кроме существования своего мышления и верности математических истин, которые не обязаны разрешаться во внешних вещах. То, что сумма трех и двух равна пяти, предполагается самой способностью мышления, т.е. я не могу мыслить иначе; можно сказать, что в противном случае я был бы вещью не мыслящей, а безумной. Декарт дает основание так себя понять: «...Всякий раз, как я обращаюсь к самим вещам, которые, как я считаю, я воспринимаю с предельной ясностью, я обретаю столь полную уверенность в них, что невольно говорю: пусть меня обманывает кто угодно, он все равно никогда не добьется моего обращения в ничто, пока я буду считать, что я – нечто; не удастся ему также превратить в истину утверждение, будто я никогда не существовал, поскольку уже установлено, что я существую, как не докажет он мне и того, что два плюс три дают в сумме больше или меньше пяти, а также и других подобных вещей, в коих я усматриваю явное противоречие. И уж, разумеется, поскольку у меня нет никакого повода полагать, будто какой бы то ни было Бог – обманщик, да я пока точно и не знаю, существует ли какой-либо Бог,

постольку основание для сомнения, зависящее лишь от этой мысли, оказывается весьма слабым и, так сказать, метафизическим. Но дабы устранить и его, я должен исследовать, как только к тому представится случай, существует ли Бог и, если он существует, может ли он быть обманщиком: в самом деле, если мы этого не знаем, невозможно, как мне представляется, быть уверенным ни в чем остальном» [2, с. 152].

Однако мне кажется, что мы не можем оставить Декарта на этом месте его рассуждения, так как немного далее Декарт удостоверяет внешний мир как раз через идею объективности: «... Идеи, являющие мне субстанции, представляют собой нечто большее или, так сказать, содержат в себе больше объективной реальности, нежели то, что являет мне только модусы, или акциденции; и, опять-таки, все те представления, посредством которых я мыслю некоего высшего Бога – вечного, бесконечного, всеведущего, всемогущего, творца всех сущих, помимо него самого, вещей, – все эти представления, несомненно, содержат в себе больше объективной реальности, нежели те, с помощью которых мы уясняем себе конечные субстанции» [2, с. 154], и далее: «Я не должен также предполагать – поскольку реальность, усматриваемая мною в моих идеях, только объективна, – будто нет необходимости в том, чтобы та же самая реальность формально содержалась в причинах этих идей, и будто достаточно того, чтобы и в них она содержалась лишь объективно» [2, с. 155], и поэтому «Нельзя также сказать, будто эта идея Бога в материальном отношении ложна и потому может возникнуть из ничего, ...; напротив, так как она предельно ясна и отчетлива и содержит в себе больше объективной реальности, чем какая-либо другая идея... Я утверждаю,

что эта идея всесовершенного и бесконечного существа в высшей степени истинна» [2, с. 159].

Вынося весь объективный мир за скобки, Декарт, по сути, оказывается один на один с Богом. Идея Бога оказывается такой же неотъемлемой частью нашего мышления, как и сумма пяти и трех.

Удостоверяя существование и мышление как необходимость, Декарт удостоверяет Бога как условие какой бы то ни было необходимости вообще. Однако это происходит не чисто гипотетически, как может показаться. Декарт не выводит Бога логически, но через идею Бога, объективная реальность которой является реальностью вещи, Декарт утверждает даже не существование, а активное присутствие Бога как благодать. Активное в том смысле, что мы обнаруживаем действие Бога в себе, которое выражено в том, что есть в нашем мышлении Его идея, которая приводит в действие эту способность. Однако, вынеся однажды объективную данность внешних объектов за скобки, даже после удостоверения того, что то, что раздражает или побуждает наши способности, действительно является внешними объектами, а не обманывающей нас силой, мы все равно уже не можем вполне доверять объективной данности тварных вещей, видимо, слишком далеко мы от нее отделились в нашем сомнении. «Однако, если его благодати в высшей степени противоречило бы, если бы он создал меня вечно заблуждающейся тварью, той же благодати должно быть чуждо намерение вводить меня иногда в заблуждение; а между тем этого последнего нельзя исключить» [2, с. 143].

Конечно, нельзя говорить о том, что Бог намеренно вводит человека в заблуждение, точно так же, как и о том, что Он является создателем Зла. Однако при ус-

тановке на познание вещей, а не Бога, видимо, нельзя исключить, что природа, в отличие от Бога, будет нас обманывать и пытаться подsunуть нам нечто отличное от своей определенности объекта. А потому достижение этой определенности объекта или уже объективной реальности вещи (т.е. то, какая она есть на самом деле) теперь должно стать практической задачей, для выполнения которой мы должны отнять у объекта возможность действовать, и всецело признать эту возможность за субъектом познания. И в этом смысле у субъекта появляется предмет и инструмент познания, как атрибуты всякой практической деятельности.

Теперь вместо объективности вещи мы оперируем с ее предметностью, т.е. со способом ее рассмотрения. И в этом смысле объективная истина вещи стала для нас скорее далекой целью, а не только условием ее познаваемости как таковой.

Своим сомнением Декарт разорвал концептуальную связь (указанную выше) мыслимой вещи и вещи реально существующей, которая основывается на том, что в вещи есть определенность объекта, которая как ее репрезентированная сущность существует и в самой вещи и в интеллекте. Декарт же исключил эту связь для внешних вещей и утвердил новые отношения мышления и вещи. Оторвав вначале объекты от вещей, Декарт затем, утвердив то, что Бог нас не обманывает, закрепил за объектами (идеями) лишь функцию копии вещей, в отличие от средневековой жизни вещей в интеллекте.

Следует отметить, что хотя Декарта и можно понимать таким образом, однако само понятие «объект» «работает» так же и в «старом» средневековом смысле, что все еще позволяет ему, что называется, «заключать от мышления к

существованию». Возможность самого объективного видения дана Богом. Это значит, что реальность вещей дана нам в интеллекте, и что мы можем не заблуждаться, заключая о вещах по их объективной данности, ибо Бог устроил так, что, существуя сама по себе, вещь также и объективно является нам. Эта объективная данность является и началом познания, и его целью.

Однако Декарт развел эти два полюса объекта, и если в средние века мысль, устремившись на объект, сразу же его и достигает благодаря действительной природе самого объекта, то для Декарта конечная цель познания может быть вообще не достижима, потому что узнавание вещи понимается Декартом более опосредованно, и при этом активность самой вещи должна быть преодолена. То есть, отталкиваясь от объекта вещи в интеллекте, мы приходим к объективному познанию вещи, но только при посредстве верного метода.

Можно сказать, что, не отрицая объективной данности вещи, Декарт ее проблематизирует, опредмечивает. Отталкиваясь от объективной данности вещи, Декарт стремится к познанию ее как таковой, как если бы она не была дана (как если бы мир не был сотворен). В этом смысле это не познание сущего, как оно существует по Аристотелю, а скорее познание сущего, как оно не существует.

Новый смысл объективности вещи (то, что Алан Мегилл называет абсолютной объективностью) в этом смысле является несколько парадоксальным: отталкиваясь в своем познании от Бога (ведь то, что Бог придал вещам определенность объекта, является условием их познаваемости), мы стремимся к познанию вещей не в их божественной данности, но в их предполагаемой закрытости, как если бы Бога не было.

Однако если мы потеряем связь с Богом, то потеряем вообще возможность всякого познания вещей, что впоследствии выразилось в философии Канта, где объект более не принадлежит вещи. Здесь имеет место конструирование объектов — то, что мы называем идеализированным объектом, то, что призвано помочь нам проникнуть в скрытое вещи, в неявленное.

Однако необходимо помнить, и Декарт об этом говорит, что объекты или идеи должны материально или объективно разрешаться в вещах, т.е. сконструированные объекты не должны, да и не могут, содержать в себе ничего, кроме того, что содержится в вещах, из идей которых составлен данный конструкт. Такое вещественное или материальное разрешение объектов или идей обеспечивает вера или уверенность в том, что я их конструирую из врожденных мне Богом идей, который благ и который меня не обманывает.

Утраченная Декартом достоверность вещей (которая отмечается Ханной Арендт) преобразуется в иную достоверность — достоверность метода их познания путем личного вмешательства, которая обеспечивается в Боге. И позицию естествоиспытателя позволяет мне занять то, что источником объектов в конечном счете, как и раньше, является Бог.

Для Декарта, как и для ученых-схоластов, объект является мостом от внутренне данного (жизни сознания) к познанию внешних вещей. Идея по Декарту являет собой также некоторое концептуальное единство. Формально идея является модусом мышления и формально идея не отличается в качестве модуса мышления от других идей. Но объективно идеи различны между собой: одни представляют собой субстанции, а

другие – только качества вещей, – одним словом то, что содержится в идее, представляет собой объективный модус бытия. Сами идеи как феномены сознания (если говорить современным языком) заботили Декарта лишь постольку, поскольку можно было предметно ухватить их содержание, которое уже не является предметами жизни сознания, но является объективной реальностью внешнего мира. Отвечая на вопрос, заявленный вначале, в чем пафос картезианской объективности, можно сказать, что в объекте-идее две субстанции (мыслящая и протяженная) сцепляются своими модусами, или, иначе, переходят

одна в другую, и это происходит, как ни странно, благой волей Бога.

Литература

1. Ансельм Кентерберийский. Об истине // Ансельм Кентерберийский. Сочинения. М., 1995.
2. Декарт Р. Размышления о первой философии // Декарт Р. Сочинения. СПб.: Наука, 2006.
3. Лекторский В.А. Классическая и неклассическая эпистемология. М., 2006.
4. Меггил А. Историческая эпистемология. М., 2007.
5. Ханна Арендт. Vita Activa, или о деятельной жизни / пер. и послесловие В.В. Бибихина. СПб.: Алетея, 2000.
6. Kobusch Th. Objekt // Hist. Wb. Philos. 6. Basel, 1984. P. 1025–1052.

О ВОЛЕ: К ВОПРОСУ О ТЕМАТИЗАЦИИ ПРОЯВЛЕНИЙ ВОЛИ В ПЕРИОДЫ ЖИЗНЕННЫХ КРИЗИСОВ

В статье представлены наиболее распространенные точки зрения на природу воли, а также задается новое направление в изучении воли как целостного феномена, включающего и сочетающего в себе сознательный и бессознательный аспекты, духовное и экзистенциальное начало в человеке. Рассматривается, каким образом многообразие проявлений воли находит свое отражение в периоды жизненных кризисов. Делается вывод, что волевой потенциал являет собой необходимое условие возможности личностного роста и высшей степени интеграции личности.

Ключевые слова: воля, жизненные кризисы, личностный рост, сознательное и бессознательное воли, целостность личности, личностный ресурс.

Считая волю основанием личности, определяющим способности человека достигать поставленных целей и справляться с жизненными трудностями, мы стоим перед необходимостью рассмотрения того, как воля может способствовать личностному росту в кризисных ситуациях, реализации творческого потенциала в динамичных условиях современного мира, достижению высокого уровня интеграции личности. Актуальность данной проблемы связана с теми трансформационными процессами, которые наблюдаются на сегодняшний день в обществе, с социальной, политической и экономической нестабильностью, которые порождают в личности внутренние противоречия, затрагивают ценностные основания и, соответственно, не просто обнажают, а усиливают личностные и духовные кризисы.

В психологической литературе жизненный кризис понимается как естественный закономерный процесс, как точка перехода на качественно другой уровень жизни, как инициация и рождение новой личности, свободной и целостной (В.В. Козлов, М. Максимов, Э. Эриксон

и др.). Мы считаем, что именно воля, являясь базовым личностным ресурсом, позволяет человеку не просто выживать в кризисных ситуациях, а проживать трансформационный процесс основательно и глубоко, с личностными достижениями и качественными преобразованиями.

Рассмотрим наиболее распространенные точки зрения на природу воли.

1. Согласно учению волюнтаризма, воля — это особая надприродная сила, волевые акты ничем не определяются, но сами определяют ход психических процессов. Еще Эпикур впервые поставил вопрос о спонтанном, ничем не детерминированном, свободном выборе поведения. Августин выдвинул положение о том, что действиями души и тела управляет воля. Именно она побуждает душу к самопознанию, строит из чувственных впечатлений вещей их образы, извлекает из души заложенные в ней идеи. А. Шопенгауэр и Э. Гартман объявили волю космической силой, слепым и бессознательным первопринципом, от которого берут свое начало все психические проявления человека. Сознание

и интеллект являются, по А. Шопенгауэру, вторичными проявлениями воли. У. Джемс считал волю самостоятельной силой души, обладающей способностью к принятию решений о действии.

Таким образом, в крайнем своем выражении волюнтаризм противопоставлял волевое начало объективным законам природы и общества, утверждал независимость человеческой воли от окружающей действительности.

2. Воля как свободный выбор (Ильин Е.П., 2009).

Воля у Спинозы выступает как осознание внешней детерминации, которая субъективно воспринимается как собственное добровольное решение, как внутренняя свобода.

У. Джемс считал главной функцией воли принятие решения о действии при наличии в сознании одновременно двух или более идей движения. Для совершения действия надо осуществить выбор идеи и принять решение (от лат. *Fiat!* – Да будет!). Поэтому волевое усилие состоит в направлении человеком своего сознания на непривлекательный, но нужный объект, и сосредоточении на нем всего внимания (Смирнов Б.Н., 2004).

С точки зрения П.В. Симонова, существуют какие-то детерминирующие внутренние процессы, которые влияют на сознание, но при этом не могут быть осознаны. Тогда осознаваемый результат этих процессов для человека кажется неожиданным, ниоткуда не проистекающим, а, следовательно, недетерминированным. Свое объяснение П.В. Симонов относит к критическим моментам творческой деятельности, объясняя таким путем субъективно ощущаемую свободу творческого воображения.

В. Франкл указывал, что человек не свободен от внешних и внутренних детерминаций, но он свободен занять

позицию по отношению к ним. Условия не обуславливают поведение человека полностью, именно от человека зависит, сдастся ли он, уступит ли он обстоятельствам. Таким образом, человек неподвластен условиям, с которыми он сталкивается; скорее, эти условия подвластны его решению. Сознательно или бессознательно, он решает, будет ли он противостоять или сдастся, позволит ли он себе быть определяемым этими условиями (Франкл В., 2000).

В.М. Аллахвердов полагает, что как ответ «да», так и ответ «нет» на вопрос о том, свободен ли человек в своем выборе, ведет в тупик. Ни признание свободы воли, ни признание строгого детерминизма не решает проблему объяснения поведения и деятельности человека.

3. Воля как произвольная мотивация.

Аристотель действия и поступки, осуществляемые по решению самого человека, называл произвольными. По его мнению, воля не только иницирует, но и выбирает произвольные действия, а также регулирует их осуществление. Кроме того, он приписывал действию волевого начала способность человека владеть собой. В то же время любое волевое движение имеет, по Аристотелю, природные основания.

Декарт считал, что задача воли – бороться со страстями с помощью разума. Воля помогает человеку следовать определенным правилам, исходя из суждений разума о добре и зле. Таким образом Декарт связывает волю с нравственностью человека.

Л.С. Выготский включает в структуру волевого акта операцию введения вспомогательного мотива для усиления побуждения к действию – необходимому, но слабо связанному с личным желанием человека. Свободный выбор

человека из двух имеющихся возможностей определяется не извне, а изнутри, самим человеком, и изменение смысла действия меняет побуждение к нему.

По мнению С.Л. Рубинштейна, волевое действие связано с потребностями, но не вытекает непосредственно из них. Волевое действие всегда опосредовано более или менее сложной работой сознания — осознанием побуждений к действию. При этом сами побуждения не действуют непосредственно в виде слепого импульса, а действуют опосредованно через осознанную цель.

В.А. Иванников полагает, что о воле начинают говорить тогда, когда обнаруживается недостаток побуждения к заданному действию, и воля рассматривается в качестве усилителя недостаточного по силе побуждения (Иванников В.А., 2006). Так, В.А. Иванников сузил проблему произвольной мотивации до вопроса о побудительности, а затем свел ее к сознательному изменению мотива, которое рассматривается только в аспекте побудительных причин.

4. Воля как долженствование.

С точки зрения Ш.Н. Чхартишвили, воля призвана служить побудительным механизмом поведения, удовлетворяющего внешним общественным требованиям, которые приняты субъектом («я должен»). Вследствие этого Ш.Н. Чхартишвили не считает волю частью единого мотивационного процесса, а рассматривает ее как особое психическое образование или способность личности. Посредством воли, считает этот автор, человек освобождается из плена актуальной потребности. Благодаря этому человек, будучи вначале существом, живущим лишь настоящим моментом, поднимается до уровня социальной, общественной личности и становится субъектом волевого поведения.

По мнению Ильина, ошибка Ш.Н. Чхартишвили состоит в том, что

волю он рассматривает только как механизм преодоления трудностей, а долженствование — как только нравственную позицию личности, противопоставляемую им биологическим потребностям, которые человек должен часто тормозить, чтобы проявить моральный компонент воли и свою общественную сущность. Но это слишком узкий подход к пониманию как долженствования (оно может и не быть связанным с нравственностью), так и волевого (произвольного) поведения (Ильин Е.П., 2009).

5. Воля как форма психической регуляции.

М.Я. Басовым воля понималась как психический механизм, посредством которого личность регулирует свои психические функции, прилаживая их друг к другу и перестраивая в соответствии с решаемой задачей. Власть личности над своими душевными состояниями возможна только при наличии некоего регулятивного фактора, т.е. воли.

Воля является, по Л.С. Выготскому, одним из механизмов, позволяющих человеку управлять собственным поведением, психическими процессами, мотивацией. В своих развитых формах произвольная регуляция опосредована искусственными знаками и осуществляется путем объединения различных психических функций в единую функциональную систему, выполняющую регуляцию деятельности или какого-либо психического процесса.

Р. Мэй характеризует волю как категорию, определяющую способность личности организовывать свое поведение таким образом, чтобы совершалось движение к заданной цели в заданном направлении.

В.К. Калинин главную задачу воли видит в том, чтобы обеспечить человеку овладение своим собственным поведением

и психическими функциями. Это означает, что в воле отражаются само-субъектные отношения, т.е. активность человека, направленная не на внешний мир или на других людей, а на самого себя. Волевая регуляция способствует самоорганизации психики для достижения цели наиболее эффективным способом (Иванников В.А., 2006).

6. Воля как механизм преодоления трудностей.

К.Н. Корнилов утверждает, что о воле человека судят прежде всего по тому, насколько он способен справиться с трудностями. По мнению Б.Н. Смирнова, воля в единстве с разумом и чувствами регулирует поведение и деятельность в затрудненных условиях (Смирнов Б.Н., 2004). С точки зрения П.А. Рудика, воля — способность человека действовать в направлении сознательно поставленной цели, преодолевая при этом внутренние препятствия. В «Психологическом словаре» (1983) воля определяется как способность действовать в соответствии с целью, подавляя непосредственные желания и стремления.

П.В. Симонов рассматривает волю как потребность преодоления препятствий. Он полагает, что филогенетической предпосылкой волевого поведения является «рефлекс свободы», описанный И.П. Павловым. «Рефлекс свободы» — это самостоятельная форма поведения, для которой препятствие служит адекватным стимулом. Именно характер преграды, а не первичный мотив (потребность) определяет состав действий, которые перебираются в процессе выбора варианта поведения, способного обеспечить достижение цели. Активность, вызванная преградой, в определенных случаях может оттеснить первоначальное побуждение на второй план, и тогда наблюдается поведение, в котором преодоление стало самоцелью,

а исходный мотив утрачивает свое значение и даже забывается. У человека могут быть не только внешние, но и внутренние препятствия, «внутренние помехи» в виде конкурирующей потребности. Тогда доминирование одного из альтернативных побуждений будет определяться не только их относительной силой, но и возникновением специфической активности для преодоления субдоминантного побуждения.

7. Воля на уровне целостной личности.

Воля на уровне личности, с точки зрения Ф.Е. Василюка, обнаруживает себя силой мотива, которая появляется в процессе и в результате ценностного развития личности. Для волевой личности проблема выбора, или борьбы мотивов, перестает быть актуальной, т.к. выбор главного устремления уже сделан, и он заранее предрешил все возможные выборы (Василюк Ф.Е., 1984).

Волевой личностью, с точки зрения Ю.Б. Гиппенрейтер, является человек, который успешно реализует свои высокие, социально значимые мотивы. У такой личности отсутствует проблема нехватки мотивации и ей не приходится занимать силу мотивов, заставлять или принуждать себя (Гиппенрейтер Ю.Б., 2005).

По мнению А.Н. Леонтьева, сила энергии мотивов связана с приматом социально значимой мотивации, по А. Маслоу — со служением бытийным ценностям, по В. Франклу — с трансценденцией личности за пределы собственного существования. Рассматривая волю на уровне целостной личности, реализующей социально значимые мотивы и идеалы, авторы указывают на наличие «мотивационной конгруэнтности», т.е. гармоничного согласования решения, желания и исполнения.

Подробный анализ точек зрения на природу воли показывает, что сведение

воли к произвольному усилию, к свободе выбора, к социально значимой мотивации или способности преодолевать трудности является правомерным, но далеко неполным. Изложенные подходы отражают различные стороны воли, которые по-разному проявляются в различных ситуациях, а понимание воли возможно только на основе учета ее полифункциональности и целостности как психологического феномена.

Мы предлагаем задать новые направления в изучении воли как целостного феномена, проявляющегося на разных уровнях личности, включающего и сочетающего в себе сознательный и бессознательный аспекты, духовное и экзистенциальное начало в человеке. Феномен воли наиболее ярко являет себя в периоды жизненных кризисов. На уровне обыденного сознания кризис воспринимается как нечто негативное и разрушительное, но на самом деле ценность кризиса состоит в возможности обретения личностью себя и достижения внутренней целостности и единства (Ливехуд Б., 1994). Все пять форм кризиса — обыденная жизнь, зов, смерть—возрождение, урок, завершение (В.В. Козлов) — могут быть освоены только благодаря воле.

Рассматривая волю как высший уровень активности личности, мы обращаемся к точке зрения Г.И. Гурджиева, который указывал, что воля — это сила, не просто составленная из различных, зачастую противоречивых желаний, принадлежащих различным Я, но сила, исходящая из сознания и управляемая индивидуальностью, т.е. единым и постоянным Я (Успенский П.Д., 2002). Человек, достигший полного возможного развития, — это человек, состоящий из четырех тел. В христианской терминологии первое тело — это физическое или «плотское»,

второе — «природное тело», третье — «духовное тело», а четвертое называется «божественным телом». В теософской терминологии первое тело называется «физическим», второе — «астральным», третье — «ментальным», а четвертое — «причинным», т.е. телом, которое содержит в себе причины своих действий, оно не зависит от внешних причин и является телом воли. В терминологии некоторых восточных учений первое тело называется «повозкой» (т.е. просто телом), второе — «конем» (чувства, эмоции), третье — «возницей» (ум), а четвертое — «господином» (Я, сознание, воля).

В результате анализа указанных традиций мы видим, что ведущая роль в личностном развитии принадлежит четвертому телу (телу воли). При развитии всех четырех тел человек приобретает контроль над своими телесными, эмоциональными и интеллектуальными функциями и достигает высшего уровня развития личности. Выбирая этот путь, путь развития, проживая его, обретая себя в результате перерождения в кризисных ситуациях, личность становится целостной и свободной.

Рассмотрим, каким образом воля может участвовать в переживании личностью жизненных кризисов и способствовать высшей степени интеграции.

В зависимости от содержания сложной жизненной ситуации, от ее глубины и интенсивности, а также от стадии кризиса необходимыми и помогающими являются разные составляющие воли. Так, пребывая в стабильном и привычном жизненном ритме, важную роль приобретают такие волевые качества, как решительность и мужество, для того чтобы откликнуться на «зов кризиса», чтобы покинуть зону комфорта и открыться новым возможностям. Для позитивной дезинтеграции необходимы навыки осознания, самоконтроля и саморегуляции.

Любой значимый шаг в развитии личности предполагает понимание своей ограниченности и выхода за свои пределы, а потому действенной становится воля как принятие внешних и внутренних детерминаций, как способность быть свободным внутри ограничений.

Для понимания воли как целостного феномена необходимо рассмотреть еще и бессознательный аспект воли. Бессознательное воли проявляет себя в период разрушения, уничтожения прежней структуры личности и возрождения нового Я.

В психологической литературе бессознательное определяется как совокупность психических образований и механизмов, в функционировании которых субъект не отдает себе отчета. По мнению З. Фрейда, бессознательные поступки обусловлены глубинными неосознаваемыми мотивами. В философии воля трактуется как автохтонный феномен, который определяет сущность бытия и формирует его (волюнтаризм). А. Шопенгауэр рассматривает волю как жизненную силу, нерациональную, слепую устремленную энергию, чьи операции не имеют ни цели, ни плана. Именно в кризисный период, период разрушения прежнего содержания Эго важная роль принадлежит бессознательному воли. В ситуации, когда не срабатывают ни произвольное усилие, ни мотив достижения, ни воля как должностное. Более того, в данной ситуации сознательные волевые усилия могут препятствовать выходу личности на качественно новый уровень существования, вызвать подавление определенных элементов в структуре Я и затормозить процесс личностного развития.

В данном контексте нам близка точка зрения Л. Фарбера, который выделял два разных рода воли. Первый род воли не переживается сознательно в

процессе волевого акта, а только после события и непосредственного выбора. Это особо касается очень важных выборов, которые человек делает в своей жизни. Об этом роде воли автор говорит как о подземном потоке жизни, имеющем направление, но не имеющем дискретных объектов, или целей. Второй род воли – сознательный, он переживается непосредственно во время события и движет человека к определенной цели. Объектом сознательной воли, по мнению Л. Фарбера, может быть знание, но не мудрость; добросовестность, но не добродетель; удовлетворение влечения, но не любовь; религиозность, но не вера (Ялом И., 2005). Нам представляется, что корректнее говорить о бессознательном и сознательном воли, которые принадлежат воле как целостному феномену и проявление которых зависит от их «внутренней игры».

Итак, мы сказали, что в ситуации кризиса, нестабильности и неопределенности идет поиск личностью собственной самости «здесь и сейчас», когда рождается новое основание, когда осуществляется процесс интеграции разрозненных частей в нечто целостное и завершенное. Для нее актуальной становится «стратегия странника», когда нужно просто довериться миру и себе, отдаться во власть процессу распаковывания и не мешать проявлению потенциального Я. Тогда бессознательное воли способствует возникновению инсайтов, особенно глубоких и экзистенциальных, а воля обнаруживает себя как глубинное стремление «Быть», как бессознательный первопринцип, из которого рождаются все личностные ресурсы.

В результате рождения новой идентичности, когда начинается создание новых стратегий, ценностей и отношений, и, далее, в реализации принятых решений, когда запускается процесс апробирования

новых моделей поведения и их закрепление в реальной повседневной жизни, воля проявляется в форме дисциплинированности и целеустремленности. Воля на уровне личности, реализующей социально значимые мотивы, отражается в служении общечеловеческим ценностям. И потому урок кризиса в высших своих проявлениях является уроком добродетели — священной обязанности служения другим людям, когда человек полностью проявлен в своей духовной потенции (Козлов В.В., 2007).

Мы согласны с мнением И. Ялома, что особенно полезное определение воли — это воля — «как ответственная движущая сила», и в целом можем отметить, что все составляющие воли необходимы в процессе проживания кризисного состояния не только для итоговой интеграции, но и для того, чтобы не привести к полному уничтожению личности без возможности возврата к полноценному существованию. Кроме того, при детальном рассмотрении воли в периоды кризисов мы можем обнаружить гендерный аспект воли, т.к. с одной стороны, воля проявляется как сознательный контроль, как преодоление препятствий, дисциплинированность и целеустремленность (мужское начало), а с другой, как принятие, терпение, открытость и доверие (женское начало). Анима и анимус, по К.Г. Юнгу, выражающие мужское и женское начало в бессознательном, обеспечивают основу поведения и, как и любой другой архетип, высвобождают в человеке «те спасительные силы, что извечно помогали ... избавляться от любых опасностей и преодолевать даже самую долгую ночь» (Юнг К.Г., 1994). В данном контексте мы снова видим наличие ресурсного потенциала бессознательного, который оказывает воздействие на сознание человека, способствует структурированию личности и обретению целостности.

Тематизация проявлений воли в периоды жизненных кризисов показывает, что волевой потенциал — необходимый элемент преодоления трудностей и выживания в сложной ситуации, он есть фундаментальное условие возможности личностного роста, рождения нового высшего Я и стремления жить лучшей жизнью.

Литература

1. *Васильюк Е.Ф.* Психология переживания. М.: МГУ, 1984.
2. *Гиппенрейтер Ю.Б.* О природе человеческой воли // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 3. С. 15–24.
3. *Иванников В.А.* Психологические механизмы волевой регуляции. СПб.: Питер, 2006.
4. *Ильин Е.П.* Психология воли. СПб.: Питер, 2009.
5. *Козлов В.В.* Интегративная психология: пути духовного поиска, или освящение повседневности. М.: Психотерапия, 2007.
6. *Леонтьев Д.А.* Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 1. С. 15–25.
7. *Ливехуд Б.* Кризисы жизни — шансы жизни. Развитие человека между детством и старостью. Калуга: Духовное познание, 1994.
8. Психология возрастных кризисов. Хрестоматия / сост. К.В. Сельченко. Минск: Харвест, 2000.
9. *Смирнов Б.Н.* О разных подходах к проблеме воли в психологии // Вопросы психологии. 2004. № 3. С. 64–70.
10. *Уоли Р.* Основания духовности: пер. с англ. М.: Академический проект; Екатеринбург: ОППЛ, 2000.
11. *Успенский П.Д.* В поисках чудесного. М.: ФАИР-Пресс, 2002.
12. *Эстес К.П.* Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. М.: Гелиос, 2001.
13. *Франкл В.* Воля к смыслу: пер. с англ. М.: Апрель-Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2000.
14. *Юнг К.Г.* Проблемы души нашего времени. М., 1994.
15. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия: пер. с англ. М.: Класс, 2005.

Н.С. Пряжников

ОЧЕРЕДЬ КАК СМЫСЛООБРАЗУЮЩЕЕ НАЧАЛО

Очередь рассматривается в предлагаемой статье как принцип организации жизни многих людей. Выделяются разные аспекты анализа «феномена очереди». Важное внимание уделяется «человеку очереди», «хитрецу очереди» и «хозяевам очереди», их становлению, а также их поведению в разных очередях и их отношению к ним. Исходная позиция здесь – фактор унижения или, наоборот, гордости и утверждения человеческого достоинства для тех, кто пребывает в различных очередях. Рассматривается также эволюция самой очереди в разных контекстах (биологическом, культурно-историческом, конкретно-ситуативном и др.). Соответственно, выделяются основные причины, порождающие очередь в разных ситуациях. Подчеркивается связь очереди с идеей упорядочивания времени, а также с идеей упорядочивания различных межлюдских взаимоотношений (через социальные иерархии, варианты доступа к благам и т.п.), что и составляет для многих людей смысл их жизни.

Ключевые слова: очередь как социокультурный феномен, основные параметры и типологии очереди, «человек очереди» и его становление, «хозяева очереди», причины порождения очереди, альтернативы очереди.

Тотальность очереди

Очереди везде и их множество. По сути, почти вся жизнь человека – это сплошные очереди. Мы часто чего-то ждем и при этом знаем, что получить ожидаемое сразу не получается и нужно пройти определенные этапы ожидания. При этом мы часто понимаем, что ожидаемое благо (или часть блага) достается не только нам одним. Есть более и есть менее «достойные» этого блага, и между ними устанавливаются определенные отношения (определенный порядок в получении блага). В итоге многие «знают свое место» и знают, что нужно делать для гарантированного получения блага.

Например, люди ждут «своего часа» в карьере (надеются, что появятся вакантные места на привлекательные должности). Ждут в очередях на квартиру, ждут своей очереди на защитах диссертаций (или очереди на публикации статьи в ВАКовском журнале), ждут в

ежедневных очередях в магазинах, службах сервиса, ждут маленького счастья в автомобильных «пробках» и т.п. Многие реально ждут своего слова на банкетах (после выступления более важных фигур). Кто-то ждет благосклонности красивой женщины, пока она не перепробует попытки обольстить каких-то более сильных соперников (по порядку и по «рангу»), и не «поймет», наконец, что «именно с ним она обретет покой и счастье». Кто-то даже ждет, когда для него закончится какой-то благоприятный период в жизни, будь то время заканчивающегося отпуска (другим тоже надо отдохнуть) или время нахождения в привлекательном статусе (например, заканчивается время пребывания на руководящем посту и надо освобождать место для других очередников-претендентов). Кто-то ждет смерти, тоже иногда выстраивая очередность из своих знакомых и родственников («а когда же мой черед?»). А люди с претензией

на «избранность» часто думают и о том, долго ли их будут помнить, ведь многих уже забыли («когда же, т.е. вслед за кем, и меня забудут после смерти?»). Часто человек и сам устанавливает очередность своих действий (организует свою жизнь) или определяет порядок жизни других людей, коллективов и целых народов (сначала надо сделать то-то, потом — то-то и т.п.). И т.д., и т.п.

В итоге очередь, действительно, пронизывает всю нашу жизнь. А если учесть, что один и тот же человек нередко пребывает одновременно в разных (иногда даже «параллельных») очередях, то понятно, почему она носит тотальный характер. Но поскольку далеко не все могут соглашаться с этим порядком (говорят даже, что «ничто так не унижает человека, как стояние в бесконечных и беспорядочных очередях»), то часто именно очередь в наибольшей степени оскорбляет личное достоинство конкретного человека. Если же учесть, что именно чувство собственного достоинства является, по мнению многих авторов, «первичной ценностью» и часто составляет саму суть данного человека (Ролз, 1995), то получается, что именно очередь претендует на то, чтобы в наибольшей степени либо унижать человека, либо возвышать его... Все это лишний раз говорит о *тотальности очереди и важности (актуальности) анализа самого «феномена очереди»*.

Понятие «очередь» в системе близких понятий

Как уже отмечалось, очередь определяет порядок и последовательность получения благ. Очередь организует жизнь человека в его взаимоотношениях с другими людьми и даже с неодушевленными объектами. Например, можно подождать, когда закончится ливень, и только потом пойти куда следует, или

подождать, пока не переварится пища, употребляемая, опять же, в определенном порядке (очередности), и только потом приступить к очередному обжорству.

Главное в очереди заключается в том, что она привносит в нашу жизнь определенный порядок, который сам человек должен в той или иной степени принять и даже подчиниться ему. И, наконец, в этом *главный смысл очереди*.

Возникает вопрос: а всегда ли конкретный человек понимает порядки данной очереди? Вероятно, далеко не всегда. Но какое-то обоснование и интерпретация своего нахождения в конкретной очереди и выполнения правил пребывания в ней быть должны, т.е. должен быть смысл. О развитии «человека очереди» и его смыслах еще будет сказано более подробно.

Таким образом, можно дать примерно следующее *психологическое определение очереди* — это *определенный порядок и последовательность действий человека по достижению определенного блага (цели или решения какой-то жизненной задачи), определяющие его взаимоотношения с другими претендентами на это благо (или взаимоотношения человека с неодушевленными объектами), а также предполагающие определенный уровень понимания человеком этого порядка и последовательности выполнения им соответствующих правил поведения, а также нахождение во всем этом смысла*.

Далее можно выделить близкие понятия, которые в той или иной степени также организуют жизнь человека. Например, жизненный план, карьера, организация труда и т.п. также часто предполагают определенный порядок жизни и поведения для достижения соответствующих целей. Как уже отмечалось, в той же карьере часто приходится ждать «своего часа» (или «шанса») для

получения желаемой должности, увеличения зарплаты или право на интересную работу (например права на участие в перспективном проекте и т.п.).

Это могут быть *понятия, связанные с различными иерархическими взаимоотношениями* (социальные страты, общественные иерархии, слои общества, классы, касты, номенклатура, льготники и т.п.). Например, в зависимости от статуса или определенных заслуг кто-то пользуется правом на внеочередное обслуживание (правда, нередко между такими «внеочередниками» также могут образовываться свои очереди). Часто положение человека (или какой-то социальной группы) на иерархической лестнице вообще определяет последовательность получения благ. Например, и раньше, и сейчас богатые люди имеют больше возможностей для первоочередного приобретения более модных и престижных вещей, которые поначалу менее доступны для простых людей, или больше возможностей для попадания первыми на различные престижные премьеры и т.п.

Можно выделить *понятия, связанные с оценкой (диагностикой) личности по определенным параметрам*, и, как следствие, построение различных рейтингов, рангов (включая и «табели о рангах»), выделение различных систем льгот (включая прежде всего льготы на пребывание в очередях) и т.п. Например, люди, обладающие определенными характеристиками, оказываются в числе первых претендентов на определенные должности, на поступление в престижные вузы и организации, на победу в определенных состязаниях, наконец, на любовь и уважение среди определенных групп населения.

По отношению к этим и другим понятиям *очередь может рассматриваться как более общая категория,*

обозначающая саму идею определенного порядка и последовательности (очередности). В данной статье мы будем больше говорить о традиционных очередях по получению благ или достижению соответствующих целей, участниками которых являются люди.

Очередь как проявление сущностных характеристик системы

Во многих очередях нередко интегрируются и отражаются самые сущностные характеристики данной системы. В этом смысле сама очередь часто является важным показателем уровня развития конкретных систем и может рассматриваться в разных своих проявлениях. Например:

1. Очередь как показатель порядка и последовательности достижения определенных целей (как «путь к цели»), если исходить из понимания сущности любой системы как ориентации на определенную цель. При этом важно, что к одной и той же цели могут вести разные «пути», а, соответственно, могут быть и разные очереди. Также важно и то, что одни и те же пути могут вести к разным целям (например, получение образования может сформировать как прекрасного и социально ответственного специалиста, так и «злого гения»). Или стояние в очереди за модными ботинками постепенно может сформировать и иную цель, например, цель «интересного общения с другими очередниками», и тогда человек уже больше желает, чтобы очередь подольше не кончалась, а первоначальная цель — покупка ботинок — уже становится не такой значимой, по сравнению с новыми целями. Таким образом, сама очередь не всегда может быть «закреплена» за одной-единственной целью.

Возможное видоизменение целей в ходе пребывания в очереди — это важный

психологический феномен, который еще требует своего изучения. Важно понять, что видоизменение целей (или появление новых целей) кардинально преобразует и всю систему. А если учесть, что многие очереди вообще становятся важнейшим жизненным смыслом для значительного числа людей, то можно говорить и о постепенном изменении общественных систем. Например, есть мнения, что именно отвратительные очереди советского периода, когда миллионы людей подвергались тотальному унижению в соответствующих (дурацких!) очередях, которых не было на Западе и даже в большинстве развивающихся стран, во многом и разрушили СССР.

2. Очередь как вариант организации и упорядоченности объектов, а по сути, как вариант организации взаимодействия между объектами (участниками очереди). При этом объекты могут быть примерно одноуровневыми (очередь среди равных людей или объектов), так и разноразноуровневыми (по статусу или по времени нахождения в данной очереди). Также это могут быть взаимоотношения очередности между одушевленными и неодушевленными объектами (например, порядок и очередность взаимодействия человека-оператора и техники в системах «человек—машина», что даже четко обозначается в различных инструкциях и технологических картах).

3. Связь очереди с ожиданием (с предвкушением, подготовкой, а потом и с последующими воспоминаниями человека о взаимоотношениях в очереди или по поводу ожидаемого блага) в какой-то степени позволяет понять, как видоизменяются сами участники очереди. Во-первых, это уже упоминавшееся изменение отношения к цели (или появление новых целей). Во-вторых, это изменение представлений человека о

своем статусе. Например, постепенно приближаясь к заветной цели, у человека может возрастать самооценка (он «смог» это вынести), что позволит ему свысока поглядывать на тех, кто еще в конце данной очереди. В-третьих, он может изменить свое первоначальное отрицательное и даже критическое отношение к очереди на более терпимое и даже стать приверженцем (защитником) данной очереди. Например, старослужащий («дедок») начинает ценить свой новый статус («дождался») и уже не вспоминает, что, будучи «молодым», неоднократно «клялся», что когда сам станет «дедом», то не будет таким мерзавцем, как те старослужащие, которые унижали его самого.

Здесь *очередь может также рассматриваться как вариант предвкушения* — по принципу «не все сразу» и «чем больше ждешь и мучаешься, тем плод слаще». Заметим, что эти идеи заложены во многих людях достаточно глубоко (например, часто в сказках и современных фильмах главные герои должны пройти испытания и еще дождаться своего счастья или заслужить его). Сюда же могут быть отнесены и ожидания на свиданиях, когда мужская особь ждет свою возлюбленную, а возлюбленная «специально задерживается». Это можно рассматривать как показатель особых отношений, и тот, кто пришел первым, демонстрирует своей «готовностью подождать» ту, кто опаздывает, и уважение, и преданность, и даже восхищение. Интересно, что нечто подобное наблюдается и тогда, когда студенты терпеливо ждут некоторых своих «любимых преподавателей», опаздывающих на лекции. Подобные ожидания предполагают часто и определенные жертвы (временные, статусные, связанные с лишением определенных благ, разочарование в близких людях и т.п.). Можно

даже предположить, что выстраиваются определенные очереди среди тех, кто готов на большие жертвы, и теми, кто приносит меньшие жертвы.

Само предвкушение получения блага постепенно приобретает самостоятельную ценность и превращается в новое благо — благо предвкушения. Вполне возможно, что это новое благо по значимости даже превзойдет первоначальную цель.

4. Очередь как вариант особого общения. Это может быть общение единомышленников, стремящихся к одной цели или дающих отпор тем, кто стремится получить благо без очереди (в социальной психологии часто говорят о «сплоченности очереди», и здесь уместно вспомнить о знаменитом «Вас здесь не стояло!»). Но это может быть и общение конкурентов, которые сами всяческими хитрыми уловками стремятся быстрее других (своих соперников) достичь желаемой цели. Заметим, что в большинстве случаев очередь способна к самоорганизации (самоорганизации системы через очередь), когда проще принять общие правила и получить благо, пусть и с некоторым опозданием, чем вообще остаться ни с чем.

В современной России, где во многих организациях почти не проводятся собрания трудовых коллективов (чтобы у «любимого начальства» было меньше проблем), сотрудники нередко по особому воспринимают единственную возможность пообщаться и обсудить важные вопросы, отстаивая в очередях за зарплатой (особенно там, где руководство ленится ввести даже пластиковые банковские карточки). Значимость таких разговоров особенно повышается с учетом мизерных денег, которые люди часто получают в кассах своих организаций. Выходит, что *общение в очереди становится важнейшим условием прояв-*

ления и чувства собственного достоинства (хотя бы в разговорах на жизнеопределяющие темы), и даже участия в общественной жизни страны (это чуть ли не единственная возможность для многих как-то отнестись к самым существенным вопросам современной жизни).

5. Очередь и ее организация может рассматриваться и как признак общей культуры большинства людей, представляющих данную социальную группу, социальный слой или этнос. Например, еще в конце 1970-х гг. мы наблюдали интересные сценки с разными очередями на автобус. В далекой прикарпатской деревне люди ждут автобус, и очереди как таковой нет. Просто подходят новые пассажиры, спрашивают «Кто последний?» и в ожидании спокойно общаются на свои темы. Приходит автобус, люди выстраиваются в очередь, пропуская вперед более пожилых людей, детей и женщин, и уезжают. В городе Москве на автобусной остановке стоит культурная («правильная») очередь. Подходит автобус, и очередь быстро преобразуется в свалку, все лезут, расталкивая друг друга локтями, и иногда обзывают друг друга. Потом все помещаются в автобус, спокойно едут, по ходу читая умные книги и журналы с очень спокойными и даже красивыми лицами. Две очереди, две культуры. Иногда мы недооцениваем подобных мелочей, а потом удивляемся, почему другие народы (или жители нестоличных городов) относятся к нам с презрением. В этом смысле очередь иногда может рассматриваться и как модель общественной системы.

6. Очередь как важнейший показатель отношения данного общества и государства к своим гражданам. В каждой культуре — свои очереди. В некоторых культурах эти очереди естественные (без которых пока никак нельзя). И все понимают необходимость этих очередей и

определенного поведения в них. Часто руководство (или люди, от которых что-то зависит) стремится оптимизировать эти очереди по принципу «чтобы людям было удобнее».

А в других культурах, наоборот, стараются создавать искусственные (специальные, дурацкие) очереди по принципу «чем хуже для человека (участника очереди), тем нам (начальству) лучше». Иногда это делается из явно человеконенавистнических соображений, когда организатор такой очереди не имеет никакой выгоды, но ему приятно, что он кому-то сделал плохо. Но чаще все это делается с расчетом на то, что некоторые люди (не желающие унижаться) постараются обойти данную очередь и за определенную плату им будет дана такая возможность. Более того, система поборов настолько развита в некоторых культурах, что это становится чуть ли не основой данной общественной, социально-экономической и даже политической системы (пример СССР в период с 60-х и до конца 80-х гг., как раз накануне краха, о чем уже и говорилось).

7. Неудачные (ненужные, дурацкие) очереди как основа всех проблем и бед данной системы и как фактор ее самоуничтожения. Не секрет, что бессмысленные и оскорбительные очереди не только унижают конкретных людей, вынужденных тратить в очереди значительное время, силы и здоровье. Очередь во многом не позволяет использовать имеющиеся у системы возможности (людские, организационные, финансовые и т.п.) более эффективно. Например, многие бюрократические вопросы можно было бы решать гораздо быстрее, вводя принцип «одного окна» и т.п. Это и нелепые очереди в сбербанке или на почте, когда к одним операторам приходится отстаивать часами, а другие операторы сидят в это время

и просто скучают (у них «другой круг обязанностей»). При этом значительно упростилась бы и деятельность самих чиновников. Но они сами часто в этом не заинтересованы, и тогда из-за отвратительной организации труда страдают все. Это особенно тяжело переживается на фоне других систем (других стран или организаций), где таких бессмысленных очередей уже давно нет.

Вероятно, в современном менеджменте одним из важнейших показателей деятельности любого руководителя и ответственного лица должно быть стремление оптимизировать ненужные очереди. И наоборот, признаком бездарного менеджмента является стремление специально создавать очереди, унижающие достоинство людей и заставляющие их платить взятки только за то, чтобы избежать подобных очередей, чтобы сохранить свое достоинство. Но, оказываясь хитрее других людей («честно» стоящих в дурацких очередях), они, во-первых, сами морально деградируют, а во-вторых, поощряют негодяев-коррупционеров, создающих такие очереди, и в итоге способствуют развалу данной системы. Таким образом, *ненужная (дурацкая) очередь провоцирует коррупцию и является важнейшим фактором деградации и последующего развала данной системы.*

Подобные очереди существенно *извращают и товарно-денежные модели экономики, и сами человеческие взаимоотношения.* Например, пребывая в дурацкой очереди, человек вынужден иногда платить взятки большие, чем стоимость товара, из-за которого он вообще оказался в очереди. За что же он платит взятку? Вроде бы, очевидный ответ: за то, чтобы как-то сократить время получения первоначального блага. Но на самом деле человек платит за то, чтобы не терять своего достоинства в унижительной очереди. При этом, чем

более нелепа очередь (вопреки здравому смыслу и элементарным законам экономики), тем больше она оскорбляет думающего человека. Но, давая взятку, такой человек сам неизбежно деградирует, о чем уже писалось и еще будет написано (см. раздел «Развитие “человека очереди” и “хозяева очереди”»). И именно здесь начинается настоящая психология очереди.

8. Очередь как условие личностного развития конкретного человека (участника очереди). Есть надежда, что человек, оказавшись в ненужной (искусственной, дурацкой) очереди, возненавидит ее и ему будет проще различать в дальнейшем «добро» и «зло». Но есть опасность, что он полюбит очередь и станет стремиться быть «умнее других, за счет других», т.е. с помощью тех же взяток обходить очередь, ничего не меняя в данной системе принципиально.

Если человек пребывает в естественных (необходимых и полезных) очередях, то у него приобретается опыт культурного взаимодействия с другими людьми, навыки организации и самоорганизации своей жизни. А если он видит полезность большинства очередей, в которых ему приходится пребывать, то все это способствует социальной стабильности данного общества и повышению общей культуры населения. Проблема развития «человека очереди» более подробно будет рассмотрена ниже.

Проблема основных параметров очередей и построения их типологии

В целом можно выделить следующие основные параметры психологического исследования очередей, каждый из которых может стать критерием построения типологии, или же, типологии возможны на различном сочетании данных параметров:

1. Временные параметры: скорость прохождения очереди (ее динамика), время реального пребывания в очереди, прерывистость очереди (например очередь с перерывами на обед или без таковых), временная неопределенность очереди (вплоть до «бесконечной очереди») и т.п. Можно также исследовать «феномен относительности времени, проведенного в очереди», ведь, как известно, какие-то очереди идут быстрее, а какие-то даже имеют тенденцию к увеличению времени пребывания в очереди по отношению к первоначальным ожиданиям. Это может быть и субъективная относительность: для кого-то очередь «стремительно несется», а кому-то кажется «застывшей на месте» и т.п. А если человек одновременно пребывает в разных очередях, то для него «феномен относительности времени в очереди» еще больше усиливается (например, в одной очереди он уже близок к цели, а в другой «время как будто остановилось» и т.п.)

Таким образом, *очередь напрямую связана с проблематикой времени*. Некоторые авторы, рассматривая время, пишут о нем как о «пути жизни», как о «колесе» и соответствующем «следе колеса» (Преображенский, 1959). Заметим, что еще в начале статьи мы также много писали о связи очереди с общей организацией жизни. Среди известных философских метафор времени выделяют и такие, как «цепь событий» (предполагающих определенную последовательность событий и «моментов жизни»), как «поток» (по А. Бергсону) или «жизненный порыв» (по Э. Гуссерлю), как «цикл» (например, астрономические циклы, рассматриваемые еще античными авторами, или «когнитивный цикл» — по У. Найссеру). В частности, Э. Гуссерль, указывая на взаимосвязь времени и сознания, выделяет «первичные характеристики времени»: «последовательность» и

«одновременность», позволяющую «ментально сознавать целое» (Гуссерль, 1994).

Все это уже на психологическом уровне помогает лучше обозначить *проблему осознания человеком себя через очередь и через отношение ко времени, проведенному в очереди*. При этом человек, находясь в очереди (или в разных очередях одновременно), не только понимает правила данной очереди (очередей), но и лучше осознает себя как личность и гражданина, а также начинает догадываться, в каком он вообще живет обществе (можно вспомнить «моментальное сознание целого» — по Э. Гуссерлю).

2. Энергетические параметры: напряженность внутренних взаимоотношений между участниками очереди, их готовность к каким-то решительным действиям по отношению к организаторам очереди, готовность к агрессии по отношению к другим людям (например к тем, кто, проходя мимо, делает язвительные замечания), готовность перенаправить свою агрессию на другие объекты (например в случае неполучения каких-то благ кто-то готов к погромам и массовым беспорядкам) и т.п. Сюда же можно отнести и напряженность отдельных участников очереди на фоне относительного спокойствия остальных участников.

3. Пространственно-территориальные параметры, такие, как количество участников очереди, место расположения очереди (например реальная очередь в конкретном месте или «*виртуальная очередь*», когда ее участники друг с другом даже не взаимодействуют) и т.п.

4. Статусные параметры, которые сами по себе могут быть разбиты на подгруппы: 1) престижность достижения цели пребывания в очереди; 2) статус участников очереди (например очередь в престижном районе или в модной

организации, где часто можно встретить известных людей, политиков, артистов); 3) статусные отношения в самой очереди, где может образоваться даже своя «элита» и свои «отверженные» (для данной очереди); 4) статус, связанный с «опытом пребывания» в подобных очередях; 5) статус «извращенный», когда больше начинают уважать тех, кто «обманул» данную очередь и достиг желаемой цели иным путем; 6) статус «инакомыслия», когда уважают тех, кто вообще отказался от данного блага и ушел из очереди, желая сохранить собственное достоинство, и др.

5. Масштабность очереди, когда она может касаться каких-то частных, малозначительных эпизодов жизни (например очередь на АЗС) или затрагивать важные аспекты жизни данного человека (например очередь многодетной семьи на квартиру).

6. Неординарность (степень редкости) очереди, что часто делает участников очереди растерянными (они еще не поняли, как себя вести в очереди и как к ней относиться) и одновременно ставит их в творческую ситуацию.

7. Привлекательность (или непривлекательность) очереди для конкретных людей. Здесь срабатывает принцип «каждому — своя очередь!».

8. Естественность (объективная неизбежность) или искусственность (ненужность) очереди, о чем уже писалось выше. Часто этот параметр сильно влияет на отношение человека к своему пребыванию в очереди и нередко ведет к деформации личности, когда хочется «быть лучше других за счет других».

9. Многоплановость очереди, например, когда в рамках одной очереди могут возникать новые очереди — «субочереди» (отдельно для «избранных» или для «отверженных»). Возможны и такие варианты многоплановости, когда в этих новых

«субочередях» будет выстраиваться своя очередность уже по новым правилам, отличающимся от основной очереди.

10. «Моно-» или «полиочередь». В традиционной «полиочереди» множество участников, между которыми выстраиваются определенные взаимоотношения, а в «моноочереди» — лишь один человек, который сам для себя выстраивает определенную последовательность действий и всей своей жизни. Он как бы перемещается сам по определенному циклу времени, среди других объектов или других людей. Он как бы из них выстраивает очередность по отношению к себе. В случае полиочереди он чаще позволяет себя включать в какие-то очередности.

11. «Внешняя» или «внутренняя» очередь. «Внутренняя» очередь предполагает, что основные усилия человека направлены на самоорганизацию, когда ему приходится заставлять себя демонстрировать определенное поведение, чтобы оставаться в данной очереди и достичь желаемой цели. «Внешняя» очередь больше предполагает, что самого человека кто-то организует и ему остается лишь понять, чего от него хотят, и без особых усилий выполнять соответствующие правила. Например, в этом случае можно не беспокоиться, что порядок очереди кем-то будет нарушен: об этом беспокоятся другие. Для тех, кто следит за порядком в очереди, данная очередь также будет «внутренней», поскольку заставляет этих людей беспокоиться и воспринимать саму очередь как что-то значимое для себя (как «свое дитя родное»).

12. «Моя» или «чужая» очередь. «Моя» очередь организована по собственным правилам. Например, владелец лавки отпускает товар в первую очередь своим знакомым. Заметим, что сам продавец — это также особый участник оче-

реди, он ее «хозяин». Или кто-то из очередников организует очередь по своим правилам. «Чужая» очередь предполагает, что человек должен понять и принять кем-то («чужим») придуманные правила поведения в очереди и подчиниться им. Возможно, кому-то подчиниться этим «чужим» правилам придется и с определенными внутренними усилиями (см. выше — «внутренняя» и «внешняя» очередь).

13. Стабильная и хаотичная очередь. В стабильной очереди правила поведения почти не меняются, все это знают и чувствуют себя уверенно. В хаотичных очередях возможны разнообразные изменения, связанные как с поведением отдельных участников очереди, которые могут изменить существующие правила, так и с внешними причинами, когда, например, просто заканчивается товар и не известно, когда привезут новый (возникает проблема: «ждать или не ждать»), или вместо ожидаемого товара появляется другой (и тогда — новая проблема: «нужен ли мне этот другой товар, когда я уже отстоял половину очереди?»).

14. Применительно к конкретному человеку можно выделить и такой параметр, как **уровень добровольности участия в данной очереди**, например: 1) желание быть в данной очереди; 2) добровольно-принудительное участие и 3) принудительная (вынужденная) очередь. Можно было бы красиво заявить: «Скажи мне, в каких очередях ты пребываешь, и я скажу тебе, кто ты!» Но это было бы некорректно, ведь далеко не все очереди человеку приходится выбирать самому, а какие-то очереди вообще противоречат сущности данного человека.

15. Типологию очередей можно строить и по сферам их функционирования. И этих сфер множество, ведь упорядочен весь мир. Например: 1) традиционные

очереди в сфере торговли и услуг (о чем мы больше всего и рассуждаем в данной статье); 2) очереди развития (включая и этапы получения образования, и этапы карьерного роста, и возрастные периодизации с соответствующими «очередностями»); 3) очереди во взаимоотношениях – по разным принципам (по происхождению и статусу, по возрасту, по льготам, по национальному признаку, по коммуникативному мастерству, «хитрости» и «предприимчивости», по степени близости к «хозяевам очереди», по реальной силе и «крутизне», по степени морального падения и т.п.); 4) «виртуальные очереди» (когда участники друг друга могут и не знать, и не видеть); 5) абстрактные очереди в виде различных «моделей», определяющих порядок (и очередность) взаимодействия людей и других объектов, и т.п.

Можно предположить, что *между многими из перечисленных параметров существуют взаимосвязи*. Например, динамика очереди связана с ее масштабом («быстрые» очереди обычно занимают меньшее пространство), а естественность очереди может коррелировать и с привлекательностью, и со многими статусными характеристиками (в естественных очередях статусных различий меньше, и люди уважают себя и других участников очереди больше).

На основании сочетания разных параметров можно построить самые разнообразные типологии очередей, в которых легко потом будет запутаться. Отсюда возникает проблема построения типологии очередей, которая была бы адекватна конкретным исследовательским задачам. Например, для нас наиболее интересной представляется проблема развития «человека очереди» и влияние очереди на социальные системы (на благополучие общества). Поэтому в данной статье мы и пытаемся именно

на этом делать основные акценты, хотя могут быть и иные приоритеты при исследовании феномена очереди и построении соответствующих типологий.

Развитие «человека очереди» и «хозяев очереди»

Само *развитие готовности человека участвовать в разных очередях*, с которыми ему придется сталкиваться в течение жизни, может идти по следующим позициям:

1) осознание необходимости получения определенного блага (или достижение какой-то цели) и самого участия в данной очереди;

2) понимание существующих правил поведения в данной очереди;

3) принятие данных правил поведения в очереди, а также возможные компромиссы, на которые готов пойти человек за право участия в очереди;

4) готовность к выполнению требований очереди (умение вести себя «правильно»);

5) готовность к изменению своего места в очереди и своего отношения к ней (включая и различные «хитрости» по отношению к другим участникам или к организаторам данной очереди);

6) готовность к поиску (или построению) иных очередей, ведущих к данной цели.

7) готовность к протесту против бессмысленных (ненужных) очередей (как вариант готовности к сохранению чувства собственного достоинства в условиях господства подобных очередей).

Каждый вид такой готовности формируется еще с раннего детства, когда ребенка просто обучают ждать, или обучают «уступать старшим», не перебивать взрослого, не отталкивать сверстников, не стремиться их обмануть и т.п. Это формируется и в детских играх, где хоть как-то предполагается очередность

действий, и в реальных взаимоотношениях со сверстниками, и в сказках, где герои демонстрируют определенную воспитанность во взаимоотношениях друг с другом, и т.п. Понятно, что по мере взросления человека, осваиваемые им требования к очередности усложняются и ужесточаются.

Важно то, что *каждая культура по-своему формирует готовность участвовать в различных очередях*. В любом случае важен пример взрослых. Например, если родители спокойно относятся к необходимости участия в очередях, то и дети воспринимают очереди без протестов и становятся нормальными «людьми очереди». Если же родители часто ругают («проклинают») очереди, в которых им приходится пребывать (например дурацкие очереди советского периода), то у ребенка постепенно формируется негативное отношение не только к данным очередям, но и с самой идее порядка, а также негативное отношение к самому обществу, где все это возможно.

Хотя иногда, даже в таких случаях может сформироваться *позитивное отношение и к дурацким очередям*, когда, например, ребенок или подросток начинают рассматривать эти очереди как способ самоутверждения. Здесь очередь из средства достижения цели превращается в самоцель, а пребывание в ней и соответствующие «успехи» по отношению к менее предприимчивым участникам очереди рассматриваются как высшее жизненное достижение (а может, и как высший смысл). Иногда говорят, что «процесс важнее результата». В данном случае сами цели (и блага), ради которых организуются многие очереди, также уходят на второй план. И тогда на первый план выходят «*хозяйва очереди*», которые впоследствии начинают использовать их для достижения своих корыстных целей.

В итоге можно обозначить **разные варианты развития человека в очереди**.

1. Первый вариант связан с тем, что человек осознает для себя важность достижения каких-то целей, где сама очередь рассматривается как средство достижения этих целей, которое позволяет упорядочивать действия человека. Здесь мы имеем обычного «человека очереди», просто выполняющего определенные правила поведения. Дальнейшее развитие предполагает совершенствование (оптимизацию) очереди как средства при сохранении ориентации на все более и более интересные цели. В итоге мы получаем человека, способного вести себя достойно в данной очереди и даже размышляющего о совершенствовании этой очереди («*достойного человека очереди*»), или вариант развития человека, от которого зависит данная очередь, но также стремящегося оптимизировать эту очередь («*достойный хозяин очереди*»).

2. Второй вариант развития изначально также предполагает ориентацию на определенные цели и освоение правил поведения в очереди как средства достижения целей. Но потом сама очередь по значимости заслоняет для человека первоначальные цели и превращается в самоцель. Здесь человек совершенствуется уже в новых способах поведения в данной очереди, т.е. цель для него заслоняется средством. Но потом происходит еще одна важная метаморфоза (она происходит почти со всеми, кто развивается по данному варианту). В ходе освоения новых способов поведения в очереди человек неизбежно чувствует свое превосходство над теми, кто в данной очереди чувствует себя менее уверенно (или увлечен другими проблемами), и тогда он начинает эксплуатировать тех, кто не знаком с новыми способами поведения в очереди (сейчас таких людей часто называют

«лохами»). Такой человек (*«хозяин очереди – хитрец»*) все больше совершенствуется в том, чтобы использовать недостатки данной очереди в достижении своих (часто корыстных) целей. Этот человек вряд ли будет заинтересован в том, чтобы оптимизировать очереди для общего блага. Наоборот, он заинтересован в том, чтобы усложнять очереди и заставлять участников очереди дополнительно унижаться, а потом и искать способы с помощью взяток или иных средств упрощать жизнь для себя лично.

3. Есть еще и третий вариант развития, когда человек, даже не являясь «хозяином очереди», чувствует себя довольно комфортно. Он просто дает необходимые взятки «хитрецам – хозяевам очередей» и получает требуемое благо, да еще и так, что другие участники очереди (простые «лохи») об этом знают или догадываются, но ничего поделать не могут. Прекрасный и довольно популярный в России вариант самоутверждения. Были бы деньги для взяток – и чем не жизнь! Вероятно, такие люди хорошо делают свои деньги в других очередях (они там «хитрецы-хозяева»). Таких людей условно можно назвать *«хитрецами (или «прохиндеями») очереди»*. Нередко и эти люди проходят определенные этапы в своем развитии: от нормальных «людей очереди» к определенному разочарованию (нежеланию быть «лохами») и далее – к позиции «хитрецов-прохиндеев».

Вопрос о большей или меньшей «полноценности» развития по этим вариантам для нас очевиден. Но следует признать, что раз подобные варианты существуют, то «значит, кому-то это нужно». И, вероятно, на данном этапе развития общества просто «запрещать» какие-то варианты развития «человека очереди» не следует, необходимо еще все это осмыслить и создать условия для позитивного преобразования ситуации.

Вопрос о развитии «человека очереди» предполагает выделение *разных вариантов понимания и принятия норм данной очереди*: 1) понимание и принятие; 2) непонимание, но принятие (основанное на вере в то, что иначе быть не может); 3) понимание, но непринятие; 4) непонимание и непринятие очереди. Последний вариант либо вынуждает человека вообще покинуть очередь, либо побуждает его разрушать эту очередь изнутри, либо внутренне «мстить» очереди (например «про себя» смеяться над участниками очереди и существующими в ней порядками). При этом внутреннее ироничное отношение может рассматриваться как способ самосохранения личности, вынужденной пребывать в унижительной для себя очереди.

Можно также выделить и основные варианты *внешнего поведения человека в очереди*: 1) соблюдение правил поведения в очереди; 2) внешние словесные протесты против данной очереди (например агрессивные или ироничные высказывания); 3) разрушение очереди, стремление дезорганизовать ее; 4) месть очереди за обиды и унижения через реальные оскорбления других участников очереди или даже самих «хозяев очереди». Правда, в случаях протестов, разрушения и мести очереди остается вопрос: а всегда ли виновата данная очередь, ее конкретные участники и даже «хозяева очереди», ведь истинные причины унижений могут быть иными (например, причины, порождающие очередь, выделенные ниже);

Поведение человека в очереди часто бывает связано и с необходимостью постоянного подтверждения им своего места в очереди, или с одновременным участием в нескольких очередях (иногда даже в «параллельных очередях» за одним и тем же товаром). При этом возможны ситуации

разного поведения человека в этих очередях.

При анализе норм поведения человека в очереди важно учитывать следующее. Какие-то льготы, позволяющие определенным людям пользоваться первоочередными правами, могут вызывать серьезные сомнения. Это могут быть льготы некоторым представителям власти, которые не пользуются уважением большинства населения и даже у некоторых высокопоставленных руководителей вызывают негодование (например «мигалки» на машинах, когда все вынуждены пропускать соответствующий транспорт, в котором, быть может, сидит всего лишь доченька важной персоны или очередная любовница). Это могут быть и так называемые «льготники» в больницах или других общественных местах. По своему внешнему виду они нередко выглядят намного здоровее, чем многие рядовые участники очереди, которые из-за бюрократических сложностей (и соответствующих очередей уже в других местах) так и не сумели вовремя оформить для себя столь необходимые им льготы, и т.п.

Здесь мы сталкиваемся с известным противоречием между официальными (законодательными) нормами и нормами моральными, основанными на культурных традициях и здравом смысле. Как известно, если закон оказывается менее совершенным, чем общественная мораль, то такой закон работает плохо. Если на основе такого закона функционируют различные очереди, то понятно, что это будет постоянно провоцировать недостойное поведение как со стороны тех, кто выполняет закон (вопреки существующей морали и здравому смыслу), так и со стороны тех, кто следует морали, но тогда он оказывается реальным нарушителем закона. Помочь здесь могла бы развитая совесть участников очереди.

Структура очереди

Понятно, что очередь состоит из очередников (участников очереди) — это «люди очереди». Сами участники могут разделяться на различные группы по разным основаниям: активные и пассивные, со льготами и без них, «честные» и «хитрые», готовые дать взятку («прохиндеи») и не готовые и т.п. Но есть еще и «хозяева очереди», которые создают данные очереди, непосредственно распределяют блага, действуя также по определенным правилам (например продавцы или чиновники), но они же и во многом определяют сам порядок поведения человека в очереди, иногда имея возможность устанавливать и новые порядки (например систему взятки). Как уже отмечалось, некоторые «люди очереди» постепенно также могут преобразоваться в «прохиндеев очереди», а затем — и в ее «хозяев», предлагая свои порядки прохождения очереди...

Если рассматривать очереди с включенными в нее *неодушевленными объектами*, то и они обладают определенными характеристиками, которые приходится учитывать остальным участникам. При этом некоторые характеристики могут быть неожиданными, и тогда эти неодушевленные объекты заставляют дополнительно волноваться всю очередь. Например, в местный магазин поставляют свежую клубнику мелкими партиями с близко расположенной фермы. Качество клубники зависит от погодных условий. И покупатели, и продавцы это знают, пытаясь подстроиться под благоприятные погодные условия. Сам масштаб и настрой очереди во многом зависит от этих погодных условий в большей степени, чем от «участников» и даже от «хозяев очереди». Даже погодные сюрпризы обсуждаются теми же словами, как конкретные люди, от которых могла бы зависеть очередь. Кроме того,

всегда приходится учитывать и конкретные менеджерские схемы, по которым организовано распределение благ в данной торговой сети и которые также сильно влияют на характер очереди.

Возникает вопрос: сами эти схемы (торговые модели) можно считать неодушевленными? С одной стороны, придумывают их конкретные люди, а с другой стороны, с какого-то момента они начинают действовать по своим законам, и людям уже приходится просто учитывать их или «вписываться» в эти схемы, мало что в них сознательно меняя.

Очередь может включать в себя и «*виртуальных участников*», и «*виртуальных хозяев*», и даже «*виртуальных хитрецов-прохиндеев очереди*», чем-то даже напоминающих неодушевленные объекты, ведь реально их как бы и нет, а место они занимают и что-то от них все же зависит (например директор магазина или глава банка, которых никто в глаза не видел).

Причины, порождающие очередь

Как уже отмечалось выше, общая причина связана с необходимостью упорядочивания в мире самых разнообразных объектов. В человеческом обществе — это необходимость организации взаимоотношений между людьми, претендующими на определенные блага, т.е. необходимость организации жизнедеятельности конкретных людей и общества в целом. При этом можно выделить более конкретные причины, определяющие очередность (порядок и последовательность) получения тех или иных благ:

1. Культурные традиции, когда, например, определенные блага достаются в первую очередь детям или старикам, или когда в первую очередь готовы пропустить даму, а уж потом и сами. И т.п.

Заметим, что определенный порядок устанавливается и тогда, когда благ достаточно и всем они достанутся, но из уважения к определенным группам людей, именно эти люди получают их в первую очередь.

2. Дефицит благ, когда для их получения необходимо ждать своей очереди или ожидать, когда какая-то привлекательная вещь выйдет из моды, станет более доступной и тогда ее вообще можно будет приобрести. Причем более важные люди такую модную вещь уже «относили» и переключились на иные моды. Заметим, что нередко эти модные вещи не являются товаром первой необходимости и часто само их качество или эстетические характеристики потом вызывают сомнения и даже смех: «какой позор(!), он носит то, что было модным в прошлом году!». Скорее доступ и обладание модными (дефицитными) вещами свидетельствует об особом статусе человека, который их носит в числе первых. Проблема дефицита и соответствующих унижений советских людей, характерная для последних десятилетий СССР, хорошо описана во многих источниках (см. например: Рубинов, 1991).

3. Внешнее принуждение, заставляющее участвовать человека в определенных очередях, например через закон, определяющий очередность получения каких-то благ, или через мораль, также предписывающую определенную очередность для достижения каких-то целей. Иногда это не просто принуждение участвовать в определенных очередях, но и принуждение обязательно ориентироваться на цели и блага, значимые для данного общества (попробуй после этого отказаться и от соответствующих очередей).

4. Внутренние причины, т.е. готовность быть «человеком очереди», о чем уже говорилось. Возникает интересный

вопрос: может ли главная причина (фактор) очереди находиться в конкретном человеке? Учитывая то, что очередь часто предполагает определенный порядок взаимоотношений разных людей, можно сказать, что в большинстве случаев причины носят более глобальный характер и подчиняются особым законам функционирования экономики и социальной жизни. Но в отдельные моменты общественной жизни роль конкретного человека может быть весьма значительной. Например, умелый руководитель может оптимизировать очереди или вообще ликвидировать дурацкие очереди. И тогда уже вопрос относится к тому, что побуждает такого руководителя к столь умным и благородным действиям? Это может быть также и конкретный участник очереди, который своим примером или авторитетом может облагородить даже дурацкую очередь (а остальные участники будут вести себя в этой очереди более достойно). Но внутренние причины могут стать основой формирования и «хозяина очереди», и «хитреца очереди».

5. Социально-экономический кренизм власти (советской, например), которая либо не способна обеспечить население необходимыми и модными благами (товарами, услугами и т.п.), либо не способна обеспечить людей возможностью спокойного получения этих благ (начиная от нормальной организации торговых и сервисных сетей и кончая достойным уровнем зарплат, на которые эти блага можно приобретать). В последнем случае очереди возникают как следствие «экономии» на более дешевых товарах. Например, в современной Москве многие стремятся отовариваться в магазинах типа «Ашан», где товары заметно дешевле, чем в рядом расположенных магазинах. Мало того, что в выходные дни там огромные оче-

реди в кассы, но надо еще добраться до этих «Ашанов», простаивая в очередях из автомобильных «пробок». Хотя почему нельзя цены как-то уравновесить в разных магазинах, чтобы людям было удобнее? Раньше социализм был «виноват» (со своими очередями), теперь — «рыночные законы капитализма» (с уже другими очередями). А о «человеческом факторе» (в частности о «факторе власти») часто забывают или «стесняются» об этом говорить.

6. Бездарный менеджмент, из-за которого создаются бессмысленные (дурацкие) очереди. Как вариант — «хитрый менеджмент», специально порождающий «дефицитные» очереди и провоцирующие людей давать взятки чиновникам, продавцам, юристам, врачам, педагогам и всем другим потенциальным «хозяевам очередей», которые заинтересованы не в помощи людям, а в достижении своих эгоистических целей с помощью таких очередей. Такой «хитрый менеджмент» уже давно использует очередь как форму «экономии» на своих клиентах. Например, в некоторых банках создают искусственные (дополнительные) очереди для вкладчиков, желающих получить дивиденды с акций. Но очереди настолько нелепы и унизительны, что часть вкладчиков даже отказываются от дивидендов, особенно если они не очень значительные. А из множества таких малых отказов складывается большая «экономия» (Гарифуллин, 2006).

7. Предрассудки и мифы общественного сознания, когда многие убеждают себя, что «без очередей никак нельзя», а кто-то даже привыкает к ним и начинает особым образом любить своих благодетелей, которые дают им возможность (за определенную дополнительную плату) приобретать блага быстрее других. А другие лишь надеются, что и у

них когда-нибудь появится такая возможность и они живут этой надеждой. Хотя известно, что, попав в цивилизованную страну, где дурацких очередей гораздо меньше, люди быстро отказываются от своих прежних мифов. Более того, иногда человек настолько бывает этим приятно удивлен, что не замечает других проблем (других очередей) этой цивилизованной страны и лишь потом постепенно начинает догадываться, что дурацкие очереди есть везде, но они разные. И если это не сразу понятно, то, видимо, мифология, защищающая такие очереди, еще более сильная, чем в любимой нами России.

8. Уровень криминализации общества, когда слишком много людей заинтересованы в том, чтобы очереди (особенно дурацкие) существовали и множилось (как средство наживы и самоутверждения), о чем также уже много говорилось.

9. Уровень развития интеллигенции и общей культуры населения. Мы считаем, что данный фактор во многом решающий, поскольку именно интеллигенция должна острее всего чувствовать оскорбительность дурацких очередей для личности и активнее всего высказываться против таких очередей. И одновременно интеллигенция могла бы культивировать идею общественного порядка, выражающуюся в развитии «культурных» или хотя бы временно необходимых очередей как условия развития отдельных личностей и всей общественной системы.

Эволюция конкретных очередей

Сама очередь может видоизменяться под воздействием различных факторов, о которых говорилось выше. Но видоизменения могут быть разными. Например, это может быть развитие очереди, когда совершенствуются

взаимоотношения между участниками этой очереди, приобретается опыт противодействия всяким вымогателям или формируется потребность устранить главные причины дурацких очередей. Но это может быть и деградация очереди, когда под воздействием сомнительных участников очередь превращается в агрессивное стадо или в сборище равнодушных людей, позволяющих над собой издеваться различным «хитрецам-прохиндеям» и «хозяевам очереди».

Вероятно, в основе эволюции конкретной очереди все-таки лежат не столько изменяющиеся правила взаимоотношений между участниками очереди, сколько система ценностей данной очереди, а также осознание целей пребывания в очереди для наиболее активных участников. Изменение правил взаимоотношений скорее является следствием изменившихся ценностей данной очереди. Хотя возможны ситуации, когда участники очереди, попробовав более достойные правила взаимоотношений, сами начнут себя больше уважать, что приведет и к изменению их ценностной системы (особенно, если учитывать последующее развитие участников очереди с перспективой их пребывания уже в других очередях).

В культурно-исторической перспективе эволюция очереди может рассматриваться в разных контекстах и традициях.

Основные традиции в изучении очереди

Биологические предпосылки очереди. Известно, что уже в мире животных очередность является важнейшим принципом организации как межвидовых отношений (например очередь к водопою, когда слабые уступают более сильным видам), так и внутривидовых выяснений отношений. Например, у многих стадных животных за право на

первоочередное спаривание с самкой или за право на первоочередность в пище идут ожесточенные схватки. Для вожаков (доминантов) отстаивание этих прав вообще становится самой главной заботой (можно было бы сказать, смыслом жизни). А многие другие животные готовы даже расстаться с жизнью, лишь бы завоевать себе такое право, но часто лишь «ждут своего часа», а когда доминант утрачивает свои позиции, мстят ему за свои ожидания. У этологов это называется «пинать умирающего льва» (Дольник, 1994). А ведь что-то похожее мы уже рассматривали выше. Иными словами, основы человеческих очередей можно найти уже в мире животных.

Культурно-исторический контекст развития очереди. Вся история человеческих взаимоотношений наполнена примерами утверждения своего более высокого положения через право на первоочередность. Это и знаменитое право господина на «первую ночь», и право на первоочередное ношение более привлекательной одежды, и право на первоочередной проезд, когда феодалы увешивали себя бубенцами, слышными издали, и как бы предупреждали простолудинов — «Уступи дорогу, а то раздавлю!» (Уже потом колокольчики-бубенчики перекочевали на колпаки шутов и клоунов.) Это даже право на первую очередь (по статусу) при смертной казни, когда казнили дворян разного уровня (Иштван-Рат-Вег, 1996, с. 62–85).

Социологическая традиция предполагает изучение самых разнообразных вариантов упорядочивания человеческих взаимоотношений между различными социальными группами и слоями общества. При этом подчеркивается, что в разных социальных системах — разные очереди и, соответственно, разные правила поведения в этих очередях. Кроме

того, акцент делается на видоизменениях (эволюции) самой очереди, о чем уже говорилось выше. Главная проблема здесь выражается в вопросе: почему (на каком основании) каким-то социальным группам даются права на первоочередность в получении благ, а другие группы оказываются в явно ущемленном положении, и как к этому относятся разные группы населения?

Психологический контекст изучения очереди уже в немалой степени был рассмотрен в данной статье, но остаются некоторые важные и интересные проблемные вопросы, которые можно хотя бы обозначить: 1) проблема очереди за счастьем, когда само счастье и пути (очереди) к нему понимается примерно одинаково большинством участников очереди — это вариант проблемы «массового сознания», которое нередко порождает у людей чувство зависти (Московичи, 1996; Пряжников, 2000); 2) проблема изменения смысла нахождения в определенных очередях (это относится больше к длительным очередям, когда участники существенно меняются и меняют свои представления о благах и путях их достижения); 3) проблема очереди, ведущей человека (или общество) к деградации, и соответствующая проблема готовности осознания такой опасности и попыток хоть как-то предотвратить эту опасность.

Альтернативы очереди

Из всех возможных альтернатив очереди наиболее интересными представляется: *случай, жизненный или карьерный шанс — везение, выигрыш*. Именно они часто нарушают привычный порядок течения событий и могут существенно изменить жизнь как отдельного человека, так и целых социальных систем. Хотя известно, что закономерность имеется во всем, но в

данном случае мы говорим о «непознанной» или «пока еще не осознанной до конца» закономерности. Удивительно, но свои непредвиденные сюрпризы (везенье, шанс) могут быть и в рамках определенной очереди, и тогда конкретным участником очереди это может быть воспринято как своеобразная «награда» за пребывание в очереди и соблюдение ее правил (или как «награда» за унижения) – например на почте (или в сбербанке) «вдруг» открывается дополнительное окошко.

Здесь возникает особая *проблема подготовки человека к случайному счастью* (получению благ, минуя традиционные очереди, соответствующую подготовку или испытания). Как показывает опыт, далеко не все готовы к случайному счастью и нередко просто деградируют, неожиданно (без подготовки) получив его. В уже приведенном выше примере с почтовым окошком часто можно наблюдать, как «воспитанные» до этого участники прежней очереди немного «звереют», стараясь побороться за более выгодное место в новой очереди. В более серьезных случаях в качестве примера обычно рассматривают наследников, о которых Ортега-и-Гассет писал как о «маменькиных сынках», получающих все в готовом виде и не готовых достойно распорядиться этим наследством, как о «самодовольных ничтожествах», воплощающих в себе «противоречие самой сущности человеческой жизни» (Ортега-и-Гассет, 1998, с. 251–252).

Можно также обозначить и более простые альтернативы. Например, дурачкой (ненужной и унижительной) очереди могла бы противостоять *культурная очередь* (необходимая и полезная, призванная упорядочивать получение благ на демократических принципах, когда все равны). Хотя иногда такая

очередь сама по себе воспринимается как некое «чудо» (случайность, везение и т.п.) в наше замечательное время.

Проблема поиска (или построения) личного смысла нахождения в очередях

Пребывание человека в очереди иногда может порождать у него двойные, разнонаправленные чувства, например, принятие и соблюдение правил, с одной стороны, и осуждение или сомнение в этих правилах, а также в правильности своего поведения – с другой. Если человек достаточно воспитан и не стремится при первой же возможности непременно и кардинально менять эти правила («разваливать очереди»), то спокойные сомнения позволяют ему все достаточно хорошо взвесить и оптимизировать (или преобразовать) очередь более разумно, без нежелательных последствий для других участников, которые еще тоже должны созреть для таких изменений.

Но в этом случае для данного человека остается проблема временных компромиссов на период пребывания в очереди, по отношению к которой сомнения уже возникли. Это предполагает поиск новых смыслов пребывания в данной очереди, которые связаны не только с получением определенных благ (или ранее намеченной цели). Это уже смыслы улучшения очереди и одновременно смыслы собственного развития.

Подобные ситуации заставляют человека через свое отношение к пребыванию в разнообразных очередях выстраивать (или искать) новые динамичные «модели мира», в которых отражается процесс изменения первоначальных смыслов и взаимоотношений. Ведь как уже отмечалось, в очередях нередко моделируются сущностные характеристики окружающего мира, настоящего

и будущего (через оптимизацию имеющихся и поиск новых, более интересных очередей). Такие модели могут и не предполагать четко обозначенных целей или благ. Здесь сам процесс поиска становится самодостаточной ценностью.

Можно сравнить это с ранее описанной ситуацией (см. развитие «человека в очереди»), характерной для «хозяев очереди», которые переключаются с первоначальных целей своего пребывания в очереди на эксплуатацию данной очереди в корыстных целях, но не стремятся при этом к изменению самой очереди. В новой ситуации творчески ориентированная личность стремится через изменение очереди изменить и самого себя, и свои представления о мире (построить новый образ мира). При этом сами попытки таких изменений могут рассматриваться и как своеобразная «тренировка» человека в очереди к более существенным изменениям и самоизменениям.

Проблема «плохих» и «хороших» очередей. Что нужно сделать, чтобы очереди не вели к деградации личности?

Остается нерешенным вопрос, какие очереди действительно способствуют развитию личности и сохранению стабильности данной общественной системы и кто должен способствовать постепенному появлению новых очередей и новых общественных систем? Частично мы уже пытались размышлять на эти темы

(см. выше «причины, порождающие очередь» и развитие «человека очереди»). Но главная (психологическая) проблема все же остается: какова степень личного участия конкретного человека в изменении существующего порядка вещей в условиях, когда такие изменения он более спокойно может осуществить в рамках лишь своей жизни (через изменения своего отношения к существующим порядкам и через построение новых «моделей мира», в котором он живет, но за несовершенство которого он все же переживает).

Литература

1. *Гарифуллин Р.Р.* Психология блефа, манипуляций, иллюзий. М.: АСТ-Сталкер, 2006.
2. *Гуссерль Э.* Феноменология внутреннего сознания времени. Собр. соч. Т. 1. М., 1994.
3. *Дольник В.Р.* Непослушное дитя биосферы: Беседы о человеке в компании зверей и птиц. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
4. *Московичи С.* Вектолп. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996.
5. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Психология масс. Хрестоматия / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: БАХРАХ, 1998.
6. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1959.
7. *Пряжников Н.С.* Психология элитарности. М: Изд-во МПСИ, 2000.
8. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995.
9. *Рубинов А.З.* Интимная жизнь Москвы. М.: Экономика, 1991.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

А.А. Карнов, В.В. Козлов, В.А. Мазилев

ИССЛЕДОВАНИЕ ИГРОВОЙ ЗАВИСИМОСТИ: ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОДХОД

В статье проведен глубокий анализ лудомании, ее истории и современного состояния. Она анализируется с точки зрения зависимого поведения. В статье также проведен анализ основных теоретических психологических и психотерапевтических подходов к изучению игровой зависимости. Особое внимание авторы уделяют коммуникативной методологии и интегративному подходу при анализе гемблинга.

Ключевые слова: сознание, зависимость, игра, состояние сознания, гемблинг, парадигма, интегративная психология, коммуникативная методология.

Одним из ключевых вопросов в исследовании причин любого вида зависимого поведения является выявление мотивационных факторов. Известно, что наша плата за блага современной цивилизации — это своеобразная «гиподинамия сознания». У человека же заложена потребность периодически изменять состояние своего сознания. Отсюда невиданная популярность в последние годы экстремальных видов спорта, «экстрима» во всех его проявлениях. Как отмечал А. Weil (1972, с. 17), «желание периодически изменять состояние сознания является нормальной врожденной склонностью, аналогичной голоду или сексуальному влечению». McPeake (1991) также описывает изменения сознания как основной человеческий мотив. За эту потребность и цепляются не только наркотики и алкоголь, но и пристрастие к азартным играм.

Человек, не знакомый с опытом измененных состояний сознания, не в состоянии понять реальность игрока. У него особое мнение об этом мире; весь

его опыт сводится к тому, что самые приятные, самые полные ощущения от жизни он получает в игре. Поэтому большинство методов психотерапии дают лишь самый поверхностный и временный эффект или вообще не работают с этими пациентами — через некоторое время его личная система описания реальности отторгнет ставшие чуждыми идеи.

В последнее время понятие кризиса стало центральным во многих экономических, политических и психологических исследованиях в связи с всемирным финансовым кризисом. Этот кризис затронул все слои населения планеты и имеет явные последствия.

Игровая зависимость — явление социально-психологическое по сути, но проблемы гемблинга (патологической склонности к азартным играм — F63.0 по МКБ-10) мы фиксируем на индивидуальном уровне. Кроме удовлетворения потребности в изменении состояния сознания, лудомания является еще и способом «убегания» от жизненных кризисов, изощренным способом психологической защиты.

Исторически проблема лудомании очень старая, но массовый характер игромания приняла только в конце XX и в начале XXI веков. Тема игровой зависимости нас привлекает по нескольким причинам:

- малая разработанность в науке;
- огромная социальная значимость проблемы;
- насущная необходимость построения общей теории, методологии и выстраивания стратегий и психотехнологий работы с игроками.

Проблема патологической зависимости возникает, когда стремление ухода от реальности, связанное с изменением психического состояния, начинает доминировать в сознании, становясь центральной идеей, вторгающейся в жизнь и приводящей к отрыву от реальности. Наступает момент, когда человек не только не решает важных для себя проблем (бытовых, социальных), но и останавливается в своем личностном развитии. Этому могут способствовать биологические, психологические (особенности личности, психотравмы), социальные (семейные и внесемейные взаимодействия) факторы. Важно отметить, что процесс реализации зависимости включает в себя не только использование предмета зависимости, но и мысли о возможности и способе его достижения, а также о состоянии ухода от реальности.

Современная техносфера во многом определяется внедрением в жизнь человека — как в его трудовую деятельность, так и в сферу отдыха — информационных технологий (компьютеры, глобальная сеть Интернет, высокоавтоматизированные системы управления), и в то же время различных электронно-механических автоматов для отдыха и развлечений. Так, например, получили огромное развитие способы

временипрепровождения, связанные с использованием компьютеров и электронных средств связи.

Такое изменение окружающей среды не могло не повлиять на систему адаптации человека к техногенным воздействиям. Человек начал сталкиваться прежде всего с влиянием информации, которая, представляя собой слабое энергетическое воздействие, воспринимается организмом как закодированное сообщение о реальности многократно более мощных процессов, возникающих со стороны внутренних или внешних структур. Следовательно, информационное воздействие представляет собой значительную нагрузку на механизмы адаптации человека к современной окружающей среде.

В конце XX века было написано много работ, посвященных воздействию информационного стресса на человека. Но там, где есть стресс и проблемы адаптации к нему человека, всегда возникают предпосылки для специфических заболеваний, связанных с восприимчивостью людей к определенному типу воздействия окружающей среды, например информационно-технологическому.

Вступление России на новый экономический путь развития и полная открытость внедрению новых технологий привели к изменению не только условий жизни населения, но и структуры имеющихся психических заболеваний, к появлению и распространению ранее крайне редко встречавшихся в нашей стране расстройств психики.

Это заболевание относится к так называемым нехимическим зависимостям.

Нехимические зависимости представляют собой специфические клинические и психологические феномены, которые объединяет отсутствие экзогенного биохимического подкрепления,

а объектом зависимости может являться нехимическое вещество (например еда), механическое или электронное устройство.

Проблема игровой зависимости (пристрастия к азартным играм, интернет-зависимость) в последнее время становится все более актуальной. Этому способствуют широкое распространение игромании, возникновение целого поколения, мощной когорты «человека играющего».

Игромания распространена особенно в среде подростков, молодежи и приобретает характер национального бедствия. В связи с этим все большее количество специалистов в области наркологии, психиатрии, психотерапии, практической психологии стали обращать свое внимание на данную группу расстройств. В Китае, Корее и Европе были созданы специальные клиники, принимающие пациентов, страдающих от излишней привязанности к компьютерным развлечениям.

Игровая зависимость — это патологическая склонность к азартным играм. У людей, страдающих игровой зависимостью, периодически внезапно возникает непреодолимое влечение к игре. Это стремление овладевает рассудком и подчиняет себе поведение. Исследования показывают, что после прекращения игры у игроков развиваются расстройства самочувствия, сходные с синдромом отмены у больных алкоголизмом и наркоманией. К игровой зависимости относятся зависимость от азартных игр (рулетка, игровые автоматы, покер) и зависимость от компьютерных игр.

Игроманию в психотерапии и психиатрии относят к аддикциям. «Addictus» (аддиктус) — это юридический термин, которым называют человека подчиняющегося, осужденного:

«addicere liberum corpus in servitutum» означает «приговаривать свободного человека к рабству за долги»; «аддиктус» — тот, кто связан долгами (Stowasse, 1990). Понятие «аддиктивные расстройства» (болезни зависимости) охватывает различные типы поведения: сюда входят наркотическая зависимость и алкоголизм, курение, пристрастие к азартным играм и обильной еде, гиперсексуальность, а также получившая широкую распространенность в последнее время компьютерная зависимость, в западных статьях именуемая «интернет-зависимость» (К. Янг).

Метафорически зависимым поведением называется глубокая, рабская зависимость от некоей власти, от непреодолимой вынуждающей силы, которая обычно воспринимается и переживается как идущая извне, будь то наркотики, сексуальный партнер, пища, деньги, власть, азартные или компьютерные игры — т.е. любая система или объект, требующие от человека тотального повиновения и получающие его. Такое поведение выглядит как добровольное подчинение (compulsion).

Все эти типы поведения питает мощная сила подсознательных мотивов, что придает им такие качества, как непреодолимость влечения, требовательность, ненасытность и импульсивная безусловность выполнения.

Гемблинг «заключается в частых повторных эпизодах участия в азартных играх, что доминирует в жизни субъекта и ведет к снижению социальных, профессиональных, материальных и семейных ценностей, не уделяется должного внимания обязанностям в этой сфере» (МКБ-10, 1994).

В последнее время проблема азартных игр приобрела исключительно важное значение в связи с повсеместным распространением денежных игровых

автоматов, открытием множества казино. Все они красиво оформлены, что способствует усилению суггестивного эффекта легкой возможности выиграть за короткое время.

С повышением доступности азартных игр и появлением новых игровых технологий игровая зависимость становится все более распространенной. Новые технологии обладают потенциалом для изменения субъективного игрового опыта, увеличению частоты и времени игровых эпизодов, росту ставок.

Более глубокое понимание этой проблемы на основе научных исследований имеет решающее значение. Последние методологические и теоретические достижения в области эпидемиологии, медицины, социально-гуманитарных наук должны помочь прояснить механизмы игровой зависимости и способствовать разработке новых эффективных мер ее оценки и лечения.

Игровые автоматы давно распространены во всем мире. Так, еще в 70-х гг. XX столетия в Англии возникла проблема низкой посещаемости кинотеатров, вплоть до необходимости их закрытия, за счет возрастающей популярности залов игровых автоматов.

В США, по данным Р. Фольберг (Volberg, 1996), количество «проблемных гемблеров» — аддиктивных игроков, настолько зависимых от игровых автоматов, что их жизнь оказывается полностью подчиненной этой страсти, достигает 5 % населения.

Данные других исследователей (Ladouceur et al., 1999) свидетельствуют о том, что только за первую половину 1990-х гг. число проблемных гемблеров выросло в Канаде более чем на 75 %.

В связи с этим многие зарубежные исследователи считают азартные игры серьезной социальной проблемой, представляющей угрозу для части населения.

Проблема усугубляется тем, что в процессе игры в ряде случаев возникают расслабление, снятие эмоционального напряжения, отвлечение от неприятных проблем, и игра рассматривается как приятное времяпрепровождение. На основе этого механизма постепенно наступает втягивание и развивается зависимость. Вместе с тем в литературе до сих пор не утихают споры — является ли гемблинг аддикцией или в большей степени одной из форм обсессивно-компульсивного расстройства (Blanco et al., 2001).

В связи с повсеместным распространением игровых автоматов и отсутствием контроля, в частности возрастного, в игровых залах России среди населения практически во всех возрастных группах началась своеобразная гемблинг-эпидемия. Подростки не оказались в стороне от нее. У последних имеются свои особенности гемблинг-зависимости. Исследование особенностей гемблинга среди подростковой популяции в 10000 человек в возрасте от 12 до 13 лет из 114 школ в Англии и Уэльсе показало, что подростки играют практически в те же игры, что и взрослые. Вместе с тем подростки предпочитают игровые автоматы (fruit machines, которые в настоящее время стоят во всех игорных залах России), а также билеты Национальной лотереи. По данным австралийских исследователей, более 5 % подростков могут быть отнесены к проблемным гемблерам (Fisher, 1999).

П. Дельфабро и Л. Трапп (Delfabbro, Thrupp, 2003), рассматривая социальные детерминанты, способствующие возникновению подросткового гемблинга, указывают на факт гемблинга среди родителей, а также положительное отношение к игре в семье. Говоря о факторах, препятствующих подростковому гемблингу, исследователи отмечают

воспитание в семье таких качеств, как умение сохранять свои деньги, составлять и поддерживать бюджет.

Азартные игры в России имеют глубокие культурные корни и существуют сегодня в качестве широко доступного, легального и социально приемлемого вида отдыха. С 1 июля 2009 года вступает в силу Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр», согласно которому все игорные заведения вне специализированных зон должны быть ликвидированы.

В 2006 году в России был принят Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» № 244-ФЗ, которым был установлен запрет на проведение и организацию азартных игр, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и Интернета, а также средств связи в местах, прямо не указанных в данном Законе.

Казалось бы, подобные меры должны были привести к уменьшению числа игроков, закрытию ряда игровых точек и интернет-казино. Игорный бизнес — очень прибыльный вид деятельности как для его владельцев, так и для государства. Если обратиться к международному опыту и ознакомиться с общемировой практикой, то можно найти достаточно много схем по уходу от подобных законопроектов.

Чтобы продолжать работать в рамках действующего законодательства, описано много схем по перепрофилированию казино в интернет-кафе, покер-клубы и т.п. (А. Боксер).

Официальной статистики распространности игровой зависимости среди населения России не ведется.

Тем более, если речь идет об Интернете. Важно отметить, что проблеме патологической склонности к азартным играм уделялось и уделяется много внимания в зарубежной литературе, а в отечественной психологии, психотерапии и психиатрии практически нет научных исследований и публикаций на эту тему.

Ниже приводятся разрозненные и нередко косвенные сведения¹.

Если говорить о гемблинге вообще, то его масштабы огромны. В Онтарио, например, более 80 % населения когда-либо вовлекались в ту или иную форму гемблинга, включая непатологический гемблинг (редакционная статья JGI Issue 14, Sept. 2005). Эта цифра, однако, не должна пугать, ибо в нее входят и все формы социально одобряемых игр (лото, лотерея и пр.).

По некоторым данным число игроков интернет-казино в Европе к 2006 г. составило 500 млн человек. Считается, что патологическим гемблингом заболевают 10 % постоянных клиентов игорных заведений.

Патологическим гемблингом охвачены от 5 до 15 млн американцев. По данным Американской медицинской ассоциации, распространенность игромании в сети учреждений первичной медицинской помощи составляет более 6 %, и у этих больных находят статистически значимые показатели коморбидности с курением, злоупотреблением алкоголем и наркоманией.

Согласно данным сайта когнитивного консультирования 2005 г., охваченность патологическим гемблингом

¹ Статистические данные распространенности гемблинга взяты с сайтов в Интернете:
<http://www.narcom.ru/cabinet/online/46.html>
<http://psy.su/culture/1758>
<http://www.athealth.com>
<http://archfami.ama-assn.org>
<http://www.narkohelp.ru>
<http://addictions.ru>

составляет 3,7 % населения различных стран. В Москве (по данным Минздрава) больных около 300 тыс. (около 3 % населения), в Петербурге – около 50 тыс. Со ссылкой на неких зарубежных социологов сообщается, что из игроков игровых автоматов зависимостью страдают около 1,5 %.

Эпидемиологические исследования свидетельствуют, что зависимостью от азартных игр страдают примерно от 0,5 до 1,5 % населения развитых стран, особенно в тех регионах, где игорный бизнес легализован. При этом около 60 % населения хотя бы раз в год проводят свой досуг именно в игровых салонах.

Мы предполагаем, что, учитывая эти закономерности, в российском обществе также страдают от игровой зависимости до 1,5 % населения.

Что касается компьютерной зависимости, в настоящее время трудно предположить, какой процент населения страдает этой аддикцией, тем более что зависимое поведение характеризуется широким спектром патологии различной степени тяжести – от поведения, граничащего с нормальным, до тяжелой психологической и биологической зависимости.

Подходы к изучению игровой зависимости

Попытки понять, как и почему люди играют, были ограниченными и урывочными. Во-первых, тема азартных игр связана с сильными эмоциями и имеет моральный подтекст, поэтому часто выраженные мнения не совпадают с фактами. Во-вторых, отсутствует согласованность в социологических, психологических, психиатрических, психоаналитических и экспериментальных работах по теме азартных игр. В-третьих, как теоретики, так и исследователи часто опираются на три

допущения, которые являются ошибочными и заводят в тупик.

1. Благодаря уникальному поведению игроков можно отличить от неигроков. При этом игнорируются как количественные аспекты, так и степень участия, в результате чего исследователи ограничиваются поиском одной или двух мотиваций, общих для всех членов той или другой группы.

2. Можно считать, что основное занятие игроков – это игра. При этом игнорируется тот факт, что различные типы азартных игр дают различный опыт, переживания и вознаграждения, связаны в большей или меньшей степени с везением либо с навыками и доступны для различных общественных групп.

3. Объяснения первого обращения к азартной игре и постоянной игры тесно связаны. В этом допущении ошибочно полагается, что мотивы постоянной игры также отвечают и за ее начало.

Азартные игроки были достаточно широко изучены с различных точек зрения за рубежом, однако очень мало внимания уделялось исследованию «нормальных» неазартных игроков и интеграции теорий. В большей части существующей литературы приводятся объяснения мотиваций к игре, хотя есть отдельные психологические исследования воспринимаемой вероятности выигрыша или проигрыша в азартной игре. Обоснования своего поведения игроками (и неигроками) часто не принимаются во внимание по причине диссимуляции и ошибок атрибуции. Кроме того, лишь немногие из игроков способны разобраться в действительных мотивах своего поведения.

Психоаналитические теории

Психоаналитиков азартная игра стала интересовать в первой половине XX века (Розенталь, 1987). Фон Хаттинберг

(1914) в своих умозрительных эссе описывал игровых зависимых людей. Фрейд (Freud, 1928) исследовал случай писателя Достоевского, который был патологическим игроком, и связал патологический азарт с другими компульсивными невротическими чертами, в частности с эдиповым комплексом. В своей работе «Достоевский и отцеубийство» на основании анализа литературного наследия и автобиографических заметок он выводит психодинамические гипотезы, объясняющие причины азартной страсти. Обремененность чувством вины и потребность в наказании у невротиков находит себе конкретное воплощение и замену в долгах. Последующие исследования показали, что предположения Фрейда могут быть распространены и на других игроков. Центральной для психоаналитической мысли является идея, будто компульсивный игрок движим непреодолимым желанием проиграть, чтобы упиваться положением жертвы и несправедливостью и получать удовольствие от раскаяния и жалости к самому себе. Фрейд обратил внимание на последовательно сменяющие друг друга фазы: игра – покаяние – игровой срыв. Покаяние – это технический прием, «перезагрузка совести», подготавливающая почву для очередного срыва.

3. Фрейд на примере Ф.М. Достоевского утверждал, что азартная игра становится мазохистической практикой, средством самонаказания. Бессознательное бремя вины за ненависть по отношению к отцу материализуется в виде финансового бремени долга. Игра – это проявление садизма по отношению к близким (жене писателя) и способ получения извращенного удовольствия от созерцания чужих страданий, игра – это проявление запрета на успех, игра – это замена мастурбации, получение

аутоэротического удовлетворения явно регрессивным способом.

Отто Фенихель в своем фундаментальном труде «Психоаналитическая теория неврозов» (1945) описывает страсть к азартным играм как разновидность импульсивного невроза. Импульсивное влечение отличается от обычных, нормальных импульсивных влечений особым ощущением непреодолимости и невозможности отложить его. О. Фенихель рассматривал игру не только как аутоэротическое удовлетворение, где возбуждение соответствует сексуальному возбуждению, выигрыш равен оргазму, а проигрыш – кастрации. Игра для азартного игрока это нечто большее, чем просто борьба с Судьбой (Отцом). Он показал, что игра выполняет защитные функции, импульсивные игроки действуют, вместо того чтобы рассуждать, не способны к ожиданию, они не овладели полностью принципом реальности и стремятся разрядить напряжение немедленно, т.к. воспринимают его как травматическое. «Поведение импульсивных невротиков таково, как будто напряжение все еще представляет для них опасную травму. Они стремятся не к достижению позитивных целей, а скорее преследуют негативную цель избавления от напряжения; их цель – не удовольствие, а избежание боли». Он полагал, что истинный игрок в конце концов, по мере прогрессирования расстройства, должен потерпеть крах, а приятное времяпрепровождение постепенно станет для него делом жизни и смерти.

В своей книге Карл Меннингер «Война с самим собой» (1938) рассматривает любую зависимость как одно из проявлений деструктивного поведения, при котором саморазрушение бессознательно; более того, человек даже не пытается объяснить причину своего

поступка, который со стороны кажется абсолютно бессмысленным.

Согласно Берглеру (Bergler, 1958), патологического игрока характеризуют шесть признаков: 1) игрок обычно использует любой шанс поиграть; 2) игра вытесняет все другие интересы; 3) игрок полон оптимизма, поражения и потери его ничему не учат; 4) игрок никогда не останавливается, если выигрывает; 5) несмотря на первоначальную осторожность, со временем игрок начинает чрезмерно рисковать; 6) во время игры игрок испытывает напряжение и сильное волнение.

Разными авторами подчеркивались и выделялись различные гипотезы, объясняющие феномен игровой зависимости. Список объясняющих теорий в рамках психоаналитической традиции достаточно велик. Вот некоторые из них:

- Игра как проявление бессознательного соперничества со значимыми фигурами, в котором немощь и зависть трансформируются в иллюзию силы и контроля.

- Игра как способ доказать себе свое всемогущество, исключительность, отличность от других.

- Игра как способ нарциссической регуляции. Бессознательно игрок хочет быть собственным отцом. Он сам все дает себе и сам у себя все забирает.

- Игра как защита от депрессии.

- Игра как удовлетворение бисексуальных, гомосексуальных и анально-садистических импульсов.

- Игра как проявление бессознательного желания быть наказанным.

- Игра как повторное разыгрывание инфантильной сепарационной травмы, в которой фортуна (слепая, безучастная мать) бросает ребенка на произвол. Подобные пациенты проводят свою жизнь в поисках доказательств, что жизнь несправедлива, бессознательно ставя себя

в рискованное положение, притягивая к себе опасные ситуации. Их выигрыш — это обвинение других в своих страданиях и освобождение от вины.

- Игра как способ отрицать реальность, которая непереносима, и создавать свой собственный игровой иллюзорный мир, где все существует по его правилам.

- Игра как способ удовлетворения оральной зависимости.

- Игра как отыгрывание бессознательной ненависти к объектам своей привязанности. Игровой симптом — это тщательно замаскированное послание значимым другим.

- Игра как способ исключения из взаимоотношений третьего (Отца).

- Игра как регрессивный переход от отношений с целостными объектами, в которых необходимо синтезировать агрессивные и либидинозные импульсы, к расщепленным, частичным объектным отношениям. Когда грандиозная иллюзия слияния и переживание «океанического чувства» сменяет ощущение опустошения и преследования абсолютно «плохого» объекта.

- Игра как компромиссный способ разрешения базового конфликта между желанием слияния и страхом поглощения.

- Игра как проявление «крушения от успеха». Особенно очевиден этот мотив после значимых достижений на работе и в творчестве. Игра становится легким способом «аннулировать» достигнутое.

- Игра как проявление «клинически немого» инстинкта смерти, навязчивое повторение.

- Игра как разновидность аутоэротического удовлетворения, при котором зрелая генитальность отрицается, а оральная ненасытность и анальный контроль чередуются друг с другом.

- Игра как способ отреагирования тревоги, попытка взять ее под контроль.

В рамках кляйнианской психоаналитической школы Уилфредом Бином была предложена оригинальная идея о наличии и противоположности психотического и непсихотического (невротического) внутри каждой человеческой личности. В современном анализе игроманию принято рассматривать как патологическую защитную конфигурацию, где сама игра используется в психической экономии не столько для реализации вытесненных либидинозных или агрессивных импульсов, а сколько как психологическая защита от внутренних конфликтов пограничного, а то и психотического уровня. Данная защита имеет характер отреагирования некоей необходимой для поддержания психического баланса бессознательной фантазии садомазохистического характера. Этот подход пытается объяснить наиболее существенные характеристики игровой зависимости: ее компульсивность, уход от реальности, тенденцию к саморазрушению.

В психоаналитических объяснениях азартной игры делается попытка установить психологическую функцию игры для конкретного человека.

Основа склонности к азартным играм закладывается в детстве и обычно связана с неполноценными отношениями между родителями и ребенком. Игра может быть средством, при помощи которого ребенок воссоздает материнскую любовь; средством наказания со стороны отца за то, что ребенок пытается снискать любовь матери; или средством, при помощи которого ребенок проверяет реальность. Проблема всех психоаналитических объяснений заключается в продуцировании проверяемых гипотез и последующем предоставлении доказательств их истинности. Кроме того, многим людям эти гипотезы поначалу представляются либо фантастическими, либо явно ошибочными.

Бихевиоральный подход

Большинство ранних экспериментальных исследований азартных игр основаны на классической теории научения и принципах оперантного обусловливания, которая придает особое значение режимам подкрепления. Обычно в азартных играх обеспечивается прерывистый режим подкрепления (с изменяющейся пропорцией), который хотя и не является лучшим режимом для формирования определенного паттерна реагирования, характеризуется, по видимому, наибольшей способностью вызывать привыкание или, говоря иначе, обеспечивать сохранение паттерна реагирования в течение длительных периодов времени (Кнапп, 1976). Мотивация играть повышается, если человек выигрывает (Талер и Джонсон, 1990). Феномен «почти победы» (например, игровой автомат показывает два яблока и одну грушу) также усиливает мотивацию играть (Скиннер, 1953; Канеман и Тверски, 1979). В некоторых исследованиях говорится, что патологические игроки на ранних стадиях развития зависимости срывали джек-пот или имели длинные полосы побед (Моран, 1970). В государственной лотерее используется режим подкрепления с минимальной пропорцией, и все же лотерея крайне популярна, без сомнения, благодаря размерам призов. Действительно, организаторы предпочитают небольшое количество больших призов, что, вероятно, лучше для порождения интереса к самой лотерее. В экспериментальных исследованиях сопротивление угашению рассматривалось как функция продолжительности предшествующего подкрепления со смешанными результатами. Однако между различными видами азартных игр существуют большие различия в поведенческом аспекте; это касается частоты наступления события,

математического ожидания и т.д. Вполне может быть и так, что подкрепители варьируют от одного человека к другому и от игр одного типа к играм другого типа. Крайне важно знать, что именно является подкреплением (обратная связь, проявление мастерства, возбуждение и т.д.). Поскольку большинство коммерческих игр строятся на непостоянных выигрышах различной величины, ранние исследования научения предполагали, что то, что называется компульсивным гемблингом, является научением или обусловленным поведением, однако, поскольку далеко не все игроки становятся компульсивными, прерывистый и переменный характер подкрепления в одиночку не может объяснить проблемный или патологический гемблинг.

Предрасположенность, основанная на особенностях личности

Другие ученые пытались доказать, что компульсивный игрок психофизически предрасположен к самовозбуждению» (self-arousal). Ложковски (Lozkowski, 1977) помещал испытуемых, предварительно разделенных по предпочитаемым уровням стимуляции, в игровые ситуации с высоким и низким уровнем риска. Те, кто предпочитал высокий уровень внешней стимуляции, предпочли игру с высоким уровнем риска, и наоборот. Это исследование явно связано с обширной психологической литературой по экстраверсии и поиску ощущений.

Гоффман (Goffman, 1961) также поддержал гипотезу о том, что азартная игра — это заменитель риска, который отсутствует в повседневной жизни. Он также считает, что род занятий человека связан с азартными играми: и те, кто занимается крайне опасным делом, и те, чья работа практически лишена риска,

доставляют себе удовольствие в играх с высоким уровнем риска; те же, чья профессия связана со средним уровнем риска, предпочитают игры с низким уровнем риска.

Оценка вероятностей и выигрышей

В рамках четвертого подхода азартная игра рассматривается с математической или когнитивной точки зрения (Strickland et al., 1966). Представителей этого подхода прежде всего интересует, как и почему люди выбирают ту или иную азартную игру, а не то, почему они вообще играют. Кроме того, он предполагает, что люди знают и понимают всю информацию (вероятности, выигрыши), необходимую для принятия логического решения. В этом подходе предпринимается попытка систематического рассмотрения когнитивных переменных, связанных с игрой. Исследования показали, что игроки с объективной точки зрения несколько не логичны и не рациональны в своей игре. Например, если игроки в рулетку были бы рациональны, то они играли бы таким образом, чтобы максимально увеличить свои выигрыши и минимизировать потери, но этого не происходит (Edwards, 1953). Они, к примеру, скорее будут делать ставку на равные шансы (красное или черное; нечетные или четные числа), нежели размещать суммы на отдельных номерах с шансом выиграть 1 к 36. Однако простые теории ожидания, основанные на идее, что люди делают ставку с расчетом на максимизацию ожидаемого выигрыша, тоже подтверждаются в некоторых ситуациях. Предлагались и более сложные модели, которые давали некоторым видам азартных игр (например лотереи) удовлетворительное объяснение на основе экономической мотивации, но не могли объяснить другие виды азартных игр или индивидуальную

вариацию. Коэн (Cohen, 1972) отметил, что большинство экспериментальных исследований азартных игр опираются на два предположения: цена ставки для игрока определяется суммой произведений полезности каждого исхода и соответствующей вероятности; игрок выбирает такую игру, которая дает максимальную сумму произведений полезности и вероятности. Однако эти идеи были подвергнуты критике в первую очередь из-за того, что в них не учитывались очевидные, бросающиеся в глаза психологические переменные, такие, как вера в удачу и мастерство, субъективная природа принятия риска и т.д.

Более интеллектуальные люди предпочитают азартные игры, где элемент случайности минимален (например некоторые карточные игры), тогда как менее интеллектуальные склонны к «играм случая», в которых они не могут контролировать результат (например лотереи). Шумейкер (Schoemaker, 1979) изучал роль статистического знания в принимаемых игроками решениях, которое находится в центре внимания сторонников этого подхода к играм. Он обнаружил, что статистически неподготовленные испытуемые склонны упрощать оценку игры, больше концентрируясь на каких-то одних аспектах риска, чем на других. Цена такой стратегии — снижение логичности и уверенности в итоговом решении. Гилевич (Gilovich, 1983) исследовал смещенные оценки и сохраняющиеся предпочтения в азартных играх. Как и предполагалось, испытуемые тратили больше времени на объяснение своих проигрышей, нежели выигрышей, — они описывали проигрыши, почти не упоминая выигрышей.

Следует отметить рост крайних интересных публикаций по субъективным эвристикам и иллюзии контроля, причем во всех работах подчеркивается

проблема осмысления рациональности игрового поведения в экономических терминах и понятиях.

Социологические теории

Существует большое количество социологических теорий азартных игр. В рамках структурного функционализма Деверо (Devereux, 1968) разработал теорию, согласно которой в условиях противоречий капитально-экономического класса его интересы преобладают в основных видах азартных игр. Социальный класс с неизбежностью определяет принятие решений относительно игры — где играть, сколько потратить и т.д.

Даунс с соавторами (Downes et al., 1976) проверил различные теории азартных игр. В качестве независимых переменных они использовали 38 характеристик, включая социально-экономические характеристики (возраст, образование), представления/убеждения (beliefs), формы проведения досуга, политические взгляды и т.д. Большие выборки, составленные из представителей трех областей Великобритании, использовались для проверки следующих теорий.

1. *Теория аномии*¹. Чем больше люди испытывают аномию, тем больше они играют в азартные игры (пристрастие к азартным играм имеет обратную связь с социально-экономическим уровнем).

2. *Теория отчуждения*. Чем больше люди испытывают отчуждение, тем больше они склонны к разного рода авантюрам, спекуляциям и азартным играм как форме отстаивания своих прав и притязаний.

¹ Аномия (от фр. *anomie* — буквально беззаконие, безнормность) — такое состояние общества, в котором значительная часть его членов, зная о существовании обязывающих их норм, относятся к ним негативно или безразлично. Теория аномии была введена в социологию Э. Дюркгеймом.

3. *Теория культуры рабочего класса.* Представители рабочего класса больше играют в азартные игры, чем представители среднего класса, так как больше верят в удачу, рок и судьбу.

4. *Теория принятия решений.* Люди, не имеющие возможности участвовать в процессе принятия решений на работе, больше играют в азартные игры, чем те, у кого есть возможность принимать решения.

5. *Теория принятия риска.* Больше всего играют в азартные игры те, у кого наиболее рискованная (ориентированная на действие) работа, и те, у кого работа наименее ориентирована на действие.

Были получены некоторые данные в поддержку второй и третьей теорий, но большинство из этих социологических теорий носят умозрительный характер и с трудом поддаются проверке. Однако их объединяет одно общее утверждение, что главным фактором, связанным со склонностью к азартным играм, является социально-экономическая обстановка, а не личностный профиль.

Авторы трезво оценивают ограничения своей попытки оценить все достоинства этих социологических теорий, однако они уверены, что их результаты подготовили почву для более глубокой проверки теорий. Не получили подтверждения теории аномии и культуры рабочего класса, хотя была получена некоторая неоднозначная поддержка других теорий, таких, как теория принятия риска. Тем не менее авторы выявили устойчивым межпоколенческий паттерн азартной игры, существующий независимо от социального класса, и это предполагает, «что широкие классовые теории азартной игры не имеют под собой оснований и что факторы, отвечающие за вариации вовлеченности и азартности, каковыми бы они ни

были, не локализируются в одном секторе, а пронизывают всю социальную структуру» (Downes et al., 1976, с. 77).

Подобно Корнишу (Cornish, 1978), Даунс с соавторами (Downes et al., 1976) изучили социальные вариации игровой активности и описали распределение игр в своей выборке. Они сделали выводы в поддержку позиций структурного функционализма и принятия решений. Авторы подчеркивают, что все микро- и макросоциологические теории азартных игр явно или неявно опираются на функциональный анализ и что необходимо подходить к пониманию азартной игры с социологических позиций. При этом авторы признают, что эти теории не могут предоставить адекватное объяснение изменчивости различных видов азартных игр в ограниченных контекстах. Кроме того, взлеты и падения азартных игр окружает сотни мифов, и это тоже необходимо изучить с эмпирической и исторической точек зрения. Наконец, они рассматривают последствия социальной политики в отношении азартных игр.

Задачи общества, стремящегося минимизировать криминальный бизнес, сталкиваются с задачами фискальной политики, нацеленной на получение государством некоей части средств из прибылей игорного бизнеса: чем больше доход от игр, тем сильнее соблазн вести теневой бизнес. Однако общая тенденция такова: азартные игры считаются ключевым компонентом крупномасштабных, взаимосвязанных индустрий «развлечений» (Downes et al., 1976, с. 212).

Другие подходы

Следует отметить, что существуют и другие подходы к азартным играм. Структуралисты или ситуационалисты пытаются описать и определить

ключевые факторы среды, стимулирующие, поддерживающие или ограничивающие распространение азартных игр. Рассматривались следующие факторы:

1. Как часто появляется благоприятная возможность для игры, например, какова регулярность лотереи, количество тотализаторов, игровых автоматов и т.д., количество лошадиных/собачьих бегах.

2. Интервал выплаты, т.е. как долго приходится ждать объявления результатов пари и как долго ждать получения выигрыша.

3. Диапазон доступных шансов и ставок, который может быть очень разным.

4. Степень личного участия и использования мастерства, поскольку игроки более активны, когда непосредственно участвуют в игре и когда они могут выбирать шансы пари.

5. Вероятность выигрыша единственной ставки и коэффициент выплаты.

Многие более когнитивно ориентированные или математические модели азартных игр не учитывают одного очевидного момента: для большинства игра — это социальное событие. Например, бинго, лошадиные скачки и азартные игры относятся в первую очередь к социальным явлениям, и у немалого числа людей идея выигрыша занимает лишь второе место, ведь главное преимущество — побыть среди других людей.

Корниш подчеркивает (Cornish, 1978), что для понимания развития всех форм азартного поведения важны и личностные (психоаналитический подход), и дифференциально-психологические (теория черт), и ситуационные (социологическая теория научения) факторы. Личностные факторы важны постольку, поскольку

позволяют выделить демографические и психологические различия (в когнитивной сфере, представлениях/убеждениях и личности), объясняющие довольно большую вариацию поведения, наблюдаемую во всех видах азартных игр. Ситуационные характеристики также важны, т.к. они ограничивают диапазон, частоту, тип и объем получаемого подкрепления, а также социальные и экономические последствия азартных игр. Эклектический подход тем не менее не обязательно означает не критичное принятие всех аспектов всех подходов. Необходимо сделать следующее: попытаться определить, какая теория лучше объясняет вовлечение или поддержку (или и то, и другое) конкретной группой людей определенного вида игры.

Уолкер (Walker, 1995) перечислил девять факторов, которые могут склонить конкретного человека к азартным играм, причем все они были подтверждены исследованиями в этой области.

1. *Культура* может предписывать или запрещать различные виды азартных игр.

2. *Референтные группы* — группы, с которыми человек идентифицируется и которым он может подражать в различных типах игрового поведения.

3. *Социальное научение* — путь, которым начинающие игроки узнают технику и последствия игры на деньги.

4. *Личность* — факторы индивидуальных различий, связанные с конкретными последствиями игры.

5. *Кризис и стресс* — до какой степени игра используется как механизм совладения.

6. *Досуг* — в какой степени азартная игра составляет значимый аспект проведения свободного времени.

7. *Социальные вознаграждения* — социальные контакты и среда, в которой проходит азартная игра.

8. *Потребности в психологическом возбуждении* – в какой степени игра действует как стимулирующее средство, используемое для регуляции возбуждения.

9. *Когниции* – представления и понимание, связанные с опытом азартных игр.

Во-первых, многие из самых разных теорий азартных игр и подходов к их изучению, упомянутых нами выше, характеризуются общими проблемами. В некоторых из них не формулируются ясные, проверяемые, фальсифицируемые гипотезы, которые можно было бы использовать для проверки пригодности теории (Downes et al., 1976). Во-вторых, многие подходы очень сходны и их можно считать скорее взаимодополняющими, нежели противоречащими, поэтому одно и то же доказательство может быть использовано для подтверждения (или опровержения) нескольких подходов одновременно. В-третьих, многие исследования просто не дают подтверждающих эмпирических данных. Кроме того, никакого труда не представляет привести примеры, которые противоречат любой теории. Это особенно верно для психодинамических подходов. В-четвертых, поскольку рассматриваемые теории – это общие теории (за исключением психоаналитических подходов), то не так-то легко предсказать игровое поведение конкретных игроков. К тому же нет желаемой ясности в описаниях мотивов, которые объясняют, почему люди начинают играть в азартные игры и почему они продолжают в них играть. Поскольку индивидуальные различия не принимаются во внимание, неясно, почему из группы людей одинакового происхождения одни становятся активными игроками, другие – умеренными, а третьи играют очень редко. Наконец, что наиболее важно, многие теории

формируются на основе изучения специфичных (и очень разнообразных) типов игроков и игр, следовательно, и применимы лишь к ним. Таким образом, исследования игроков в рулетку могут оказаться бесполезными для понимания игроков, делающих ставки в футбольном тотализаторе. Общие подходы объясняют распространенность и социальное распределение азартных игр с точки зрения социальных структур и потребностей, определенных социально-экономической системой; эти подходы могут дополнять или конкурировать с упрощенными подходами на основе экономической мотивации. Но они не пригодны и не предназначены для получения детализированной информации о соотношениях между конкретными мотивами и типами игр. А если и оказывается так, что они дают такую информацию, так только в том случае, если конкретное исследование маскируется под общее или в общем исследовании предлагается так много возможных мотивов азартных игр, что оно согласуется с практически любым объяснением для любого типа игр.

Коммуникативная методология и интегративный подход

Многие известные психологи связывали перспективы развития психологии с процессами интеграции. При этом предполагалась весьма различная интеграция: 1) внутри научной психологии (как установление взаимопонимания между различными школами, течениями, направлениями и подходами в психологии); 2) между психологией и другими научными дисциплинами (как усиление междисциплинарных связей); 3) между научной и практико-ориентированной психологией; 4) между научным психологическим знанием, с одной стороны, и ненаучным и

внеаучным — с другой. В этих случаях имеется в виду интеграция психологического знания, являющаяся результатом коммуникации психологов. Кроме того, возможна другая интеграция — интеграция личности.

Главная трудность на пути интеграции — отсутствие специального аппарата, позволяющего ее осуществлять. Главный вопрос, который предстоит решить, как именно она будет осуществляться. Иными словами стоит вопрос о разработке методологии, теории и конкретной технологии интеграции.

Необходимость разработки коммуникативной методологии определяется тем, что в современной психологии накоплен богатейший материал: огромное количество фактических данных, гипотез, обобщений, концепций и теорий разного уровня. Вместе с тем (ввиду отсутствия общепринятых универсальных теорий) не складывается общая картина психического, которая удовлетворила бы потребность психологического сообщества в адекватной общей теории. Психологи вынуждены пользоваться совокупностью концепций, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки. Поэтому требуется инструмент, позволяющий осуществлять соотнесение различных психологических теорий и в перспективе производить интеграцию психологического знания.

Современная традиционная методология психологии занимается почти исключительно исследованием процедур добывания и обоснования психологического знания. Коммуникативная методология нацелена на сопоставление психологических концепций, на установление взаимопонимания. Подчеркнем специально, что в течение многих десятилетий методология психологии была направлена исключительно на разработку средств, позволяющих осуществлять процесс

познания психического (когнитивная функция методологии психологии). Методология психологической науки должна выполнять и коммуникативную функцию, т.е. способствовать установлению взаимопонимания между разными направлениями, подходами внутри психологической науки. Для этого необходимо сопоставление научных концептуальных систем, выполненных в разных научных традициях. Необходима коммуникативная методология, направленная на улучшение взаимопонимания между различными научными школами, между различными традициями. Без этого невозможна реальная интеграция психологического знания.

Теоретическую основу коммуникативной методологии составляет концепция соотношения теории и метода в психологии (В.А. Мазиллов, 1998).

К коммуникативной методологии сегодня предъявляются следующие требования: это должна быть методология на исторической основе, т.е. учитывающая исторический путь, пройденный психологией; это должна быть деидеологизированная методология; это должна быть методология плюралистическая (не ориентированная на единый универсальный научный стандарт); это должна быть методология, учитывающая возможность наличия различных целей получения психологического знания (познавательных или практических); наконец, это должна быть содержательная методология, т.е. рассматривающая вопросы реального предмета психологической науки (Мазиллов, 2001).

Цель коммуникативной психологии мы можем обнаружить как формирование универсальной языковой среды, наподобие языка математики или физики, в которых любая символика истолковывается однозначно, независимо от парадигмы. Коммуникативная

методология (В.А. Мазилев) предполагает кооперативное взаимодействие наук, школ и направлений в решении конкретных вопросов психотерапии и других гуманитарных наук. В этом контексте абсолютно справедливо замечание В.А. Мазилова, что сегодня необходимо направить усилия на разработку научного аппарата, позволяющего реально соотносить различные концепции и тем самым способствовать установлению взаимопонимания в рамках научной психотерапии. Конкретная задача, которую предстоит решить в первую очередь, состоит в разработке модели методологии психологической науки, ориентированной на коммуникацию, т.е. предполагающей улучшение реального взаимопонимания:

— между различными направлениями в рамках научной психотерапии;

— между академической, научной психотерапией и практико-ориентированными концепциями;

— между научной психотерапией и теми ветвями психотерапии, которые не относятся к традиционной академической науке (трансперсональная, религиозная, мистическая, эзотерическая и т.п.);

— между научной психотерапией и искусством, философией, религией;

— между психотерапиями, которые опредмечивают различные уровни психической организации — персона, интерперсональное и трансперсональное (Козлов, 2003).

Коммуникативная методология является необходимой стадией формирования седьмой волны психологии — интегральной психологии (К. Уилбер, В.В. Козлов), которая предполагает консолидацию множества областей, школ, направлений, уровней знаний о человеке в смысловом поле психологии. Интегральная психология предполагает

максимальное использование возможностей диалога с представителями всех пяти направлений психологии, позволяющего расширить представления о подходах и исследовательских методологиях, применяемых к изучению психической реальности. Этот диалог предполагает включение механизмов идентификации, эмпатии и рефлексии как условий понимания представителей всех пяти волн психологии и налаживания продуктивного взаимодействия между ними, подчиненное общей цели — углублению представлений о сути психического, нахождению путей и способов сотрудничества.

Вместо того чтобы рассматривать физиологическую психологию, психоанализ, бихевиоризм, экзистенциально-гуманистическую и трансперсональную психологию как подходы конкурирующие, мы можем рассматривать их как взаимодополняющие пути получения новых открытий о человеке, каждый из которых потенциально информативен для другого. Стратегия интегративной психологии — постижение природы человека через сопровождаемое критической рефлексией интегрирование, синтез различных традиций, подходов, логик, диагностического и психотехнического инструментария при сохранении их автономии в последующем развитии. Суть ее заключается в многоплоскостном, многомерном, многоуровневом, разновекторном анализе, создающем возможность качественно иного исследования, предполагающего включение в плоскость анализа аспектов множественности, диалогичности, многомерности психического феномена.

Становление в интегральную позицию, которая по сущности является метасистемной по отношению ко всем пяти парадигмам психологии, представляет возможность отстраненного

анализа и обеспечивает возможность нового качественного скачка в развитии психологического знания. Интегральная психология не претендует на монополию истины со всеми вытекающими последствиями, а предлагает свободное оперирование многомерным знанием, связанным с наиболее продуктивно работающими в проблемной области традициями и их диагностическим, психотехническим инструментарием. Мы совершенно уверены, что существует одна психология, по-разному выполненная в текстах разных парадигм, школ и личностей. Она объединена великой и ненасытной интенцией понимания психического.

Методологический фундамент интегративного подхода состоит из методологических принципов многомерности истины, позитивности, соотнесенности, онтологического плюрализма. Интегративная методология предполагает привлечение к анализу находок и достижений тех психологических, философских, психодуховных традиций и подходов, которые наиболее продуктивно работают в конкретной феноменальной области психологии. Интегративная психология предлагает механизмы развития психологического знания, в качестве которых выдвигаются взаимодействие между всеми волнами психологии, интегральный диалог альтернативных подходов, традиций, школ и критическое рефлексивное позиционирование.

Интегративный подход — это творческий и многомерный синтез концепций, которые опредмечивают различные аспекты человеческой активности как в теоретико-методологическом, так и в исследовательском и психотехническом отношениях. Главную цель психологии мы видим в том, чтобы воссоединить целостную ткань психической реальности и выстроить многомерную

интегральную парадигму современной психологии. Все пять волн психологии — физиологическая, психоаналитическая, бихевиористическая, экзистенциально-гуманистическая, трансперсональная — представляют собой теорию, методологию как систему принципов, методов исследования предметов науки и культуры исследования — психотехнического воздействия на этот предмет — представителей парадигмы, которые являются носителями этой волны.

В интегративной модели мы понимаем личность и группы как сложные, открытые, многокомпонентные системы, способные поддерживать гомеостазис, целесообразное взаимодействие со средой, способные к адаптации, саморазвитию и генерированию новых структур и подсистем в соответствии со сложившейся ситуацией и новыми условиями для существования. Что касается уровневой организации психической реальности, при первом приближении нами выделяются персона, интерперсона и трансперсона, которые полностью охватывают возможную феноменологию человеческой психики, начиная от физиологических и соматических до трансперсональной, как в индивидуальной, так и в групповой формах. С этими тремя подсистемами взаимодействует индивидуальное свободное сознание, наполняя содержанием, проблематизируя ряд отношений между глобальными подсистемами или отношение и напряжение внутри самих систем.

Каждая глобальная система (персона, интерперсона и трансперсона) имеет три класса компонентов (материальные, социальные и духовные). Таким образом, при втором приближении мы можем вычленивать девять базовых конструктов, имеющих системные связи между собой, обладающих целостностью, являющихся как предметом исследования, так

и воздействия и трансформации: *Персона* – Эго материальное, Эго социальное, Эго духовное; *Интерперсона* – формы социального сознания и бессознательного и их реализации на уровне материальных, социальных и духовных носителей – Интерперсона материальная (предметно-материальное оформление социальных статусов и ролей), Интерперсона социальная – система взаимодействий и отношений, обусловленных статусно-ролевыми идентификациями в социальных сообществах, Интерперсона духовная – система морально-этических и экзистенциальных ценностей и норм социальных сообществ; *Трансперсона* – Трансперсона материальная (предметно-материальные изображения духовной атрибутики – начиная с медного крестика и примитивных янтр и заканчивая монастырскими комплексами и пирамидами), Трансперсона социальная (социальное оформление духовных традиций и религий – начиная от бинарных отношений между гуру и учеником и заканчивая социальной организацией мировых религий), Трансперсона духовная (истые трансперсональные переживания, имеющие нуминозный и сакральный характер как индивидуального (например саттори), так и группового характера (групповой индуцированный религиозный экстаз)). Все девять подструктур имеют уникальную и очень сложную системную организацию, требующую каждый раз специального анализа как на структурном, так и на процессуально-динамическом аспектах.

При третьем приближении мы можем вычленивать глобальную систему Не-Я и девять базовых конструкторов, имеющих системные связи между собой, являющиеся зеркальным отражением с отрицательным знаком. Интегральный подход при взаимодействии с клиентом

опирается на высшие этические ценности, которые инвариантны для всех культурных сообществ. Цель интегративной психологии, кроме объяснительной и концептуальной, достаточно прагматична – изменить структуры и формы сознания человека, обретающего в результате способность мыслить, рефлексировать и действовать адекватно в соответствующей социокультурной среде. Мировоззренческим оком интегративной методологии является принцип целостности.

Интегративная психология как научная дисциплина опирается на психофизиологию и психофизику, на нейрофизиологическую модель индивидуальности, структурируя такие понятия, как психические функции, темперамент, характер, мотивация и т.д. и т.п. При этом психофизика и нейрофизиологические процессы, включая и соматические, больше рассматриваются как среда, в которую погружено индивидуальное свободное сознание. Физиология (в том числе нейрофизиология) является обслуживающей, а не порождающей психические феномены системой.

Предметом интегративной психологии является изучение как опыта необычных (измененных) состояний сознания, так и так называемых «переходных состояний» психики человека – от переживания паттерна холотропного, индивидуализированного, разделенного, атомарного сознания (как по отношению к внешнему миру, так и к внутреннему) к состояниям расширенного сознания, единого в своем переживании как самого себя, так и мира; от состояния борьбы, деструкции, отрицания к состоянию единства, консолидации, сотрудничества с самим собой, с другими людьми, со всем миром. Предметом интегративной психологии является и изучение таких переходных состояний, как

конфликты (внутренние и внешние), бессознательные импульсы, отчуждение от себя и мира, невозможность творчества, любви, сотрудничества, психосоматические заболевания и различные неврозы. Все эти состояния в интегративной психологии рассматриваются как различные среды реализации сознания в личности, обладающие в самих себе реальным потенциалом преодоления их негативного аспекта и развития в свою противоположность.

Если искать предмет интегративной психологии в области исследования путей к трансперсональному опыту, расширению сознания и личностному росту индивида, в преодолении кризисов на пути духовного или другого роста, то можно сказать, что интегративный подход может помочь в решении этой задачи не только в ее теоретическом осмыслении, но и в анализе уже существующих психотехнологий, а также в порождении новых методов психологии, адекватных ее предмету.

Три последние парадигмы психологии — гуманистическую, трансперсональную и интегративную — объединяет одинаковое понимание цели человеческого существования — самореализация, самоактуализация, самопроявление. Самопроявление — это реализация в жизни сущностных сил человека — витальных, интеллектуальных, эмоциональных, полное проявление его самости, потенциальности. На наш взгляд, самоактуализация не обязательно должна принимать форму творческих усилий, выражающихся в создании произведений искусства. Родитель, спортсмен, студент, преподаватель или рабочий у станка — все могут актуализировать свой потенциал, выполняя наилучшим образом то, что они делают. Специфические формы самоактуализации очень разнообразны. Именно на

этом высшем уровне иерархии потребностей люди сильнее всего отличаются друг от друга.

Качественно отличительным признаком такой личности является способность и интенция творить. Именно нахождение, присутствие человека-демиурга в творческих, эвристических (расширенных, потоковых, ресурсных) состояниях сознания выделяет его из основной массы людей.

Наши многолетние исследования показывают, что притягательная сила творческих (ресурсных, эвристических, потоковых, расширенных) состояний сознания (так же, как и игры) обеспечивается рядом важных признаков. Как показывают нейропсихологические, психологические и социально-психологические эксперименты, они сводятся к следующим качественным отличиям (признакам, свойствам): трансценденция Эго, трансценденция времени и пространства, трансперсональность и апрагматичность. Игра все пять качеств «потока» реализовывает в предельном и самом искреннем выражении.

На данном этапе требуются дополнительные исследования и разработка методов оценки игровой зависимости и стратегий помощи игрокам. Описанные в данной статье подходы к изучению игровой зависимости легли в основу критериев определения патологического гемблинга, оценочных и диагностических инструментов и методов его лечения. Большинство исследований, проведенных за рубежом, не всегда могут полноценно отразить характер и специфику игровой зависимости в России.

В отечественной психологии, психотерапии и психиатрии практически нет фундаментальных научных исследований и публикаций на тему игровой зависимости. Возрастает роль систематизации, обобщения, интеграции

мирового опыта исследования игровой зависимости, разработки интегральных технологий работы с игроками. Одним из направлений исследований в этой области должны стать глубокие и обширные исследования феноменологии измененных состояний сознания азартных игроков для создания адекватных методов лечения и профилактики игровой зависимости.

Кроме того, для понимания превращения игрового рекреационного поведения в патологическое азартное поведение, природы и происхождения игровой зависимости, специфических культурных условий и факторов игровой зависимости необходимы поперечные и лонгитюдные исследования в данном направлении. Необходима координация центров реабилитации, клиник и других учреждений для сбора информации о распространенности игровой зависимости на регулярной основе. Такие меры не только позволят собрать ценную информацию об игровой зависимости, но и отследить степень распространенности других сопутствующих расстройств, которые, как правило, сопровождают игровую зависимость.

На наш взгляд, чрезвычайно важна своевременная помощь людям с игровой зависимостью. Лудомания должна в ближайшее время стать объектом пристального внимания не только со стороны психотерапии и прикладной практической психологии, но и теории и методологии этих наук.

Литература

1. Боксер А. Возможные перспективы игорных заведений в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.annexus.su/taxplanning/gamming_business
2. Боксер А. Схема работы интернет-казино в России после 1 июля 2009 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.annexus.su/taxplanning/gamming_business
3. Бубеев Ю.А., Козлов В.В., Никифоров И.А. Интегративные психотехнологии в профилактике и коррекции зависимого поведения. М.: Слово, 2006.
4. Бубеев Ю.А., Романов А.И., Козлов В.В. Игровая зависимость: механизмы, диагностика и реабилитация. М.: Слово, 2008.
5. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска или освящение повседневности. М.: Психотерапия, 2007.
6. Козлов В.В. Психотехнологии измененных состояний сознания. М.: Институт психотерапии, 2005.
7. Козлов В.В. Работа с кризисной личностью: метод. пособие. М.: Институт психотерапии, 2007.
8. Козлов В.В., Бубеев Ю.А. Измененные состояния сознания: системный подход. М., 2005.
9. Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998.
10. Мазиллов В.А. Психология на пороге XXI столетия: методологические проблемы. Ярославль: МАПН, 2001.
11. Мазиллов В.А. Научная психология: тернистый путь к интеграции // Труды Ярославского методологического семинара «Методология психологии». Ярославль, 2003. С. 205–237.
12. Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств. Клинические описания и указания по диагностике / пер. на рус. яз. под ред. Ю.Л. Нуллера, С.Ю. Циркина. СПб.: Адис, 1994.
13. Меннингер К. Война с самим собой: пер. с англ. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
14. Новиков В.В., Козлов В.В. К определению интегративной методологии // Человек. Власть. Общество. Хабаровск: Дальний Восток, 2002. С. 191–194.
15. Фенихель О. Психоаналитическая терапия невротиков. М.: Академический проект, 2004.
16. Фернам А., Аргайл М. Деньги. Психология денег и финансового поведения / под общ. ред. А. Алексеева. СПб.: Прайм-Еврознак, 2005.
17. Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» № 244-ФЗ от 29 декабря 2006 года.

18. Янг К.С. Диагноз – интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. № 2. С. 24–29.
19. Bion W.R. Second Thoughts. N. Y.: Jason Aronson, 1977.
20. Blanco C., Moreyra P., Nunes E.V., Saiz-Ruiz J., Ibanez A. Pathological gambling: addiction or compulsion? // Semin Clin Neuropsychiatry. 2001 Jul., Vol. 6, N 3. P. 167–176.
21. (DSM-IV) Diagnostic and statistical manual of mental disorders, 4th ed. Washington D.C., American Psychiatric Association, 1994.
22. Delfabbro P., Thrupp L. The social determinants of youth gambling in South Australian adolescents // J. of Adolescence. 2003. Vol. 26, N 3. P. 313–330.
23. Fisher S. A prevalence study of gambling and problem gambling in British adolescents // Addiction Research. 1999 Dec., Vol. 7, N 6. P. 509–539.
24. Freud S. Dostoevsky and parricide. P. 175–196 in Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, 1928. Vol XXI, J. Strachey, trans. ed. London: Hogarth, 1961.
25. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, 1979. P. 263–291.
26. Knapp T.J. A functional analysis of gambling behavior // *Gambling and Society*. Springfield, IL: Thomas, 1976.
27. Ladouceur R., Jacques C., Ferland F., Giroux I. Prevalence of problem gambling: a replication study 7 years later // *Can J. Psychiatry*. 1999. Vol. 44. P. 802–804.
28. Moran E. Varieties of pathological gambling // *British J. of Psychiatry*. 1970. P. 593–597.
29. Rosenthal R.J. The psychodynamics of pathological gambling: A review of the literature // *The Handbook of Pathological Gambling*, T. Galski, ed. Springfield, IL: Thomas, 1987.
30. Skinner B.F. *Science and Human Behavior*. N. Y.: Macmillan, 1953.
31. Thaler R.H., Johnson E.J. Gambling with the house money and trying to break even: The effects of prior outcomes on risky choice. *Management Science*, 1990. P. 643–660.
32. Volberg R.A. Prevalence studies of problem gambling in the United States // *J. Gambling Studies*. 1996. Vol. 12. P. 111–128.
33. Von Hattingberg H. Analerotik, angstlust und eigesinn // *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse*, 1914. P. 244–258.

Н.Н. Снежкова, О.Е. Сиренко

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ – СЛОЖНОСТИ АДАПТАЦИИ В ИНОЙ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

В статье на основе анализа работ российских и иностранных ученых и авторских данных рассматриваются актуальные проблемы мигрантов в России, среди которых – пути адаптации к новой культурной среде и типичные причины межэтнических конфликтов. Показано, как выбор человеком путей взаимодействия с коренным населением изменяется в зависимости от целей миграции. Обсуждается важность знакомства мигрантов с культурными особенностями страны временного места жительства.

Ключевые слова: мигранты, миграция, «свой», «чужой», проблемы адаптации.

Для современной России проблема миграции (лат. *migratio* – переселение) является одной из наиболее актуальных проблем. Прежде всего так называемой «внешней миграции» – притока в страну мигрантов из зарубежных стран.

Ввиду относительно открытости границ России число мигрантов, прибывающих в нашу страну, из года в год остается стабильно высоким.

Приезжающий в нашу страну мигрант сталкивается с рядом трудностей и проблем – от незнания законов страны пребывания и своих прав до банального незнания языка и культуры.

Мигранты – субъекты, которым необходима помощь в адаптации и интеграции. Наиболее оптимально рассмотрение миграции одновременно как разрыва определенных групп людей со «своими» экологическими, социокультурными, производственными структурами идентичности и как вхождения в «чужие» структуры идентичности на новой территории. Миграция включается в контекст изменения и становления отношений определенных групп людей или индивидов в принимающей социальной среде.

Миграция – средоточие извечного противостояния «свой–чужой». Это не

только процесс перемены места пребывания (жительства), но и социокультурное состояние людей, попадающих в ситуацию разделения на «своих» и «чужих».

Потребность в принадлежности – одна из самых сильных человеческих потребностей. К числу социально-психологических закономерностей восприятия «свой» и «чужой» в настоящее время относят следующие:

- преувеличение достоинств собственной группы;
- актуализация межгрупповых различий;
- «этническая» генерализация негативных эмоций;
- внешняя атрибуция для «своих» неудач, внутренняя – для «своих» побед;
- смещение оправдательно-обвинительных критериев;
- смещение причинно-следственных связей;
- проекция – отчуждение собственной тени.

Перед мигрантами стоит необходимость принять решение идентифицировать себя с той группой, в которую переехал, или с той, из которой выехал.

В России исторически сложилось так, что к представителям других культур

население относится всегда терпимо. Но терпимо, пока сами «пришлые люди» с уважением относятся к коренному населению. Но так бывает далеко не всегда. Сами мигранты порой «ксенофобски» относятся к коренному населению. Так, по официальным данным МВД, за январь—август 2005 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 34,6 тыс. преступлений, в т.ч. гражданами государств-участников СНГ — 31,5 тыс. преступлений, их удельный вес составил 91 %. В отношении иностранных граждан и лиц без гражданства совершено 8,5 тыс. преступлений, т.е. в четыре раза меньше преступлений, чем совершили гости нашей страны против местного населения. В том же 2005 г. в московские суды было направлено 121 дело об изнасиловании. В 79 случаях обвиняются мужчины, нелегально приехавшие из ближнего зарубежья. Ксенофобия — это боязнь иного. Но бояться иного можно не только в силу собственных психических расстройств, но и из-за неадекватного поведения представителей этого самого «иного». Количество преступлений, совершенных гражданами стран ближнего зарубежья, в 2008 г. увеличилось на 10,5 %, по сравнению с 2007 годом. Число преступлений, которые совершают граждане дальнего зарубежья, увеличилось на 3 %. По данным ГУВД г. Москвы, в 2008 г. в Москве иностранными гражданами было совершено 30 % всех преступлений. Из таких преступлений 98 % совершается гражданами ближнего зарубежья, их преступная активность возросла, по сравнению с прошлым годом, на 12 %.

Недостаточное регулирование потоков трудовой миграции со стороны государства негативно сказывается на социально-экономической ситуации

страны: происходит избыточная концентрация мигрантов в ряде регионов; возникает сопутствующий этому явлению неконтролируемый рынок товаров и услуг, теневая занятость, скрытые от налогообложения доходы работодателей и принимаемых на работу в России мигрантов; появление маргинальных слоев в среде трудовых мигрантов и, как следствие, их криминализация и неприятие в целом трудовых мигрантов сообществом, в котором они живут.

Установление непосредственных контактов между конкретными представителями разных стран часто не приводит к полному пониманию иностранной культуры. Все мигранты в той или иной мере сталкиваются с трудностями при взаимодействии с местными жителями, поведение которых они не способны предсказать. Обычаи страны пребывания часто кажутся им загадочными, а люди — странными. Увеличение межличностного общения может привести и к усилению предрассудков. В процессе адаптации к новым социально-экономическим условиям возникает напряжение, которое при неблагоприятных условиях, а часто и без них, может привести к серьезным конфликтам, как межличностным, так и внутриличностным. В нашей стране межэтнические конфликты, к сожалению, стали повседневной реальностью.

Конечно, в таком многонациональном государстве процесс общения должен строиться с учетом этнопсихологического фактора. Большинство наиболее крупных исследователей социального конфликта подчеркивали его функциональное значение.

С древнейших времен различные обстоятельства вынуждали людей перемещаться по планете, покидая свои дома навсегда. Это и войны, и стихийные бедствия, и желание найти лучшую жизнь.

Некоторые люди вступают в межэтнические контакты, оказавшись в инокультурной среде (иммигранты, беженцы), другим новую культуру «приносят» на место их постоянного проживания (представители аборигенных народов). Одни индивиды вступают на путь взаимодействия добровольно (иммигранты), другие делают это вынужденно (беженцы, представители аборигенных народов). И, наконец, переселенцы, например эмигранты, покидают родные места навсегда.

Выделяется три основных фактора, по которым различаются вступающие в межкультурные контакты группы и индивиды:

- а) наличие или отсутствие перемещения в пространстве;
- б) добровольность или вынужденность миграций;
- в) временные рамки миграций.

На миграционные процессы и проблемы их регулирования зарубежные и отечественные ученые обратили свое внимание в конце XIX века. Концептуальные основы изучения миграции были заложены в работах английского ученого Е. Равенштейна, сформулировавшего законы миграции, используемые до сих пор. Последнее правило указывало на то, что экономические причины миграции являются определяющими.

Основы социологических подходов к изучению миграции нашли отражение в трудах М. Вебера, К. Маркса, Г. Зиммеля, Т. Парсонса, П. Сорокина и др. Во второй половине XX в. миграция, в том числе трудовая миграция, стала объектом исследования зарубежных социологов.

Большинство работ по исследованию проблемы межнациональных конфликтов и адаптации к новой культурной среде написано зарубежными учеными. Особенности национальной

политики, выступавшей за рост этнической солидарности народов бывшего СССР, тормозили подобные исследования, и это привело к тому, что в нашей стране данная проблема стала активно изучаться лишь последние 16 лет.

В.С. Агеев в своих исследованиях уделяет внимание проблеме адекватности межгруппового восприятия. Б.Ф. Поршнев говорит о том, что межгрупповой контакт соединяет в себе два основных процесса – процесс суггестии (направленный на сплочение своей группы) и процесс контрсуггестии (направленный на отдаление чужой группы). Адекватность группового восприятия можно назвать групповой толерантностью. В данном подходе этническая толерантность в сфере социальной перцепции понимается как отсутствие негативного отношения к другой этнической культуре, т.е. наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной.

Последствия межгруппового взаимодействия рассматриваются в большинстве исследований с точки зрения контактных гипотез. Общим положением для них является следующее: чем больше контактов между разными группами, тем меньше предрассудков возникает у данных групп по отношению друг к другу (теория развития межличностных отношений Миллера и Стойнберга; концепция «дружбы» Р. Белла и др.).

Английский ученый С. Бочнер выделил четыре максимально общие категории последствий межкультурного контакта для группы:

- геноцид, т.е. уничтожение противостоящей группы;
- ассимиляция, т.е. постепенное добровольное или принудительное принятие обычаев, верований, норм доминантной группы вплоть до полного растворения в ней;

- сегрегация, т.е. курс на раздельное развитие групп;

- интеграция, т.е. сохранение группами своей культурной идентичности при объединении в единое сообщество на новом значимом основании.

Также С. Бочнер называет четыре возможных результата межкультурных контактов для индивида. В процессе адаптации «перебежчик» отбрасывает собственную культуру в пользу чужой, «шовинист» — чужую в пользу собственной, «маргинал» колеблется между двумя культурами, «посредник» синтезирует две культуры, являясь их связующим звеном.

Сходную концептуальную схему предложил Дж. Берри. По его мнению, у индивидов и групп имеется выбор из четырех стратегий, которые он назвал стратегиями аккультурации:

- интеграция, когда каждая из взаимодействующих групп и их представители сохраняют свою культуру, но одновременно устанавливают тесные контакты между собой;

- ассимиляция, когда группа и ее члены теряют свою культуру, но поддерживают контакты с другой культурой;

- сепаратизм, когда группа и ее члены, сохраняя свою культуру, отказываются от контактов с другой;

- маргинализация, когда группа и ее члены теряют свою культуру, но не устанавливают тесных контактов с другой культурой (Вергу, 1997).

Авторы этих моделей единодушны в том, что успешная адаптация представляет собой не ассимиляцию с чужой культурой, а процесс вхождения в новую культуру, постепенное освоение ее норм, ценностей, образцов поведения. При этом подлинная адаптация предполагает достижение социальной и психологической интеграции с еще одной культурой без потери богатств собственной.

Существует представление о том, что конфликт — это не только естественная форма общественной жизни, но и средство интеграции, стабилизации и поддержания внутригруппового единства. Но этнический конфликт, как правило, связан с человеческими жертвами, с огромными моральными и материальными издержками. Поэтому возможные положительные стороны конфликта не могут служить его оправданием. В любом смысле он является нежелательным как в реальной жизни, так и в качестве единственной концептуальной основы исследования межэтнических отношений.

Во многих работах по изучению межнациональных конфликтов понятие «конфликт» рассматривается шире, чем в традиционном понимании. В большинстве исследований понятие «конфликт» выступает в качестве метафоры, охватывающей разнообразный спектр проблемных отношений между группами, где конфликт лишь одно, хотя и наиболее яркое, из событий.

Межэтнические конфликты, разумеется, не возникают на пустом месте. Как правило, для их появления необходим определенный сдвиг привычного уклада жизни, разрушения системы ценностей, что сопровождается чувствами фрустрации, растерянности и дискомфорта, обреченности и даже потери смысла жизни. В таких случаях на первый план в регуляции межгрупповых отношений в обществе выдвигается этнический фактор, как более древний, выполнявший в процессе филогенеза функцию группового выживания.

Действие этого социально-психологического механизма происходит следующим образом. Когда появляется угроза существованию группы как целостного и самостоятельного субъекта межгруппового взаимодействия, на уровне социального восприятия ситуации происходит

социальная идентификация по признаку происхождения, по признаку крови; включаются механизмы социально-психологической защиты в виде процессов внутригрупповой сплоченности, внутригруппового фаворитизма, усиления единства «мы» и внешнегрупповой дискриминации и обособления от «них», «чужих». Эти процедуры ведут к отдалению и искажению образов внешних групп, которые с эскалацией конфликта приобретают хорошо изученные в социальной психологии особенности и черты.

Этот вид взаимоотношений исторически предшествует всем другим видам и наиболее глубоко связан с предысторией человечества, с теми психологическими закономерностями организации социального действия, которые зародились в глубинах антропогенеза. Эти закономерности развиваются и функционируют через противопоставление «мы – они» по признаку принадлежности к племени, к этнической группе с тенденцией к этноцентризму, недооценке и принижению качеств «чужих» групп и переоценке, возвышению характеристик своей группы вместе с дегуманизацией (экскалаторизацией) «чужой» группы в условиях конфликта.

Объединение группы по этническому признаку происходит на основе:

- предпочтения своих соплеменников «чужим», пришлым, некоренным и усилению чувства национальной солидарности;
- защиты территории проживания и возрождения чувства территориальности для титульной нации, этнической группы;
- требований о перераспределении дохода;
- игнорирования законных потребностей других групп населения на данной территории, признаваемых «чужими».

Все эти признаки обладают одним преимуществом для группового массового действия – наглядностью и самоочевидностью общности (по языку, культуре, внешности, истории и т.д.), по сравнению с «чужими». Индикатором состояния межнациональных отношений и, соответственно, их регулятором является этнический стереотип как разновидность социального стереотипа. Функционируя внутри группы и будучи включенным в динамику межгрупповых отношений, стереотип выполняет регуляторно-интеграционную функцию для субъектов социального действия при разрешении социального противоречия. Именно эти свойства социального стереотипа, этнического в особенности, делают его эффективным регулятором любых социальных отношений, когда эти отношения в условиях обострения противоречий редуцируются к межэтническим. При этом регуляция межгрупповых отношений с помощью этнического стереотипа приобретает как бы самостоятельное существование и психологически возвращает социальные отношения в историческое прошлое, когда групповой эгоизм глушил ростки будущей общечеловеческой зависимости самым простым и древним образом – путем уничтожения, подавления инакообразия в поведении, ценностях, мыслях. Это «возвращение в прошлое» позволяет этническому стереотипу в то же время выполнять функцию психологической компенсации в результате дисфункций идеологических, политических, экономических и иных регуляторов интеграции при межгрупповых взаимодействиях.

Одни и те же люди в одних обстоятельствах будут взаимодействовать в большей степени как индивиды, а в других – в большей степени как члены группы. Степень влияния межгрупповых отношений

на отношения межличностные зависит от того, насколько включенные в них люди воспринимают себя и других прежде всего как членов какой-либо группы. Так, члены группы этнических меньшинств часто считают, что отношения к ним окружающих основаны на восприятии их группового членства, а не личностных характеристик.

Чтобы удовлетворить свою основную потребность в самоуважении, личность склонна искать и находить позитивные отличия своей группы от всех остальных – позитивную социальную (этническую) идентичность. Если она не удовлетворена, возникает состояние кризиса социальной идентичности.

Говоря о социально-психологических концепциях причин, порождающих межкультурные конфликты, важно упомянуть следующие:

- Инстинкт «драчливости» (В. Мак-Дугалл, 1900-е гг.). Автор этой концепции высказывает предположение о том, что люди вступают в конфликты, попинаясь инстинктивному стремлению драться, усиливающемуся при нахождении в большой группе, толпе.

- Влечение к смерти (З. Фрейд, 1930-е гг.). Стремление к смерти при этом противоречит другому базовому инстинкту самосохранения, а потому вымещается на других объектах – других или «чужих» людях.

- Особенности социализации (Т. Адорно, 1950-е гг.). В данной концепции описываются условия формирования черт авторитарной, жестко конфликтной личности. В дополнение к взглядам З. Фрейда появляется понимание важности условий воспитания (семьи) для подавления или стимуляции врожденной агрессивности человека, направленной на «чужих».

- Биологически заданная внутривидовая агрессивность (К. Лоренц, 1960-е гг.).

Автор аргументированно демонстрирует фатальность и важность проявления агрессии у всех видов животных, включая животное «человек». Эксперименты и последовавшие за ними теоретические работы М. Шерифа позволили выделить влияние ситуации на проявления человеком агрессии по отношению к другим (людям, группам, племенам). Было убедительно показано, что как инстинкты, так и принципы поведения, усвоенные в семье, могут отступать на второй план, если жизненная ситуация «провоцирует» конкуренцию или кооперацию между группами.

Рассматриваемые совместно все вышеперечисленные теории позволили получить многомерное, объемное видение сложнейшей проблемы межнациональных конфликтов. Это видение формировалось постепенно, шаг за шагом. К началу третьего тысячелетия стало ясно, что человек, как сложнейший живой организм, реагирует на самые разные факторы изменения внешней и внутренней среды – от биологически заданных до социально обусловленных.

Конфликтность не является доминирующей чертой межнациональных отношений в Российской Федерации. Однако межнациональные отношения – легковоспламеняющийся материал. Зоны напряженности при сравнительно небольших ошибках способны быстро трансформироваться в зоны конфликтов, и если в этих конфликтах применяется насилие, то неизбежно возникновение межэтнического кризиса.

Ощущаемой взрывоопасностью межэтнических отношений объясняется серьезная озабоченность общественного мнения национальными конфликтами.

Что же касается межэтнических отношений, то это не только отношения

между группами – соперничество либо сотрудничество. В эту область надо включить и отношения к группам, которые проявляются в представлениях о них – от позитивных образов до предрассудков. В наши дни значительный вклад в понимаемые таким образом межгрупповые отношения вносят сведения, распространяемые средствами массовой информации и создающие своего рода «вторую реальность» в субъективном мире человека. Отношения между группами могут возникать и без непосредственного взаимодействия между ними.

Почему даже при схожих отношениях между группами на индивидуальном уровне одни люди становятся «маргиналами», а другие – «посредниками», одни остаются «шовинистами», а другие полностью ассимилируются? На основании проведенных нами исследований мы можем сделать вывод, что в основе процесса адаптации к чужой культуре лежат цели прибытия и пребывания в стране. «Шовинисты» и «маргиналы» – это люди, которые преследуют цель улучшения собственного благосостояния. Цель «перебежчиков» и «посредников» – остаться на постоянное место жительства. Влияние на выбор индивида межкультурных контактов с представителями коренного населения оказывают много факторов: непосредственное окружение (семья, диаспора), возраст, образование и т.п.

Поэтому достижение наиболее желательного результата – стимуляции предпочтения человеком роли посредника между культурами – требует создания сети социальной поддержки данного типа межкультурного взаимодействия. Неудачи и проблемы при адаптации в новой культуре необходимо рассматривать не как патологические симптомы, а как отсутствие определенных знаний и навыков.

Поэтому должно быть организовано не приспособление человека к новой культуре, а приобретение знаний об обычаях, нормах, ценностях, стереотипах поведения другого народа без разрыва с собственной культурой.

Важно также учитывать, что значение существующих конфликтов и напряженностей определяется не их массовостью и повсеместностью, а прежде всего тем, что вспыхнувший межнациональный конфликт, даже если он возникает в одной точке, становится огромным дестабилизирующим фактором. Как правило, последствия такого конфликта касаются не только данного региона: он задевает все федеративное устройство России и в силу этого приобретает политическое значение.

Эффективное воздействие на межнациональный конфликт может быть оказано в том случае, если достаточно глубоко понимаются истинные причины возникновения конфликта, представляются закономерности его развития и разрешения.

ЭКСПЕРИМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ

В.А. Бирюков

РОЛЬ ПСИХОЛОГА В РАБОТЕ С ТРАНССЕКСУАЛЬНЫМ ФЕНОМЕНОМ. ТРАНССЕКСУАЛЬНАЯ УСТАНОВКА НА ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛА

В статье предлагаются некоторые размышления по поводу роли психолога в работе с транссексуалами. Обозначены смысловые пространства профессиональной деятельности психолога, дается краткое описание степеней выраженности транссексуальной установки и ее психологическое осмысление с позиции интегрального подхода.

Ключевые слова: транссексуализм, транссексуальный феномен, транссексуальная установка, психолог, интеграция, адаптивность.

Как уже ранее говорилось в предыдущих наших публикациях, под транссексуальным феноменом мы будем понимать такое состояние психики человека, когда в его самосознании наблюдается базовый раскол между биологическим и психологическим полом, что влечет за собой намерение смены паспортного (гражданского) и биологического пола.

Так сложилось, что данная тема не попала под пристальный взор психологов и стала полем деятельности врачей (пластических хирургов) в худшем случае и в лучшем — психиатров. Даже сегодня практикующий психолог, столкнувшийся с данным явлением, скорее всего, направит своего пациента к психиатру. С одной стороны, это, безусловно, правильный шаг, с другой же — возможная психологическая поддержка могла бы стать первым этапом социализации, адаптации пациента.

Попытки отговорить человека от принятого решения о смене пола вызывают резкое сопротивление в виде адекватной или неадекватной реакции.

Более того, не зная уровня тревожности и напряжения человека, психолог рискует стать «последней каплей». Как совершенно справедливо отмечает А.О. Бухановский, «особенностью отечественного ТС (ТС — транссексуализм. — *Прим. автора*) является высокая отягощенность суицидальным поведением. Различные его проявления отмечены у 86,4 % больных. В определенной мере это связано с репрессивной половой моралью и общественной агрессией в отношении лиц с сексуальными отклонениями».

Вне всякого сомнения, центральной фигурой в работе с транссексуалами, по-нашему глубокому убеждению, должен быть психиатр.

Во-первых, это связано с тем, что возникает необходимость в постановке диагноза, которая далее влечет за собой разрешение ряда правовых и организационных вопросов, таких, как замена свидетельства о рождении, паспорта и т.п. и собственно трансформацию (хирургическая(ие) операция(ии) по смене пола).

Во-вторых, транссексуализм – официально признанное на территории бывшего СССР психическое расстройство (шифр 302,5 согласно МКБ-9 и DSM-III-R и шифр F64,0 согласно ICD-III). «Именно по болезни (прямая причинно-следственная связь) пациенты страдают, испытывают интенсивную психалгию (душевную боль), именно болезнь ограничивает их жизнь, блокирует исполнение важнейших социальных функций и угрожает жизни, закономерно ведя к суицидальному поведению» (А.О. Бухановский).

Безусловно, психиатр решает ряд важнейших задач, но не менее важные вопросы остаются и в поле зрения психолога. Это такие важные темы, как семейные отношения (зачастую семья отворачивается от своих чад, обвиняя их в распущенности и извращенности), коммуникативные навыки пациента, реализация творческого потенциала, интимные отношения, социализация, профессиональная ориентация и т.д.

Как пишет профессор В.В. Козлов, именно психолог может стать тем учителем, который поможет увидеть в тяжелой ситуации положительные стороны; вынужденные препятствия могут стать ступенями самораскрытия, правильно пережитый кризис трансформируется в опасное, но в то же время увлекательное путешествие в глубины собственного Духа; перед человеком возникает необыкновенный простор в исследовании глубин собственной психики. Все это возможно в том мире, который создаст психолог вместе со своим подопечным.

Этого пространства крайне недостает людям, страдающим транссексуализмом. Их социальные функции купированы, практически все сферы жизни крайне ограничены. Постоянное напряжение ведет к аутоагрессии и девиантному поведению. Те, кому повезло

избежать всего вышеперечисленного во время своей трансформации, по праву могут считаться бальвами судьбы. Но таких людей крайне мало. Подавляющее большинство ищут свой островок покоя и душевного равновесия в алкоголе, наркотиках, суициде.

Психолог может стать той «психологической нишей», целью которой будет уменьшение степени страданий и повышение адаптивности. Мы глубоко убеждены, что сотрудничество психиатра и психолога окажет положительное влияние как на самих пациентов, так и на самих профессионалов в исследовании столь малоизученного феномена. «Уровень познания ТС несовершенен, природа аномалии неизвестна, каузальное и патогенетическое лечение отсутствуют, симптоматическая терапия традиционными методами воздействия на аномальную психику неэффективна, что подтверждается данными литературы (А.И. Белкин, 1975; В.М. Маслов с соавт., 1983; А.Б. Окулов, 1987; W. Eicher, 1984; Е.К. Koranyi, 1980; R. Imielinski e.a., 1988) и собственными наблюдениями, а также опытом лечения наших пациентов в авторитетных медицинских учреждениях СНГ и Латинской Америки, где они безрезультатно получали нейролептики в больших дозах, инсулиновые комы, судорожную терапию, антиандрогены, психотерапию» (А.О. Бухановский).

Далее нам бы хотелось вкратце затронуть еще одну тему, касающуюся транссексуализма, – транссексуальной установки на изменение пола.

Транссексуальная установка на изменение пола имеет различную степень выраженности – от грезоподобных фантазий и воображения до однозначно выраженного решения о необходимости изменить пол:

1) переживания, обесценивающие половые органы, феноменологически

близки к симптому отвергания пола. Это мысли и рассуждения, обесценивающие собственные половые признаки и идеаторно низводящие и приравнивающие их к уродству;

2) пассивные мысли о собственной половой трансформации – представления и фантазии на тему случайного отторжения или замены своих половых органов; характерно отсутствие целеполагающего намерения добиваться реальной секстрасформации;

3) ТС замыслы – постепенное формулирование и обоснование мысли о желательности, а затем и необходимости половой метаморфозы. Это принципиально важная ступень развития ТС установки на изменение пола, т.к. появляется осознанность цели и разрабатывается система доказательств. ТС замыслы – первая активная форма ТС установки на изменение пола;

4) ТС решение – присоединение к идеаторному компоненту волевого, побудительного. С этого момента поведение начинает напоминать сверхценное. Больные стремятся добиться и домогаются искомой для них «операции».

Из вышеизложенных степеней выраженности транссексуальной установки мы можем проследить некую экспансивную тенденцию психики. На каждом из этапов идет освоение человеком своего психического пространства и вплетение его в различные сферы своей жизни. Как только территория освоена (здесь мы имеем в виду, что человек из зоны «не так» переходит в зону «и так тоже»), он расширяет свою территорию и включает в нее все новые элементы. Не важно, в какой степени выражена установка, важно то, что она всегда есть. По нашему мнению, это является обязательной тенденцией так называемого ядерного транссексуализма, диагнозом, являющимся основанием для разрешения на

хирургическую коррекцию. Во время освоения своего внутреннего психического пространства человек постоянно в некоторой степени трансцендирует свое тело. Он не принимает тело, данное от рождения, и живет в рамках мифической телесности, идеального образа, продолжая при этом функционировать (насколько это возможно). Можно предположить, что сознание человека все это время функционирует, по сути, трансцендентно по отношению к остальным структурам Я и не детерминируется ими. Другими словами, пока человеку доступна возможность интеграции новых элементов в свою психическую реальность (например, допущение, что транссексуализм – это не ошибка природы, а ее часть), происходит расширение зоны «и так тоже», вследствие чего возрастает уровень адаптивности и витальности (личной жизненной энергии, жизненного тонуса). Остановка интеграции, как функции сознания, влечет за собой непреодолимое чувство напряжения и отчаяния, невозможности жить дальше (суицид).

При формальном подходе к проблеме транссексуализма профессионал может попасть в ловушку стереотипов и разнообразных (которых не так много) теорий, пытающихся дать определение транссексуализму и объяснить его, подгоняя пациента/клиента под определенные рамки. Здесь особенно важно держать в уме то, что человек и его психика – это всегда нечто большее, чем мы о них думаем, знаем и предполагаем. Не важно, с каких позиций это явление рассматривается, важно другое – как с этой реальностью будет жить человек, насколько полноценно он будет жить и функционировать в качестве члена общества. Это нелегкая, но, безусловно, посильная задача для пытливых исследователей безграничных просторов человеческого сознания.

Е.В. Гришунина, Н.Б. Краевская

ЧЕЛОВЕК В СИТУАЦИИ СОБЕСЕДОВАНИЯ ПРИ ПРИЕМЕ НА РАБОТУ

Результаты представляемого исследования актуальны для организационных психологов. Показано, что анализ особенностей ответных реплик кандидата на должность в ситуации собеседования выявляет как некоторые личностные особенности соискателя (его мотивацию, самооценку), так и аспекты субъективной интерпретации объективных требований самой ситуации (системы распределения ролей, степени самораскрытия, лидирующих позиций и т.д.). В процессе исследования выявлены типы самопрезентации человека в ситуации собеседования, проявляющиеся в специфичном соотношении различных категорий ответов и особенностях построения диалога.

Ключевые слова: ситуационизм, концепция личностно-ситуационного взаимодействия, жизненная ситуация, субъективный конструкт ситуации, речь, структурные параметры диалога, интен-анализ речевых высказываний, самооценка, трудовая мотивация.

Психолог в организации обязан уметь осуществлять качественный отбор кандидатов на должность. Несмотря на традиционность данной задачи для организационного психолога, наука постоянно находится в поиске методов, наиболее адекватных поставленным задачам отбора персонала. Психодиагностическое тестирование кандидатов на должность рекомендуется дополнять собеседованием – личной беседой, интервью [12]. В настоящее время психолог-практик, занимающийся приемом на работу, чаще опирается на субъективные показатели собственной интуиции и опыта, чем на специальные теоретические исследования, которые недостаточны в области организационной психологии. В связи с этим встает вопрос – есть ли возможность добавить что-то более объективное к результатам этого общения, кроме личного впечатления интервьюера от кандидата на должность и общего знания о пережитых им жизненных и профессиональных событиях? В рамках подхода,

основанного на концепции личностно-ситуационного взаимодействия, разработаны методы, плодотворные для решения этой практической задачи.

Обсуждение ситуационизма в психологии начинается с формулирования К. Левиним трюизма о том, что поведение одновременно детерминировано ситуационными и личностными параметрами. Затем расширение круга психологических исследований в России [2, 4, 6, 11, 15, 16, 21 и др.], Германии [25, 26, 29, 30, 33 и др.], Голландии и Швеции [24, 31], США [27, 28, 34 и др.] привело к пониманию необходимости изучения личности в контексте естественных социальных ситуаций, в которых она функционирует. Психологическая теория ситуации Д. Магнуссона [31] предполагает исследование и объяснение трех основных реалий:

1) психологических особенностей естественных ситуаций жизни человека во взаимосвязи ситуативных и личностных переменных;

2) субъективной интерпретации ситуаций, их когнитивно-эмоциональных репрезентаций в сознании человека;

3) поведенческих стратегий и других форм активности в рамках конкретных ситуаций.

Речь — важный и доступный для объективных методов канал получения информации о внутреннем мире человека [1, 17, 21]. Речь является одной из форм активности в рамках конкретных ситуаций, она связана со смысловыми, когнитивными, мотивационными, индивидуальными характеристиками человека [13, 14], с помощью анализа устной и письменной речи человека изучается субъективная интерпретация ситуации [33]. В наших исследованиях было показано, что с помощью анализа речи можно исследовать особенности межличностных отношений человека, субъективную интерпретацию различных жизненных ситуаций — миграции, развода [7–10]. Именно в аспекте исследования по речевым высказываниям субъективных репрезентаций ситуационных параметров соприкасаются психолингвистика и личностно-ситуационный подход. Таким образом, в речи проявляются как субъективные конструкты, касающиеся восприятия и понимания смысла актуальной ситуации, так и личностные особенности человека [15, 16]. Именно эти два аспекта содержательного анализа речевых высказываний и составили предмет данного исследования.

Движение речи партнеров по общению (в частности и в ситуации собеседования при приеме на работу) регулируется интересами и устремлениями коммуникантов [20]. Именно они образуют психологический подтекст, который определяет поведение участников, ту или иную организацию разговора. Реконструировать этот подтекст, выявив не только то, что человек формально

сказал, но и то, что он хотел или имел в виду сказать, т.е. мотив и цель его речи, определяющие ее внутренний смысл, — такую задачу ставит перед собой метод интен-анализа. Интен-анализ обращен к тому, чтобы исследовать субъективные намерения, направленность на некий объект, активность сознания субъекта [21]. На что же направлено сознание субъекта в ситуации собеседования при приеме на работу? Прежде всего сознание перерабатывает информацию об актуальной ситуации, в которой находится человек, ставя своей основной целью обеспечение оптимальной адаптации субъекта к ситуации. Объективные характеристики ситуации говорят нам о том, что основное требование к соискателю в ситуации собеседования при приеме на работу — самопрезентация. Однако требование (и смысл) самой ситуации может не совпадать с целями кандидата на должность. Ведь он может иметь намерение скрыть свои отрицательные стороны и особо подчеркнуть положительные. Именно поэтому для нейтрализации этого намерения интервьюер в ситуации собеседования ставит перед собой задачу объективно оценить все характеристики личности будущего сотрудника.

Среди классических параметров оценивания личности на собеседовании — мотивация к труду. Приходя на собеседование, человек уже обладает определенной структурой мотивационных факторов — кому-то важны хорошие условия труда, зарплата, хорошие отношения с коллективом, другого мотивирует престижная, ответственная работа, возможность карьерного роста и т.д. Трудно себе представить, что иерархия мотиваторов может измениться в процессе собеседования. Фактически соискатель (так же как и интервьюер) во время собеседования сопоставляет

индивидуальную структуру мотивации и возможности предлагаемого рабочего места, должности. И если бы иерархия мотивов была флуктуирующей, то такое сопоставление было бы принципиально невозможным. Таким образом, в ситуации собеседования при приеме на работу трудовая мотивация — это статический компонент личности. В данном случае мы оставляем за скобками ситуации интервью, когда может ставиться задача переубедить кандидата, повлиять на изменения в иерархии мотиваторов, профессиональных ценностей и целей.

Сама природа речи, предполагающая ее внешнее предъявление, говорение, оказывает влияние на человека. Собственно на этом факте и основана надежда на продуктивность разговорной психотерапии, психологической коррекции, консультирования. Таким образом, в ситуации собеседования, слушая себя, соискатель одновременно оценивает себя, поэтому самооценка человека может ситуативно меняться в зависимости от разных факторов — от того, удачно ли он ведет разговор, продуктивна ли самопрезентация в ситуации интервью и т.д. В данном исследовании не ставилась задача выявить ситуативные факторы влияния на самооценку соискателя. Однако сам показатель самооценки в ситуации собеседования мы понимаем как динамическую характеристику личности, т.е., выявляя взаимосвязи параметров речевых высказываний с компонентами самооценки, мы предлагаем понимать их как присущие именно данной ситуации, в отличие от мотивации, которая должна обладать свойствами кросс-ситуативной устойчивости. Самооценку мы понимаем как ценность, значимость, которой индивид наделяет себя в целом и отдельные стороны своей личности, деятельности, поведения [23].

Цели данного исследования: 1) изучение субъективной репрезентации ситуации в процессе собеседования при приеме на работу с помощью интент-анализа; 2) получение данных о взаимосвязи структуры и категорий ответных реплик соискателя в ситуации собеседования с его мотивационно-личностными особенностями (самооценкой и системой мотиваторов трудовой деятельности).

Методики

• **Интент-анализ речевых высказываний**

В оригинальной методике [21] сопоставление диалогов осуществляется по следующим основным линиям:

1. *Анализ структуры речевого обмена.*

Любой диалог имеет свою внутреннюю структуру. Собеседники с известной регулярностью получают возможность высказаться или, перебивая друг друга, «берут» слово. Высказывания скоординированы между собой. С каждой репликой совершается определенный шаг в продвижении коммуникации, реализации намерений участников. Жанр интервью предполагает, что ведущий задает вопросы и предоставляет слово собеседнику; тот в свою очередь не только получает возможность, но формально обязан высказаться и говорит обычно достаточно пространно. Вопросы интервьюера, как правило, принимаются собеседником, показателями чего служат достаточно протяженные ответные реплики. Если вопросы не принимаются собеседником, то ответные реплики отрывочны, односложны, некоторые из них не завершены и накладываются одна на другую. Таким образом, выделяются следующие параметры анализа структуры речевого обмена: 1) средний объем ответных реплик (количество высказываний); 2) число переключений говорящий/слушающий; 3) число перебиваний

партнерами друг друга; 4) число накладывающихся реплик.

2. *Спецификация ответных реплик собеседника:*

С1. *Развернутый ответ* – собеседник отвечает на поставленный вопрос, и ответ не ограничивается единичным высказыванием (реплика состоит из нескольких, обычно многих, высказываний).

С2. *Односложный ответ* – отвечая на заданный вопрос, собеседник не склонен распространяться; он ограничен лаконичной формулировкой, одним, максимум двумя короткими высказываниями.

С3. *Уклонение от ответа* – собеседник уходит от ответа на вопрос, прибегая к уклончивым формулировкам, риторическим вопросам, не проясняющим точку зрения рассуждениям.

С4. *Отказ от ответа* – собеседник впрямую отклоняет поставленный вопрос, выражает нежелание отвечать.

С5. *Оспаривание* – собеседник не соглашается с формулировками ведущего. На иницилирующую реплику он отвечает тем, что оспаривает ее содержание – возражает против приведенных ведущим фактов, его умозаключений, оценок.

С6. *Встречный вопрос* – собеседник отвечает вопросом на вопрос, уточняя содержание иницилирующей реплики.

С7. *Вторящие реплики* – внеочередные, обычно накладывающиеся на высказывания ведущего реплики собеседника, которые сигнализируют понимание, наличие контакта, согласие со сказанным.

С8. *Перебивание спрашивающего* – собеседник прерывает ведущего внеочередной репликой, которая может остаться незаконченной (если ведущий не дает себя перебить) или приобретает обычный завершённый характер. В

последнем случае реплика может быть дополнительно квалифицирована как оспаривание, уточнение и пр.

Полный вариант методики интент-анализа предполагает еще несколько линий исследования. Для достижений целей нашей работы мы остановились на двух, описанных выше.

Процедура применения методики основана на экспертном оценивании единиц текста, подлежащих интент-анализу. Эксперты в непосредственном обсуждении приходят к согласованному выводу, к какой категории относятся данные речевые высказывания. В представляемом исследовании экспертами выступали четыре психолога, трое из которых имеют степень кандидата наук, один психолог является специалистом в области психолингвистики. Опыт практической работы в области организационной психологии имели два психолога (стаж их профессиональной деятельности 10–15 лет).

• **Тест-опросник отношения к своей работе [22]**

Основан на двухфакторной теории мотивации Ф. Херцберга. Ее основные положения свидетельствуют о том, что на удовлетворенность работой влияют мотивационные (внутренние) факторы и гигиенические (внешние) факторы. Внутренние факторы повышают удовлетворенность трудом. Мотивационные факторы определяются как «факторы содержания работы» – достижения, признание успеха, интерес к работе, ответственность, продвижения по службе, профессиональный рост. К гигиеническим факторам Ф. Херцберг отнес следующие: способ управления, политику компании, отношения с непосредственным руководителем, условия труда, заработную плату, отношения с сотрудниками и подчиненными, статус, безопасность. Гигиенические факторы также могут

повышать удовлетворенность трудом, но они не повышают непосредственно производительности труда работников. Шкалы данной методики сформулированы так, что затрагивают не только саму мотивацию к работе, но затрагивают именно в тех смыслах и значениях понятий, которые, по сути, являются интенциями, с которыми человек приходит на собеседование. Тест-опросник предполагает оценку по пятибалльной шкале степень важности для работника каждого из 12 факторов (шесть гигиенических и шесть мотивационных), влияющих на его отношение к работе.

1. *Интересное содержание работы*¹.
2. Хороший начальник.
3. *Признание проделанной вами работы, уважение к вам.*
4. *Возможность продвижения по службе.*
5. Удовлетворенность личной жизнью.
6. Престижная работа.
7. *Ответственная работа.*
8. Хорошие условия для работы.
9. Разумные правила и процедуры, существующие в данной компании.
10. *Возможность самосовершенствования.*
11. *Работа, которую вы можете хорошо делать и преуспевать в этом.*
12. Чувство безопасности, связанное с работой.

• **Исследование самооценки по методу Дембо–Рубинштейн (модификация П.В. Яньшина) [23]**

Тест предназначен для психологической диагностики состояния самооценки по следующим параметрам: высота самооценки (фон настроения), устойчивость самооценки (эмоциональная устойчивость), степень реалистичности и/или адекватности самооценки

(при ее повышении), степень критичности, требовательности к себе (при понижении самооценки), степень удовлетворенности собой (по прямым и косвенным индикаторам), уровень оптимизма (по прямым и косвенным индикаторам), противоречивость/непротиворечивость показателей самооценки и т.д.

Данная процедура исследования самооценки основана на прямом самоотчете испытуемого, способности сознательной рефлексии. В ходе обследования фиксируется не столько готовый, сформированный образ самооценки, сколько сам процесс его формирования «здесь и сейчас». Следует также понимать, что предлагаемая испытуемому процедура самооценивания не является для него ни привычной, ни естественной, поскольку в повседневной жизни мы редко столь явно используем свою способность к самооценке. Задаваемые испытуемому в процессе диагностики вопросы для него неожиданны, а сама внутренняя работа, требующаяся для ответа на них, — непривычна. Помимо этого, следует учитывать ситуацию обследования, накладывающую свои ограничения на результат. Таким образом, диагностическая процедура отражает *процесс самооценивания*, а не «домашнюю заготовку» самооценки, и это делает возможным изучение самооценки как результата личностно-ситуационного взаимодействия.

В процессе обследования человек оценивает себя по следующим шкалам: *здоровье* (тренировочная шкала), *ум, характер, счастье, удовлетворенность собой* (проверочная шкала), *оптимизм* (проверочная шкала). Шкалы «Оптимизм» и «Удовлетворенность собой» даются для проверки того, насколько валидна процедура обследования испытуемого. Необходимо сравнить самооценку по остальным шкалам и

¹ Курсивом выделены мотивационные факторы. — *Прим. авт.*

по шкалам валидности. В случае несовпадения самооценки по шкалам валидности с результатами по остальным шкалам можно говорить либо о неискренности, либо о недостаточности уровня рефлексии, либо о наличии компенсации.

Уровень от 45 до 74 баллов свидетельствует о реалистичной самооценке. Если он выше — речь идет о завышенной самооценке (для высокого уровня притязаний оптимальны 75–89 баллов). Чем выше самооценка, тем в большей степени можно предполагать повышение эмоционального фона. Пик по какой-либо шкале говорит о компенсации.

Инструкция к тесту (на примере шкалы «Здоровье»): «...Вот вертикальная прямая линия. Представим себе такую условность: на верхнем полюсе находится самый здоровый человек (обязательно в единственном числе) в мире, внизу — самый больной человек... а между ними — все остальные люди, в том числе и мы с вами. Отметьте *черточкой* на шкале, как вы себя оцениваете в данный момент по... (данному параметру). Отметьте *кружком* на шкале, где бы вы мечтали находиться в идеале между этими полюсами. Отметьте *галочкой* на шкале, где вы можете оказаться, объективно оценивая свои возможности? Чего вы можете добиться, объективно оценивая свои возможности?»

Выборка

В исследовании приняли участие кандидаты на должность брокера в компанию, оказывающую на рынке коммерческой недвижимости посреднические услуги в сделках купли-продажи или аренды площадей коммерческой недвижимости. Исследователь получал устное согласие на осуществление аудиозаписи собеседования. Взаимодействие

участников интервью протекает в естественной обстановке, и вместе с тем по своей стандартизованности ситуация приближается к экспериментальной. Одинаковы условия записи, единообразна тематика, сопоставимым остается образовательный уровень и социальный статус коммуникантов. Неизменным партнером кандидатов является исследователь. Все испытуемые имели высшее образование и опыт работы «в продажах» не менее года. Количество испытуемых — 24 человека (10 мужчин и 14 женщин). Возраст кандидатов — 21–32 года.

Статистическая обработка данных

Обработка данных проводилась с помощью Excel 2003 и статистических пакетов программ STATISTIKA (версии 6 и 8). Использовались методы описательной статистики, корреляционный анализ связи (коэффициент корреляции Спирмена), кластерный анализ. Значимость различий проверялась с помощью непараметрического критерия U-критерия Манна–Уитни.

Результаты исследования

С помощью анализа частоты возникновения в ситуации интервью определенных структурных параметров диалога оказалось возможным увидеть отражение в речи объективных характеристик ситуации собеседования (табл.).

При большом объеме переключений собеседники редко перебивают друг друга, практически никогда реплики не накладываются, т.е. нет одновременно-го говорения (см. табл.). Не встречается реакций молчания, т.е. на каждый вопрос соискатель что-то отвечал, причем даже в самом минимальном варианте этот ответ содержал больше, чем одно предложение. Однако и максимальный (5,3), и средний (3,5) объем ответных реплик невелик.

Таблица 1

Общие структурные параметры диалога (n=24)

	Средний объем ответных реплик (количество высказываний)	Число переключений говорящий/слушающий	Число перебиваний партнерами друг друга	Число накладывающихся реплик
Среднее	3,5	56,2	3,0	0,3
Медиана	3,3	54,5	2,0	0,0
Станд. откл.	1,0	16,5	2,9	1,0
Сумма	84,4	1348,0	72,0	8,0
Минимум	1,8	25,0	0,0	0,0
Максимум	5,3	87,0	10,0	4,0
Интервал 25–75 %	2,9–4,2	44,0–71,0	0,5–5,0	0,0–0,0

На рис. 1 показаны результаты второй линии интент-анализа – спецификация ответных реплик.

Как видно из рис. 1, в основном кандидаты на должность используют развернутые ответы ($p \leq 0,01$). Отказа от ответов не бывает, однако встречаются такие варианты, как уклонение от ответа, оспаривание, встречный вопрос.

Рассмотрим тенденции и значимые корреляции, отражающие взаимосвязи между факторами мотивации и видами ответных реплик. Развернутый ответ

характерен для тех соискателей, которые мотивируются интересным содержанием работы ($p \leq 0,01$), а вторящие (соглашающиеся) реплики будут свидетельствовать о том, что человек заинтересован в признании проделанной им работы (как в мотивационном факторе) ($p \leq 0,05$). Если же человек мотивируется факторами «Удовлетворенность личной жизнью» и «Чувство безопасности» (гигиенические факторы мотивации), то он будет отвечать в целом менее развернуто (мал средний объем ответных

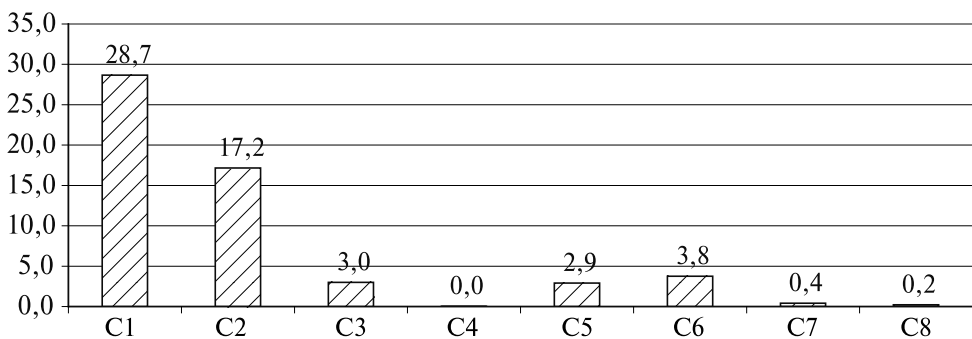

Рис. 1. Частота вариантов ответных реплик:

C1 – развернутый ответ; C2 – односложный ответ; C3 – уклонение от ответа; C4 – отказ от ответа; C5 – оспаривание; C6 – встречный вопрос; C7 – вторящие реплики; C8 – перебивание спрашивающего

реплик) ($p \leq 0,01$). Чем чаще человек в ситуации собеседования задает встречный вопрос либо говорит одновременно с интервьюером (не останавливаясь на продолжении его речи), тем реже можно надеяться, что правила, принятые в данной организации, будут его мотивировать ($p \leq 0,01$). Если соискатель часто перебивает интервьюера – скорее всего, он настроен на поиск хороших условий работы ($p \leq 0,051$). Частое перебивание партнера свидетельствует о высокой удовлетворенности собой, как составляющей самооценки ($p \leq 0,01$).

В процессе исследования были выявлены два типа речевых высказываний кандидатов на должность в ситуации собеседования при приеме на работу (с помощью метода кластерного анализа К-средних) (рис. 2).

Статистически значимые различия ($p \leq 0,01$) между выделенными кластерами состоят в следующем. Первый кластер состоит из кандидатов, для которых характерен меньший объем ответных реплик, эти люди в большей степени

склонны к переключениям говорящий/слушающий, в речи относительно преобладают односложные ответы. Чаще встречаются уклонение от ответа, оспаривание комментариев ведущего, встречные вопросы. Соискателей, использующих данную тактику диалога, мы определили как «устанавливающих контроль» (лидеры).

Второй кластер состоит из соискателей, для которых характерен больший объем ответных реплик; более редкое переключение говорящий/слушающий. Эти респонденты в качестве ответных реплик предпочитают развернутые ответы односложным гораздо в большей степени, чем предыдущая группа. Данную группу можно определить как «допускающих контроль» (ведомые).

Общие результаты исследования самооценки у всех соискателей представлены на рис. 3.

Самооценка соискателей стабильна, адекватна, различается по отдельным оценкам в пределах одного интервала (10 баллов) и минимально

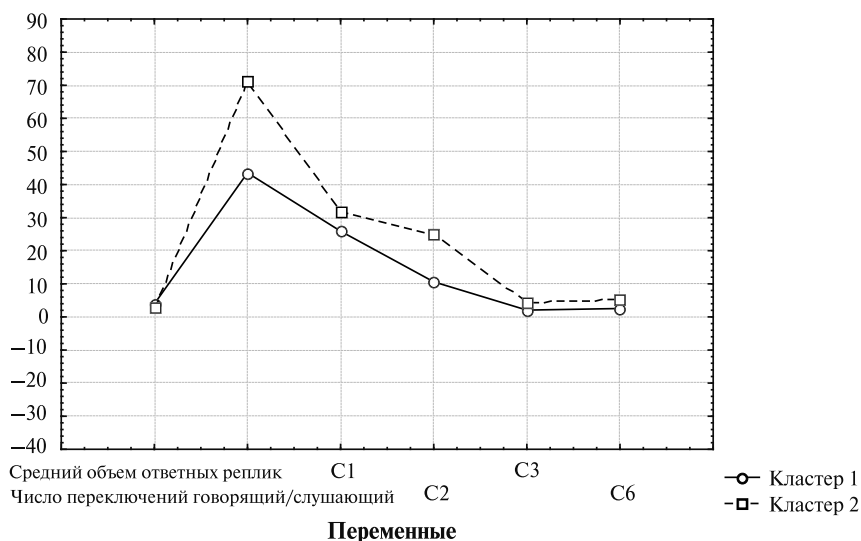

Рис. 2. Профили менеджеров по результатам кластерного анализа

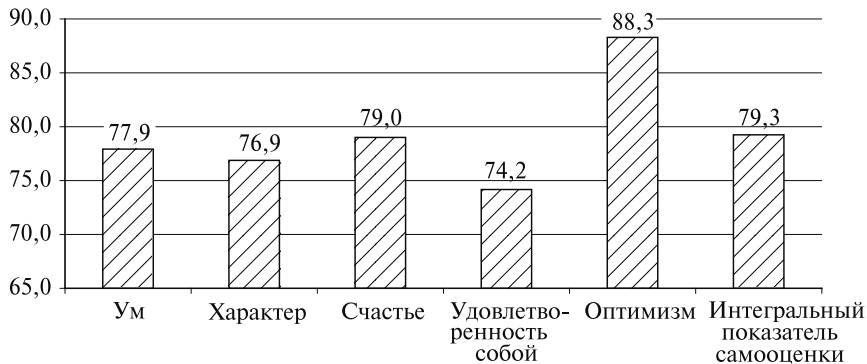

Рис. 3. Результаты исследования самооценки

завышена по основным шкалам. Пик по шкале «Оптимизм» в ситуации собеседования ($p \leq 0,01$) показывает наличие компенсации. Таким образом, обнаружена реакция испытуемых на ситуативный стресс. В связи с этим ситуацию собеседования при приеме на работу необходимо отнести к сложным для человека жизненным эпизодам. Правда, необходимо отметить, что компенсация как защитная реакция на стресс обнаруживается только в группе «допускающих контроль», в группе «устанавливающих контроль» компенсирующего пика по шкале «Оптимизм» не обнаружено.

В процессе исследования обнаружены значимые различия между факторами мотивации. Ответственность работы, ее престижность, наличие хорошего начальника, чувство безопасности и карьерный рост как факторы мотивации интересуют значимо меньше, чем интересное содержание трудовой деятельности и возможность самосовершенствования ($p \leq 0,01$). Интересно наличие значимых различий между показателями по шкале «Удовлетворенность личной жизнью» и практически всеми собственно мотивационными факторами: «Интересное содержание

работы» ($p \leq 0,01$), «Возможность самосовершенствования» ($p \leq 0,01$), «Признание проделанной работы» ($p \leq 0,01$), «Карьера» ($p \leq 0,05$), «Ответственная работа» ($p \leq 0,05$). Можно говорить о косвенном подтверждении того факта, что люди действительно совершают определенный выбор между предпочтительной субъективной значимостью либо работы, либо личной жизни.

Результаты исследования мотивирующих факторов представлены на рис. 4.

В группе «допускающих контроль» значимо выше оценки по фактору мотивации «Возможность самосовершенствования» ($p \leq 0,01$). Этот аспект предпочитается по сравнению с наличием хорошего начальника, интересным содержанием работы, признанием, карьерным ростом, чувством безопасности, удовлетворенностью личной жизнью.

Что касается межполовых различий особенностей речи в ситуации собеседования при приеме на работу, то нами выявлена лишь одна значимая связь, в соответствии с которой от мужчин в этой ситуации можно чаще ($p \leq 0,01$) ожидать встречных вопросов.

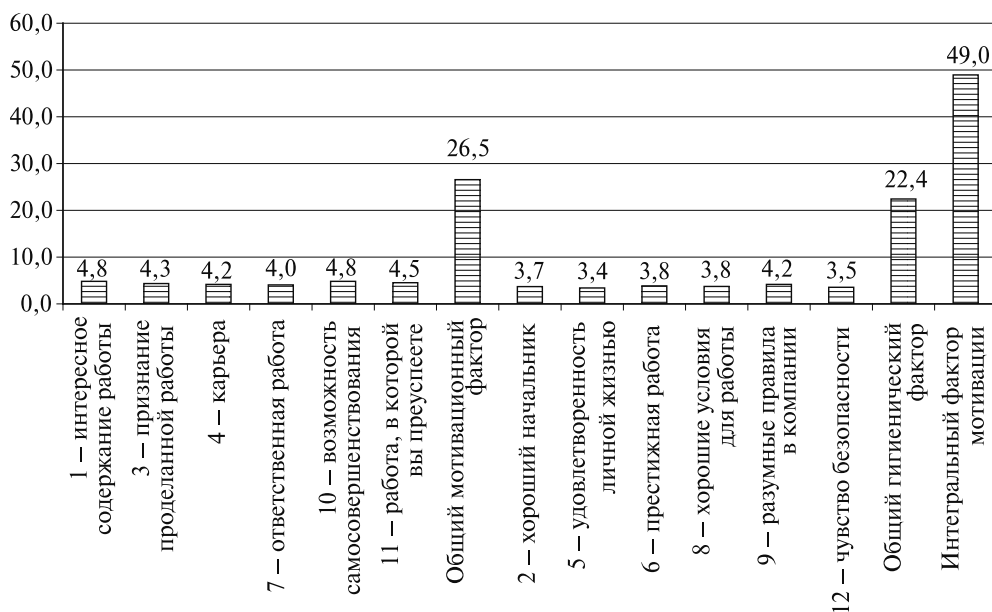

Рис. 4. Результаты исследования мотивирующих факторов

Обсуждение результатов

С помощью анализа частоты возникновения в ситуации интервью определенных структурных параметров диалога оказалось возможным увидеть отражение в речи объективных характеристик ситуации собеседования. Согласно первому этапу интент-анализа субъективная интерпретация ситуации собеседования, отражающаяся в тактике построения диалога, проявляется в готовности соискателя говорить немного, не сильно распространяясь на предлагаемые интервьюером темы. Такое нежелание рассуждать показывает, что человек в ситуации собеседования при приеме на работу воспринимает партнера по общению (интервьюера) либо как желающего получить точную краткую информацию, либо как заведомо недружественно настроенного. Ведь в ситуациях, например, дружеского общения, светского разговора, частую и психологической консультации человек склонен отвечать длинно

на поставленный вопрос. В этой связи возникает задача выяснить, каким образом эффективнее настраиваться соискателю — на более полное изложение своих мыслей, представлений, жизненных и профессиональных коллизий или на сокращенное. В нашем исследовании проявилась в более полной мере вторая установка.

В тактике построения диалога кандидата на должность находят отражение и другие объективные характеристики ситуации собеседования — существует определенный регламент, и социальные роли в рамках данного интервью достаточно строго распределены. Нарушение этих норм кандидатами на должность может вызвать негативное отношение работодателя. Поэтому исчезающе мало количество перебиваний и уж тем более накладывающихся реплик.

Второй этап интент-анализа, заключающийся в спецификации ответных реплик, подтверждает и дополняет данные по анализу структуры речевого

обмена и субъективной репрезентации актуальной ситуации. Кандидаты на должность готовы принимать лидирующую позицию интервьюера, его желание, цель, задачу узнать информацию о личности и профессиональном пути соискателя. Судя по параметрам речи, в большинстве случаев кандидаты ставят себя в позицию зависимую, отвечающую, донорскую. Однако наличие и других (кроме развернутых ответов) речевых реакций говорит о том, что в ситуации собеседования существуют отдельные стимулы (в виде вопросов интервьюера), на которые соискатель реагирует закрыто, односложно. Анализ конкретных высказываний по аудиозаписям показывает, что такие реакции наблюдаются в ответ на вопросы, не касающиеся содержания работы. В эти моменты психолог задает вопросы, касающиеся приватной стороны жизни человека (например: «Вы один ребенок в семье?», «Где Вы любите отдыхать?» и т.п.). Судя по тому, что соискатель на подобные вопросы дает односложные ответы, он не считает данную информацию уместной в ситуации собеседования при приеме на работу. И здесь можно отметить противоречие между недекларируемым (но известным) намерением психолога с помощью неожиданных, непривычных вопросов глубже узнать личность человека и выявленной субъективной интерпретацией ситуации самого соискателя. В последнюю не входит представление об искренности в личных темах.

В целом объективные требования ситуации собеседования не предполагают спора, дискуссии. Однако среди вариантов ответов отмечены встречные вопросы, оспаривание, уклонение от ответа. Анализ паралингвистических характеристик речи соискателя (интонация, высота голоса, ритм речи, гром-

кость и т.д.) по аудиозаписям показывает, что интервьюер в этот момент затронул тему, в которой кандидат не уверен. Можно сделать вывод о том, что встречные вопросы, уклонение от ответа, оспаривание связаны с психологическими защитами человека. Субъективный конструкт ситуации собеседования содержит представление человека о том, что он в этой обстановке может защищаться, сохраняя собственную Я-концепцию. Отказ от ответа как вариант ответной реплики соискателями не использовался – объективные параметры ситуации собеседования при приеме на работу не подразумевают подобного поведения кандидатов на должность.

Выявленные взаимосвязи дают дополнительную информацию о характеристиках личностно-ситуационного взаимодействия. Мотивационная сторона личности в качестве устойчивого образования (пояснения см. выше) находит свое отражение в речи. Те люди, которые пришли за содержательными характеристиками профессиональной деятельности, склонны давать развернутые и длинные ответы чаще, чем те, кто имеет приоритет гигиенических факторов мотивации (условия труда, зарплата и др.). Малую значимость правил, принятых в организации, можно распознать по тому, что человек в ситуации собеседования нарушает правила диалога – он говорит одновременно с интервьюером, задает встречные вопросы (спорит). Соискатель, требовательный в отношении хороших условий работы (мотивированный этим показателем и считающий себя достойным этих условий) будет перебивать партнера по общению (на символическом уровне «требовать своего»). При этом, если мы рассматриваем самооценку в динамическом аспекте, можно отметить и обратное влияние (корреляционный анализ позволяет

это сделать) – позволение себе часто перебивать партнера приводит к повышению самооценки. Таким образом,

с одной стороны, в структуре диалога, в предпочитаемом виде ответных реплик в символическом виде отражается иерархия

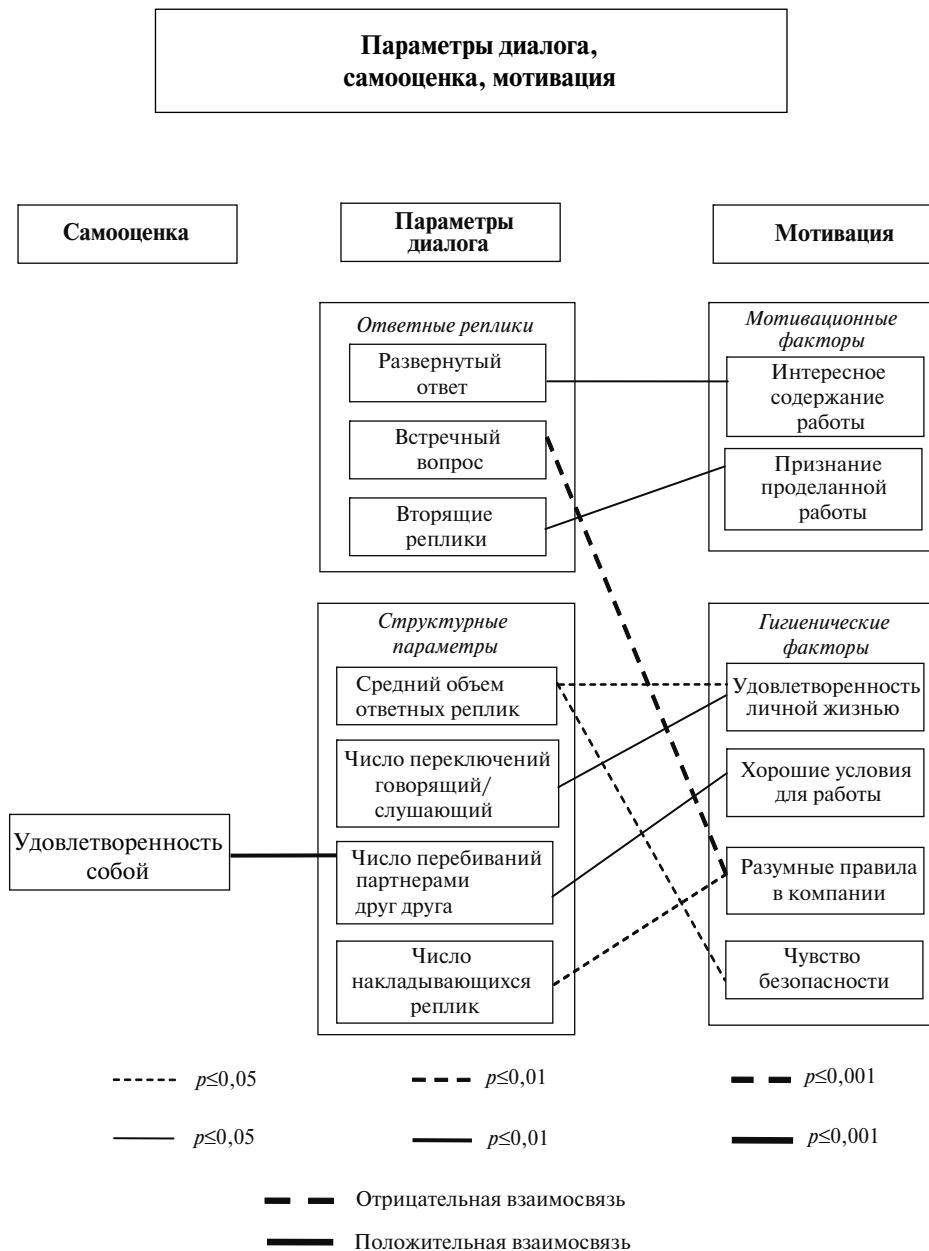

Рис. 5. Взаимосвязи между особенностями речи, мотиваторами и самооценкой человека в ситуации собеседования при приеме на работу

мотиваторов соискателя, с другой — самооценка кандидата на должность находится во взаимосвязи с тактикой проводимого диалога.

В результате исследования было выявлено два типа субъективных репрезентаций ситуации собеседования при приеме на работу, связанных с параметрами построения диалога. Первый тип связан с установкой на собственную лидирующую и одновременно закрытую позицию, которую можно обобщенно выразить следующей фразой: «Я буду давать лаконичную информацию, не сильно раскрываясь. А если Вам нужно больше, Вы и спрашивайте». В данном типе субъективной репрезентации выражено желание «поставить на место» ведущего, оспаривая его комментарии. Этим преодолевается позиция соискателя как просителя (снизу вверх) и проявляются попытки занять лидирующую позицию. Постоянное чередование говорящих и сниженный объем ответных реплик у соискателей в группе устанавливающих контроль позволяет полагать, что вопросы ведущего далеко не всегда удобны и принимаются собеседником.

Второй тип субъективной интерпретации ситуации собеседования наблюдается у тех кандидатов, которые с меньшей частотой предпринимают попытки взять под свой контроль разговор. Очевидно, этим кандидатам понятна и приемлема ситуация собеседования, они готовы и принимают ролевую специализацию, нормы и правила ситуации, т.е. объективные параметры личностно-ситуационного взаимодействия.

Обнаружена реакция испытуемых, относящихся к группе «допускающие контроль», на ситуативный стресс в виде компенсации за счет повышения аффективной составляющей самооценки. Анализ оценок мотивации по различным показателям, их значимых различий показал, что соискатели имеют намерение

показать себя на собеседовании как мотивированных на поиск возможностей самосовершенствования и как интересующихся самим содержанием работы, причем стремление оценивать себя как более мотивированных интересным содержанием работы, чем ищущих хорошего начальника выражено в обеих группах — «устанавливающих контроль» и «допускающих контроль».

На рис. 5 представлена схема взаимосвязей между тремя рядами показателей, являющимися предметом данного исследования: особенностями речи, мотиваторами и самооценкой человека в ситуации собеседования при приеме на работу.

Литература

1. *Алмаев Н.А.* Элементы психологической теории значений. М.: Институт психологии РАН, 2006.
2. *Анциферова Л.И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 1.
3. *Барабанчиков В.А., Носуленко В.Н.* Системность. Восприятие. Общение. М.: Институт психологии РАН, 2004.
4. *Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю.* Психология жизненных ситуаций. М., 1998.
5. *Бурлачук Л.Ф., Михайлова Н.Б.* К психологической теории ситуаций // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 1.
6. *Гришина Н.В.* Психология социальных ситуаций // Вопросы психологии. 1997. № 1.
7. *Гришунина Е.В.* Миграция и ситуация развода в семье / Миграция в Европе: социальные и психологические аспекты. Материалы Международной конференции. Киев, 2004.
8. *Гришунина Е.В.* Тематические центрации в высказываниях о ситуации развода // Язык. Сознание. Культура / Институт языкознания РАН, Институт психологии РАН; под ред. Н.В. Уфимцевой. М.; Калуга, 2005.
9. *Гришунина Е.В.* Особенности динамики субъективного конструкта ситуации при разводе. Сборник научных статей. Вып. 3 / под ред. И.В. Блинниковой. М.: Высшая школа психологии, 2006.

10. Гришунина Е.В., Южанинова А.Л. Диагностика взаимоотношений человека с окружающими методом анализа сновидений // Сборник СГПИ. Саратов, 1993.
11. Дружинин В.Н. Ситуационный подход к психологической диагностике способностей // Психологический журнал. 1991. № 2.
12. Занковский А.Н. Организационная психология: уч. пособие для вузов по специальности «Организационная психология». 2-е изд. М.: Флинта; МПСИ, 2002.
13. Леонтьев А.Н. Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
14. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд. М.: Смысл, 2003.
15. Михайлова Н.Б. Опыт психологического исследования ситуации безработицы в Германии // Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 5.
16. Михайлова Н.Б. Психологическое исследование ситуации эмиграции // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 1.
17. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
18. Психолингвистика: учебник для вузов / под ред. Т.Н. Ушаковой. М.: ПЕРСЭ, 2006.
19. Психологическое исследование дискурса / под ред. Н.Д. Павловой М.: Институт психологии РАН, 2002.
20. Серль Дж. Р. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык / под ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. М., 1987.
21. Ушакова Т.Н. и др. Слово в действии. СПб.: Алтейя, 2000.
22. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Институт психотерапии, 2002.
23. Яншин П.В. Клиническая психодиагностика личности: уч.-метод. пособие. 2-е изд. СПб.: Речь, 2007.
24. Bowers K.S. Situationism in psychology // Psychological Review. 1973. Vol. 80. P. 307–336.
25. Dörner D. Logik des Mißlingens. Strategisches Denken in komplexen Situationen. Rowohlt, 1989.
26. Fissení H.J. Selbstinterpretation und Selbstregulation des Individuums. Göttingen, 1985.
27. Furr R.M., Funder D.C. Situational similarity and behavioral consistency: Subjective, objective, variable-centered and person-centered approaches // J. of Research in Personality. 2004. Vol. 38. P. 421–447.
28. Gelfand M.J. Situated culture: A multilevel analysis of situational constraint across 35 nations. Colloquium delivered at the University of California, Berkeley, 2007, March 7.
29. Graumann C.F. Person und Situation // Entwicklung und Persönlichkeit. Berlin, 1975.
30. Herrmann T., Grabowski J. Sprechen. Spektrum, Heidelberg, 1994.
31. Magnusson D. A psychology of situations // Toward a psychology of situations. An interactional perspective. Erlbaum, 1981.
32. Moscovici S. et al. Studies in social influence: V. Minority influence and conversion behavior in perceptual task // J. of Experimental Social Psychology. 1980.
33. Thomae H. Das Individuum und seine Welt. 3. Auflage, Hogrefe Verlag, Göttingen, 1996.
34. Wagerman S.A., Greve L.A., Funder D.C. You Did What Where? Behavioral Correlates of Situational Affordances. Poster presented at the annual meeting of the Western Psychological Association, Palm Springs, CA, 2006, April.

Ж.К. Дворникова, О.О. Дворникова

РОЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В ИДЕНТИЧНОСТИ ЖЕНЩИНЫ

Высказано предположение о том, что восприятие женщины связано с эмоциональной окрашенностью и насыщенностью ее психических процессов. Предложено рассматривать эмоции как балансирующий элемент в личности женщины, а баланс сознания и любви как духовность. Предложен ряд схем, опираясь на которые, можно, находясь в парадигме интегральной психологии, сориентировать развитие собственной личности, скоординировать развитие личности клиента.

Ключевые слова: эмоциональная жизнь женщины, система внутренней идентичности, балансирующий элемент в личности женщины, духовность женщины, направление развития, цикличность развития, уровни развития, карта уровней интеграции, потенциальное пространство, потенциальная структура, потенциальная форма.

В феврале 2009 г. в г. Минске на тренинге В.В. Козлова «Творчество и сознание» проходил конкурс творческих проектов. Проект «Школа богинь» был представлен как практическая реализация концепции авторов, изложенная в данной статье.

«Школа богинь» — это система техник и тренингов, подобранных в соответствии с определенной структурой для женщин, которые:

- стремятся к целостности и открыты многообразию развития;
- реализуясь в мире мужских ценностей, стремятся сохранить свою женскую сущность.

Цели статьи — изложить взгляд авторов на роль эмоционального компонента в жизни женщины, предложить схему, позволяющую целостно и системно подойти к определению возможных областей и направлений в развитии женщины, а также потенциала ее развития.

Участники тренингов В.В. Козлова получают огромное удовольствие от информационной и интеллектуальной насыщенности его лекций. Ни с чем не сравнить процесс наблюдения за тем,

как рождается новое знание, как распадаются новые пространства смыслов. Много лет свидетельствуя этот удивительный процесс и одновременно отслеживая свое состояние, мы заметили, насколько процесс восприятия материала у нас зависит от состояния, настроения, эмоционального фона. В результате наблюдений и разговоров с другими участниками — женщинами и мужчинами — у нас сложилось мнение о некой эмоциональной избирательности, присущей женщине, об «эмоциональных фильтрах» восприятия, зависящих от ее состояния и настроения.

Лекции В.В. Козлова не только интересны по содержанию, они имеют живую форму, изобилуют примерами, шутками, обращениями к аудитории. Но каждый раз, когда мы с кем-то из женщин-участниц вспоминали определенную информацию из лекций, каждая из нас говорила о том, что услышала она, и иногда это рзительно отличалось от того, что услышали и восприняли другие участницы.

Эмоции и чувства пронизывают каждую секунду жизни женщины, она

для них «абсолютно проницаема». Можно сказать, что ими она как будто «воспринимает» мир. Все неэмоциональное является для нее сухим, безжизненным, бесцветным, жестким и мертвым. Томкинс считал, что аффекты усиливают другие психические функции. По его мнению, врожденные эмоции, аффекты эволюционировали в более гибкую систему, чтобы поддерживать существование все более сложных форм жизни. Когда нам приходится справляться с изменяющейся средой, выживание зависит от того, насколько мы способны к гибким реакциям.

Согласно К.Г. Юнгу, эмоции – это основа психики. Они источник психической энергии, источник ценностей, воображения, энергии и нового сознания.

Для женщины знание не существует в отрыве от чувства, эмоции, ее знания не только эмоционально окрашены, но и эмоционально избирательны.

С нашей точки зрения, для женщины и социальное – положение в обществе, карьерный рост, и материальное – деньги, собственность, и духовное – сознание, не будучи окрашены чувством, вызывают неудовлетворенность и заставляют искать нечто. Это сложно объяснить другим, все хорошо, но чего-то не хватает, может быть, тотального ощущения жизни.

Мир без эмоций и чувств похож на песчаную или снежную пустыню. Но когда они сильны и продолжительны, они начинают «жить женщиной». Ее внутренний мир напоминает потоп или стихию, которая, затягивая в свой поток, перемалывает и делает частью себя все, из чего состоит жизнь женщины. А она, будучи полностью поглощена чувствами, как будто исчезает для внешней жизни. Растворяясь в чувствах, она теряет интерес к карьере, не вникает в материальные вопросы, совершенно

безразлична к смыслам и к самой своей личности.

Женщина, захваченная ревностью, ломает и рушит отношения с близким человеком под напором этого чувства. Ненависть, зависть, овладевая, проходят как смерч, пожирая, иссушая, забирая все соки жизни, не допуская осознания своей пагубной разрушающей силы.

Часто не осознавая свою истощенность чувствами, находящимися на грани переносимости, женщина становится невыносимой для других. При этом внутри у нее чувство полной правоты, она честна перед собой – она просто следует за тем, что чувствует. Замечая, как это разрушает ее жизнь и здоровье, жизнь близких ей людей, пытаясь разобраться, но не имея представления об особенностях естественно присущих ее природе и психике, она часто попадает в явное противоречие между доверием к себе и своим чувствам, и попытками разобраться со сложившейся ситуацией с помощью разума.

Обращаясь к специалистам, психологам, придерживающимся различных психологических школ и направлений, она при хорошем стечении обстоятельств разрешает текущую ситуацию, но попадает в нее вновь и вновь.

В своей книге «Выражение эмоций у человека и животных» Чарльз Дарвин подробно описывает, помимо базовых, врожденных, сложные эмоции. К сложным он относит следующие эмоции: ревность, зависть, алчность, мстительность, подозрение, лживость, коварство, вину, тщеславие, чванство, амбиции, гордость и смирение.

Стюарт предполагает, что сложные эмоции (или чувства, аффективные комплексы) – это комбинация, видоизменение или мутации врожденных эмоций. Они, попадая в межличностные взаимоотношения, изменяются и

перемешиваются таким образом, что создаются тонкие и сложные эмоции – ревность, зависть, жадность, тревожность, депрессивность, а также уважение, восхищение, сострадание, милосердие, благоговение.

Центральным ядром эмоциональной жизни почти каждой женщины является любовь. Ждет ли она ее прихода, переживает в данный момент, переживает ее потерю или теряет надежду встретить еще когда-либо. Любовь сексуальная – страсть; материнская – рождение, отдавание; мудрость – различение и всеохватность, существуют в женщине одновременно, и из точки доверия к себе, совпадения со своим сердцем являют, с нашей точки зрения, женскую духовность.

Интегральный подход, рассматривая личность как систему внутренних идентичностей или Я-идентификаций, придающих структуру и смысл бытию в мире человека, внутри структуры личности вычленяет три подструктуры Я.

Они обозначаются как: Я-материальное (Ям); Я-социальное (Яс); Я-духовное (Яд).

С этими подструктурами отождествлена, идентифицирована личность (В.В. Козлов «Интегральная психология»).

Обратившись к внутренней идее гармонии личности и социальных общностей, которая, согласно интегральному подходу, заключается в триединстве эго-идентификаций: Я-духовное, Я-материальное, Я-социальное и балансе между ними, как условия социальной успешности и внутренней гармонии (рис. 1), мы, учитывая роль эмоционального компонента в идентификации женщины, предлагаем изменить схему таким образом (рис. 2) или таким (рис. 3), где круг в центре треугольника (рис. 2) и внешний круг (рис. 3) мы условно обозначили бы «Эмоции» и назвали бы

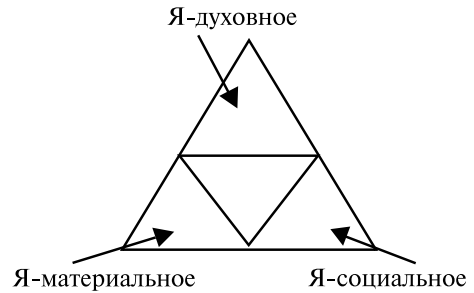

Рис. 1

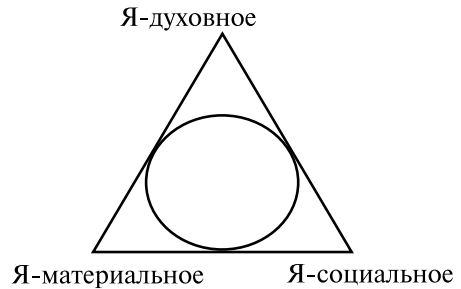

Рис. 2

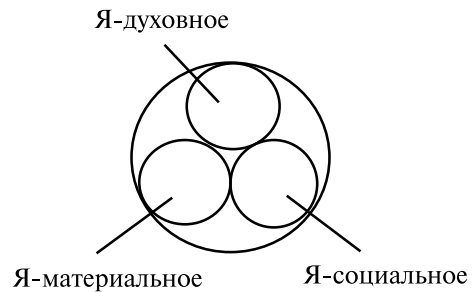

Рис. 3

балансирующим элементом в личности женщины.

Если кругом (рис. 4) мы обозначим «Любовь» и в ее предельной выраженности назовем это качество духовностью женщины, то можем представить как интеграцию духовности в повседневную жизнь, где квадратом обозначим материальное (рис. 5). Невозможно создать круг из квадрата, можно только соединить круг и квадрат, сохраняя знание того, что есть круг и что есть квадрат.

Рис. 4

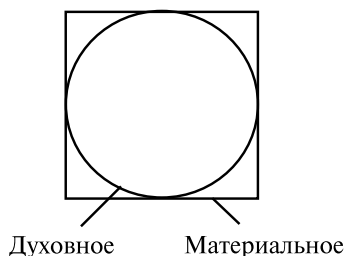

Рис. 5

Следующая схема (рис. 6) может иллюстрировать направление движения в развитии. Два разворачивающихся пространства: круг в квадрате – в материальное, квадрат в круге – в духовное. Схема представляет также цикличность в развитии.

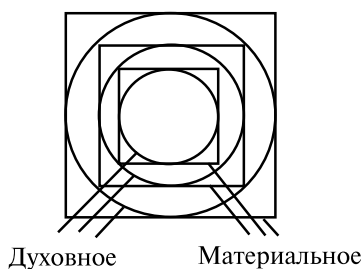

Рис. 6

Мы все – части целого, части социума и отдельно от него существовать не можем. Женщина не почувствует себя счастливой, тотальной и целостной, выбрав любовь в ущерб всему остальному, так же как, если выбирая материальное

и социальное, она откажется от любви. Условно называя это мужским и женским социальными путями развития и обозначая (рис. 7), (рис. 8), совместим их (рис. 9).

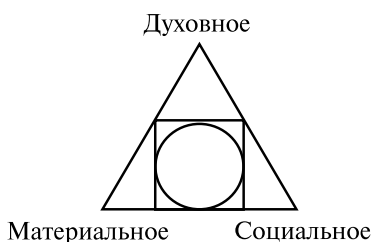

Рис. 7

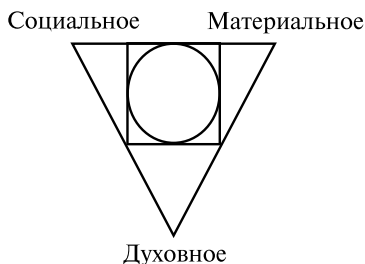

Рис. 8

Женщине доступны как женские, так и мужские стратегии в социальном, материальном и духовном развитии (треугольник вершиной вниз или вверх).

Круг в центре может обозначать как любовь, так и сознание. В широком диапазоне – от любви как чувства, наполняющего повседневную жизнь, и сознания как разума, до их наивысшего проявления – духовности. Когда сознание переходит в любовь, а любовь – в сознание. Разворачивая схему (рис. 10), мы можем рассматривать каждую ее часть для диагностики и выбора направления в работе:

- С Я-социальным, Я-духовным, Я-материальным (по В.В. Козлову), каждое из которых представлено в трех аспектах:

Я-демонстративное материальное	Я-демонстративное социальное	Я-демонстративное духовное
Я-реальное материальное	Я-реальное социальное	Я-реальное духовное
Я-потенциальное материальное	Я-потенциальное социальное	Я-потенциальное духовное

Рис. 9

- С выбором и развитием женских и мужских стратегий в реализации предыдущих позиций.

- С возможностями творчества и творческой реализации в социальном, материальном и духовном (женской и мужской) в трех циклах Тримурти.

Мы можем использовать также эту схему как карту уровней интеграции

в работе с новым тренинговым опытом: рождение нового состояния, нового переживания, дифференциация, интеграция, их присутствие в Я-материальном, Я-социальном, Я-духовном.

Эта схема может иллюстрировать также возможность появления потенциальной формы как встречи потенциальной структуры и потенциального пространства (потенциальная форма – это постоянно действующее творческое начало). Оптимальное сочетание потенциальной структуры и потенциального пространства (правильно организованного пространства) создает условия для рождения целостной формы, время при этом перестает быть линейным, например, организация пространства, структура и время в ритуале; структура через форму во времени и пространстве.

Вышеприведенная схема может задавать не только структуру и определенные направления в работе с клиентом, но и помогать в выборе техник, обучении, задавать структуру тренинга.

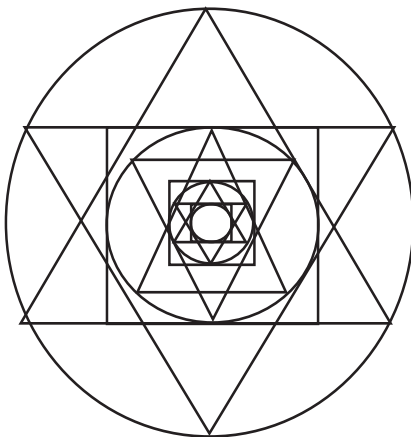

Рис. 10

Д.И. Дубровский

ЕЩЕ РАЗ О ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЕ, ФУНКЦИОНАЛИЗМЕ И СУБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Автор полемизирует с Е.М.Ивановым, упрекая последнего в неразличении психофизиологической и психофизической проблем, использовании принципа физикализма там, где более уместней принцип функционализма, исповедывании субъективного идеализма и дуализма там, где сам автор остается на позициях материализма.

Ключевые слова: психофизиологическая проблема, субъективная реальность, функционализм и физикализм, идеализм и материализм, аналитическая философия.

Более года на сайте philosophy.ru проходило обсуждение моих работ, посвященных субъективной реальности и ее связи с мозговыми процессами, роли концепции функционализма в разработке психофизиологической проблемы. В нем приняло участие большое число ученых и философов; ряд из них высказали существенные критические замечания и соображения. Я им ответил. Но так как в них затрагивались ключевые теоретические и методологические положения психологии, нейрофизиологии и когнитивных наук в целом, я хочу вернуться к их рассмотрению, обратить внимание на ряд принципиальных вопросов. Поводом для этого может служить критика в мой адрес Е.М. Иванова, который является автором нескольких книг, посвященных проблеме сознания и другим темам, близким моим научным интересам.

Критические суждения Е.М. Иванова выражены, правда, в слишком общем виде. Он пишет: «Мне представляется, что функциональный подход к решению психофизической проблемы (а теория Дубровского является его разновидностью) принципиально не состоятелен. Аргументы против

функционализма суммированы в моей книге «Онтология субъективного» (можно найти в сети по названию) в гл. 5. п. 5.1.». Я внимательно ознакомился с этой и другими его книгами, выставленными в сети. К сожалению, в указанной книге и в остальных работах Е.М. Иванова имеются лишь отдельные замечания и нет критического разбора моей концепции, которая автором решительно отвергается. Он счел это, видимо, не существенным для своих целей, несмотря на то, что в его работах много внимания уделяется тем же вопросам, которым посвящено пять моих книг. Но это, конечно, — его дело.

Между тем мою концепцию было бы легко критиковать. В ней сравнительно четко поставлены два вопроса¹, на которые надо получить обоснованный ответ, затем сформулированы три

¹ Вопросы: 1. Как объяснить связь явлений субъективной реальности с мозговыми процессами, если первым нельзя приписывать массу, энергию, пространственные характеристики, а вторые ими по необходимости обладают?; 2. Как объяснить очевидную каузальную функцию явлений субъективной реальности по отношению к телесным процессам, если первым нельзя приписывать физические свойства?

исходные посылки¹ (допускающие опровержение одним противоречащим фактом) и из них выводятся искомые объяснения. Я целиком отдаю себе отчет, что моя концепция — не более чем один из пробных вариантов теоретического решения проблемы «сознание и мозг» (точнее, «субъективная реальность и мозговые процессы»), взятой в той ее классической постановке, которая поддерживается современной аналитической философией. Она подлежит, конечно, критическому анализу. Но если ее называют «принципиально несостоятельной», то требуются конкретные контраргументы, а не тот силлогизм, который приведен выше.

В этой связи является принципиальным вопрос об оценке парадигмы функционализма, имеющей важное значение для психологии и когнитивных наук. Действительно, в своих разработках я предпочитаю общую позицию функционализма, как противостоящую общей позиции физикализма. Однако парадигма функционализма, суть которой в том, что **описание функциональных отношений логически независимо от физических описаний**, имеет разные интерпретации; она может истолковываться как в редукционистском, так и в нередукционистском планах. Парадигма функционализма, укрепившаяся в науке во второй половине прошлого века, создает теоретический базис для нового типа научных объяснений по сравнению с физическим (но не противоречащим ему). Предлагаемый мной информационный

подход к проблеме «сознание и мозг» базируется на принципе инвариантности информации по отношению к физическим свойствам ее носителя. Этот принцип означает, что одна и та же информация может кодироваться по-разному (попробуйте это опровергнуть!). Отсюда вытекает **функциональный** характер отношений между информацией и ее физическим носителем, а, соответственно, — понятие об информационной причинности (которая отлична от физической причинности, так как в самоорганизующейся системе именно информация способна определять причинный эффект, а не физические свойства ее носителя сами по себе, поскольку они могут быть разными). Это позволяет истолковать **психическую причинность** как вид информационной причинности.

Все эти вопросы оставляются Е.М. Ивановым в стороне. Он слишком своевольно истолковывает функционализм и само понятие функции. К примеру, сводит функцию к действию, несмотря на то, что функция, как хорошо известно, означает особый тип связи. А среди функциональных связей выделяется такой их вид, как необходимая связь двух одновременных и однопричинных явлений — например связь наличной информации и ее носителя (в сложившейся уже кодовой зависимости). Функционализм как теоретическую установку и методологическую программу нельзя серьезно критиковать, не сопоставляя ее с физикализмом, как его альтернативой. Эти главные вопросы Е.М. Ивановым не рассматриваются. Он критикует одно из следствий функционализма, а именно тезис об изофункционализме систем (обозначенный Тьюрингом и др.), причем весьма некорректно, изображая изофункционализм как «отрыв функции

¹ Исходные посылки: 1. Информация необходимо воплощена в своем физическом носителе; 2. Информация инвариантна по отношению к физическим свойствам своего носителя (т.е. может кодироваться по-разному); 3. Информация в самоорганизующихся системах может служить фактором управления.

от субстрата», настаивая на «тождестве функции и субстрата» и единственном способе реализации данной функции. Здесь у него много неясностей и противоречий. Приведу лишь несколько примеров. Признавая сознание функцией, он вместе с тем во многих случаях фактически исключает его из класса функций, он настойчиво отрицает возможность множественной реализации одной и той же функции, подтверждаемую не только теоретически, но всем ходом биологической эволюции и развитием техники, всего социума, да и личным опытом (удалили естественный зуб – вставили искусственный, который функционирует не хуже, и т.п.). Он характеризует функцию, как «нечто весьма условное», не имеющее объективных критериев для ее четкого выделения и спецификации, но без колебаний оперирует понятием функции во многих конкретных случаях.

Чуть ли не главным аргументом автора против функционализма служит мысленный эксперимент «китайской комнаты» Дж. Серла. Однако этот аргумент, на мой взгляд, является крайне слабым. Остановлюсь на этом подробнее, т.к. он стал притчей во языцех у противников функционализма, которые, как правило, используют его, не подвергая критическому анализу. Честно признаюсь, что меня сильно удивляла распространенность «аргумента китайской комнаты», столь многочисленные ссылки на него. На мой взгляд, его содержание близко к банальности.

Давайте вспомним суть этого аргумента. В изолированной от всего комнате сидит человек, знающий только английский язык. На столе перед ним карандаш, бумага и учебник, в котором подробные инструкции, как писать, сравнивать, различать и располагать

китайские иероглифы (значения которых остаются неизвестными). Затем ему в шель просовывают текст рассказа на китайском языке и несколько вопросов об этом рассказе, тоже на китайском. Он должен дать ответ на эти вопросы. После долгих усилий человек овладевает инструкцией, правильно выбирает, располагает и записывает иероглифы, выражающие ответы на поставленные вопросы, по-прежнему совершенно не понимая китайского языка. Он просовывает эту запись в шель, ее прочитывает китаец и признает, что ответы верны и принадлежат человеку, который понял содержание рассказа. Вопрос: кто понял содержание рассказа? Никто, отвечает Дж. Серл. Инструкции из учебника – это «программы», человек в «комнате» аналогичен компьютеру, манипулирующему символами. Отсюда вывод: компьютер не обладает пониманием, работу компьютера нельзя отождествлять с деятельностью мозга. Но кто с этим спорит? И зачем такой антураж – «китайская комната»? Ведь и так ясно, что чисто формальное оперирование символами по заданной программе не содержит понимания создаваемого из этих символов текста, его понимает человек, читающий текст на экране компьютера. Дж. Серл утверждает, что его аргумент доказывает невозможность создания искусственного интеллекта (не уточняя при этом понятия искусственного интеллекта) и вместе с тем свидетельствует о несостоятельности функционализма в психологии, поскольку функциональные свойства являются «чисто синтаксическими». Он идет дальше и объявляет бесплодными усилия когнитивных наук в силу их приверженности функционализму. Подробный критический анализ позиции Дж. Серла по вопросам функционализма, когнитивных исследований,

отношений между мозгом и компьютером уже проводился мной¹, поэтому нет смысла его повторять. Можно только добавить, что аргумент «китайской комнаты» сформулирован не вполне корректно, допускает различные интерпретации (хотя бы по поводу того, что человек в «комнате» не знает китайского, но его ведь хорошо знают составители учебника, который досконально изучил наш затворник; главное же в том, что между синтаксическим и семантическим уровнем, не говоря уже о прагматическом, нет соответствия, достаточного для создания того учебника, который фигурирует в аргументе «китайской комнаты»).

Манера критики функционализма Е.М. Ивановым вызывает серьезные возражения. Он ополчается против некоего анонимного субъекта, «функционалиста», которому приписывает свои же утверждения, часто не вполне определенные и сомнительные, — очень удобно потом их отвергать. Чего проще: привести бы суждения Х. Паттнэма, Д. Льюиса или уж на худой конец Дубровского... Но это ведь сразу усложняет дело. А зачем? Автору и так уже все ясно.

Я бы мог высказать ряд других возражений, но это заняло бы много места. Хочу отметить только, что резкое неприятие Е.М. Ивановым функционализма понятно, поскольку он остается в кругу парадигмы физикализма. Это проявляется, например, в его настойчивых попытках произвести квантово-механическое объяснение сознания. Он признает, правда, что в последнее время «наш энтузиазм в отношении гипотезы

“квантового сознания” существенно уменьшился». Тем не менее он связывает это с ограниченностью современных физических теорий и сохраняет надежду на их расширение (правда, в других местах автор ставит под сомнение способность научного объяснения сознания вообще).

На мой взгляд, однако, физическое объяснение сознания является принципиально неадекватным, поскольку не имеет соприкосновений с такими явлениями, как целеполагание, смысл, воля и т.п. Это обстоятельство подробно обсуждалось многими известными авторами, в том числе в рамках аналитической философии. Я тоже не раз выступал с критикой физикалистского подхода к проблеме сознания, анализировал методологические тупики парадигмы физикализма. И в свою очередь мог бы повторить критический силлогизм Е.М. Иванова, заменив в нем одно слово и фамилию: «Мне представляется, что физикалистский подход к решению психофизической проблемы (а теория Иванова является его разновидностью) принципиально не состоятелен. Аргументы против физикализма суммированы в моей книге “Информация, сознание, мозг”. М., 1980, гл. 2. Несостоятельность физикалистского подхода к проблеме “Сознание и мозг”»). Но это, конечно, было бы не корректно. Концепция Е.М. Иванова подлежит обстоятельному анализу, что требует специальной работы. Помимо физикалистских подходов, она содержит объяснения сугубо философского типа. Важно поэтому хотя бы кратко остановиться на ее главных посылах.

Автор не различает психофизиологическую и психофизическую проблему. Первая является научной проблемой, содержащей, конечно, философские

¹ Дубровский Д.И. Новое открытие сознания? (По поводу книги Джона Серла «Открывая сознание заново»). Раздел 5 // Вопросы философии. 2003. № 7 (Перепечатано в книге: Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: Стратегия-Центр, 2007).

импликации. Вторая же представляет собой классическую философскую проблему (духовного и телесного, ментального и физического), для которой, конечно, не безразличны результаты научных исследований. Однако отношение между этими проблемами довольно сложное, требующее специального анализа. Меня интересует именно психофизиологическая проблема, пути ее научной разработки, научное понимание качества субъективной реальности (которое присуще и психике животных). Без четкого описания этого качества остается неясным, что же именно надо соотносить с мозговыми процессами. Такое описание на эмпирическом и тем более на теоретическом уровнях представляет немалые сложности, однако вполне достижимо для целей научных исследований (эти вопросы обсуждались во многих моих работах, поэтому я не стану на них останавливаться).

Именно качество субъективной реальности составляет наиболее трудный пункт объяснения сознания, взятого как в философском, так и в научном плане, что признает и Е.М. Иванов. Однако он «легко» преодолевает эти трудности, обращаясь напрямую к метафизическим постулатам. Такого рода постулаты, разумеется, неустрашимы из процесса интеллектуальной деятельности, связаны так или иначе с метанаучными и общенаучными категориальными структурами, которые непременно используются при решении сугубо научных проблем. Однако *прямое* объяснение феноменов субъективной реальности, исходя из какого-либо метафизического постулата, представляет весьма сомнительную ценность. У того, кто так поступает, имеются, по существу, только следующие главные возможности: это либо постулат о существовании

изначальной и всеобъемлющей духовной субстанции (позиция объективного идеализма), либо постулат о существовании двух изначальных субстанций — духовной и материальной (позиция дуализма, которая неявно содержит еще один постулат — о возможности взаимодействия этих двух субстанций), либо постулат о единственном существовании субъективной реальности (позиция субъективного идеализма, во многих отношениях самопротиворечивая, никогда не проводившаяся последовательно во избежание солипсизма), либо, наконец, постулат о «первичности» материи (позиция материализма в ее разных видах; для нее объяснение субъективной реальности представляет наибольшие теоретические трудности).

Философская позиция Е.М. Иванова являет собой некую смесь постулатов объективного идеализма и дуализма. Обратимся к его основным утверждениям и аргументации. Он заявляет, что «никакой логической связи между сколь угодно сложным поведением нейрональной сети и “ментальными” (субъективными) явлениями не существует» (речь идет как раз о «провале в объяснении», который я пытался преодолеть в своей концепции). Наука, по его мнению, не способна преодолеть этот разрыв. Концепция эмерджентизма несостоятельна (замечу, что она отвергается Е.М. Ивановым с помощью нескольких общих суждений, без какого-либо рассмотрения основательных работ таких авторов, как Дж. Марголис, нобелевский лауреат Р. Сперри, М. Бунге, тот же Дж. Серл и др.). Отсюда заключение автора: «Каким-то образом “вывести” субъективные психические явления из чего-то такого, что изначально никакой субъективностью, чувственностью, осмысленностью и т.п. не обладало, принципиально невозможно.

“Субъективное”, “ментальное” есть, следовательно, некое первичное свойство реальности, не из чего не выводимое и ничем не объяснимое. С этой точки зрения гораздо более приемлемым представляется т.н. “панпсихизм”, т.е. учение о всеобщей (хотя бы и зачаточной, элементарной) одушевленности материи. Следовательно, истоки сознания нужно искать не в усложнении организации функций мозга, а нужно искать на уровне первичных физических свойств материальных объектов».

А искать их особенно и не нужно, так как, по словам Е.М. Иванова, «сознание и материя – это не две различные сущности, а две стороны единой, духовной по своей природе субстанции». Знакомо, не правда ли? Вот так Е.В. Иванов «решает» интересующую нас проблему. При этом тезис о «единой, духовной по своей природе субстанции» развивается и конкретизируется следующим образом. Автор полагает, что его собственное Я укоренено в Абсолюте: «Я есть эмпирическая личность, но одновременно, я есть и Абсолютное Я». Это означает «наличие во мне Абсолюта (ВСЕГО)». А отсюда прямоком выводится бессмертие души: «мы можем совершенно определенно утверждать, что наша душа, наше Я в своей глубинной основе обладает сверхвременной природой и, следовательно, бессмертно». И еще одна цитата: «Поскольку Я не может быть создано, оно совечно Вселенной и, более того, оно также совечно Богу, т.е. тому началу, которое определяет сам факт существования, а также форму существования нашей Вселенной». Автор подчеркивает, что «вечное посмертное существование» присуще не только метафизическому Я, но и «нашему эмпирическому Я», что «физическая смерть сама по себе не уничтожает

возможности родиться заново». Он поддерживает «концепцию переселения душ», подробно рассуждает о том, какой может быть жизнь после смерти, предупреждает, что «единственное, о чем следует беспокоиться, – это “качество” той жизни, которая ожидает меня после смерти». Обо все этом можно подробно прочесть в обширных текстах Е.М. Иванова «Философия бессмертия» (научн. кн., 2001), «О скрытом в нас Боге» (научн. кн., 2001), выставленных в сети (к сожалению, приводя цитаты, я не мог указать страницы, так как в сетевом издании они не приведены).

Разумеется, дискуссия здесь бессмысленна. Мне остается лишь поздравить Е.М. Иванова с его твердой верой в собственное бессмертие и позавидовать ему.

Единственное возражение, которое я обязан еще высказать, касается попыток Е.М. Иванова «обосновать» свою философскую позицию и тезис о бессмертии души с помощью научных данных. Весьма странным выглядит у автора сочетание его приверженности к физикализму, когда он рассуждает о научных вопросах, с позицией, близкой к объективному идеализму. В работах Е.М. Иванова, особенно в его «Онтологии субъективного», содержится впечатляющий массив научных сведений из физики, биологии, физиологии, психологии и других дисциплин. Но эти данные выстроены большей частью весьма тенденциозно, их интерпретация, как правило, подчинена уже принятому убеждению, что память, мышление, человеческое Я обладают «экстранатуральной природой», что «дух не зависит от физического мозга» и т.п. Чего стоят, например, использование им псевдонаучных спекуляций вокруг реинкарнации,

парапсихологии, «жизни после смерти» и т.д. Е.М. Иванов охотно принимает за чистую монету субъективные отчеты лиц, переживших клиническую смерть, представленные к тому же в мистическом духе, в то время как действительные научные исследования так называемого «феномена жизни после смерти» оставлены без внимания. Могу порекомендовать уникальный труд проф. Л.М. Литвака (вышедший под моей редакцией и с моей вступительной статьей), автор которого, будучи известным психиатром и неврологом, сам пережил клиническую смерть, 26 дней оставался без сознания, из них 18 самостоятельно не дышал. Он не только тщательно проанализировал свой, как его называют, «околосмертный опыт» и мировую литературу по данной теме, но и осуществил широкий подход к изучению этого феномена (объединяющий психологический, психиатрический, нейрофизиологический, нейроморфологический, психоневрологический планы исследования). Всем, кто занимается проблемой сознания, эта книга может быть полезна во многих отношениях¹.

Отдавая себе ясный отчет в проблемности наших философских миропостроений, я предпочитаю материалистическую позицию. Хотя ее метафизические постулаты так же уязвимы (как все остальные), эта позиция получает наибольшую поддержку со стороны науки (эволюционная теория происхождения психики и сознания, успехи генетики, психологии и медицины и т.д.), исторического опыта, здравого смысла, практической деятельности, личного опыта

(моего и хорошо знакомых мне людей). Другими словами, материалистическая позиция имеет лучшие теоретические и эмпирические подтверждения, более эффективно противостоит химерам разума, субъективистскому своеволию и абсурду в человеческой жизни. Мирозрение материалистического характера обязывает к высокой ответственности, требует мужества духа, сохранения самостоятельности и достоинства личности, так как не существует никакого сверхличного разума и никакой сверхличной воли. Мы предоставлены самим себе и достойны той жизни и того будущего, которые вершим собственными руками.

Я уделил столь много места суждениям Е.М. Иванова потому, что сейчас критическое отношение к подобным концепциям, на мой взгляд, крайне актуально. Это связано с непомерным ростом в философии и во всей системе культуры всевозможных иррационалистических, религиозно-мистических тенденций, которые подрывают основания рационализма, науки и здравого смысла, питают, с одной стороны, воинствующий клерикализм, а с другой — активность невероятного множества магов, колдунов, экстрасенсов, ясновидцев, шарлатанов, выступающих в роли спасителей человека и учителей жизни. В условиях, когда интенсивно размывается грань между наукой и псевдонаукой, знанием и невежественными измышлениями, правдой и обманом, когда уходит твердая почва из-под ног, особенно важна философская рефлексия критериев реальности, критериев анализа и оценки предлагаемых концепций. Только таким путем можно создать для себя «твердую почву». Вместо этого «твердую почву» имитируют и предлагают нам сейчас столь расплодившиеся вестники Абсолюта —

¹ Литвак Л.М. Жизнь после смерти. Предсмертные переживания и природа психоза: опыт самонаблюдения и психоневрологического исследования. М.: Канон +, 2007.

Бога, Абсолютного Разума и т.п. Но если ты – вестник Абсолютного Разума, то говоришь нам нечто уже не от своего ограниченного ума, а от имени Абсолютного Разума. Вопрос: а на каком основании ты сподобился такой благодати? Этот вопрос можно адресовать и Е.М. Иванову.

Остро сознавая неопределенность будущего, неизбывную проблемность человеческого существования, в том числе в его отношениях с вечным и беспредельным, я убежден, что перво-степенная роль принадлежит сейчас именно рациональной философии, т.е. такому типу философской деятельности, который сохраняет рефлексивно-критическую установку и тесную связь с научным знанием, защищает позиции умеренного консерватизма, противодействуя разрушению

фундаментальных кодов жизни и культуры, стремится к теоретическому обоснованию выдвигаемых положений, требует четкой аргументации, логической последовательности и высокой интеллектуальной ответственности. Рациональная философия призвана выполнять терапевтическую функцию в системе культуры, противодействуя шизофреническим, параноидным, невротическим поползновениям разума. Она призвана противостоять нагнетанию абсурда и деструктивности, крепить внутреннюю самоорганизацию и мужество духа, не надеясь на пресловутый Абсолютный Разум, а всемерно поддерживать веру в творческие силы *человеческого разума*, ибо только эта вера способна генерировать энергию и волю, необходимую для решения глобальных проблем нашей цивилизации.

Е.Ю. Емельянова

СИСТЕМНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ПЕДАГОГИКЕ

Данная статья посвящена возможностям использования метода системно-синергетического моделирования в педагогике. В статье обозначена необходимость и сфера применения системно-синергетического подхода к образовательным задачам, указана актуальность соответствующих исследований.

Ключевые слова: системное моделирование, синергетика, педагогическая парадигма.

Человечество в XX и начале XXI столетий переживает огромное количество проблем, что заставляет говорить о «провале» («коллапсе») решений, системном кризисе культуры, антропогенетическом кризисе «несовершенного общества» и т.д. и т.п. Человек ежеминутно пребывает в проблемном пространстве в режиме с обострением, преобразовывающемся на наших глазах в пространство катастроф, например сегодняшней мировой финансовый кризис.

Аналитики образования признают, что традиционная система образования также находится в состоянии кризиса. Наблюдаются существенные противоречия между традиционной методологией педагогики, разрабатывавшейся на основе линейного мышления, линейной философии, и новыми социальными ценностями общественного развития, раскрывающими суть и смысл новой философии жизни, философии воспитания и образования. Традиционная модель образования в том виде, как она сложилась в рамках европейской культуры за последние несколько сот лет, слишком статична, монологична, ориентирована на дисциплинарное разграничение знания в виде относительно автономных, замкнутых систем хранения информации, которой надлежит быть «вложенной» в головы учащихся. Эта модель, будучи по преимуществу закрытой и близкой к равновесию, оказывается практически неспособной к развитию, а потому становится все более

неадекватной реальностям процесса глобальных изменений мира, вступающего, по выражению Э. Ласло, в эпоху бифуркации. В сложившейся ситуации необходимое развитие может получить системный подход, отражающий синергетическую основу постнеклассической методологии систем.

Конкретную форму реализации системного подхода представляет собой метод системного моделирования. Его использование в педагогике должно осуществляться с учетом важной особенности общенаучной методологии исследования систем, которая состоит в том, что установление новых общесистемных закономерностей на постнеклассическом этапе развития науки самым существенным образом определила теория самоорганизации. Исходя из этого вполне оправданно характеризовать современный системный подход как системно-синергетический подход, который применительно к методологии педагогики трактуется как направленность исследовательской деятельности на выявление в сфере образования самоорганизующихся систем и использование синергетических принципов для описания закономерностей развития этих систем.

Определенные предпосылки решения этой проблемы открывает синергетика (гр. *sinergeia* — совместное действие) — одно из ведущих научных направлений, обозначенное в современной культуре как естественно-научный

вектор развития теории нелинейных динамик. В настоящее время синергетика гипотетически рассматривается и как новая методология научного познания, ориентированная на постижение целостной картины мира, и как единая теория эволюции и самоорганизации, ориентированная на поиск универсальных законов эволюции и самоорганизации открытых, неравновесных и нелинейных систем, и как новая философская парадигма.

Активное изучение с 90-х гг. возможности применения категориального аппарата синергетики в исследовании педагогических явлений, в частности процессов самоорганизации и эволюции педагогических систем, способствовало рождению нового направления, обозначенного многими исследователями как педагогическая синергетика, или самоорганизация в образовании и воспитании. В работах многих ученых, положивших начало исследованиям в направлении «синергетики образования», исследуются синергетические закономерности учебно-познавательной и самовоспитательной деятельности, раскрываются теоретико-методологические и методические аспекты процесса становления творческой самоорганизующей личности.

Основа для исследования проблем современного образования с синергетической позиции заложена в теории оптимизации учебной деятельности, в теории системного подхода к организации учебного процесса, в теории педагогической деятельности, в теории творческого саморазвития и самовоспитания личности, в теории проблемно-развивающего обучения (В.В. Давыдов, Л.В. Занков, И.Я. Лернер, М.И. Махмутов и др.), в концепции личностно ориентированного обучения, в концепции социального становления воспитанника в процессе социализации.

Большим научным открытием в контексте взаимосвязи синергетики и

педагогике является создание Н.М. Таланчуком в 60–90-х гг. системно-синергетической педагогической теории (авторское определение), которая, по оценкам ученых и практиков, является началом новой парадигмы в воспитании и образовании, началом нового этапа развития педагогической теории и практики. Данная системно-синергетическая педагогическая модель может считаться новой педагогической парадигмой. Она базируется на принципиально новой методологии – системно-синергетической философии, выдвигающей перед обществом парадигмальную задачу – обеспечить смену философии жизни. Осуществление этой задачи предполагает освоение и утверждение новой философии образования и воспитания, новых ценностей и целей образовательно-воспитательной системы, новых функций и принципов деятельности школы, нового содержания и технологий обучения и воспитания.

Системно-синергетический подход позволяет установить целостную взаимосвязь педагогической генеалогии личности, системно-ролевой теории воспитания, синергетической теории воспитательного взаимодействия, системно-функциональной теории воспитательной деятельности и самовоспитания личности, теории внеучебной воспитательной работы как системы ориентированного человековедения, системно-синергетической теории обучения. Большинство этих теорий сегодня хорошо знают и используют в практике многие педагоги. Однако в нашей стране эта информация недостаточно систематизирована и структурирована для использования в педагогической среде. Поэтому крайне необходимо объединить эти теории в системную модель, доступную для освоения и применения педагогами при решении образовательных и воспитательных задач.

Ее возникновение позволит перейти к новому (системному) типу мышления и действия, новым способам преобразования педагогической действительности. А для того, чтобы обеспечивать непрерывное выполнение этой миссии, системно-синергетическая педагогическая модель должна постоянно развиваться и обновляться. Таким образом, совершенно очевидно, что педагогическая теория и практика остро нуждаются в исследованиях, в которых была бы системно представлена целостная картина становления и развития новой педагогической парадигмы: выявлены объективные предпосылки ее происхождения, определены основные этапы ее становления, исследованы ее дальнейшие потенциальные возможности в преобразовании учебно-воспитательного процесса. Возникла необходимость учесть в рамках системно-синергетической философии при объяснении законов системного синергетизма, источников и движущих сил развития систем (педагогических систем) результаты последних исследований в области синергетики, особенно ее взаимосвязи с гуманитарными и социальными науками.

Системно-функциональная теория педагогической деятельности также нуждается в построении адекватной модели. Следует также обратить внимание на недостаточную разработанность педагогической деятельности на микроуровне, а также на отсутствие объективного анализа сущности и природы педагогических операций и приемов. Все это не только препятствует дальнейшей разработке и практической реализации микропроцессуальной (системно-операциональной) теории педагогической техники и педагогических технологий, но и не позволяет глубже понять сущность и природу педагогического мастерства.

В системно-функциональной теории самовоспитания личности отсутствует элементарный анализ самовоспитательных функций, обеспечивающих ориентирование в саморазвитии, что осложняет процесс самовоспитания учащихся и создает им определенные трудности в формировании ориентировочной основы поведения и деятельности.

Весьма актуальным представляется определение методологических принципов обучения, основных требований к гармоническому построению процесса обучения как системного ориентированного человековедения, рассмотрение методов обучающей деятельности педагога.

Исследователи отмечают, что реализация синергетической парадигмы мышления в образовании позволила бы стимулировать процесс самообразования, ориентироваться в сложноорганизованных базах данных и разветвленных системах знаний, сделать обучение более интерактивным, использовать технологии креативного менеджмента, осуществить ускоренный переход к новым, модифицированным структурам знаний и поведения, кардинально перестроить конфигурацию сознания субъектов образовательного процесса.

Процесс обучения, связь обучаемого и обучающего позволяет обнаружить скрытые потенции на перспективные тенденции собственного развития.

Я считаю, что только используя модели педагогических объектов, построенных с использованием методологии и аппарата системно-синергетического моделирования, и опираясь на результаты внутримодельного исследования, можно надеяться на получение новых представлений о глубинных закономерностях, взаимосвязях и даже законах, которые неизбежно придадут методике обучения новую научную значимость.

Ю.Н. Лазарева

КОСМЕТОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕЛЕСНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПСИХОЛОГИИ

В статье предпринята попытка с точки зрения телесно-ориентированной психологии проанализировать влияние стрессовых переживаний на фенотипические особенности человека.

Ключевые слова: телесно-ориентированная психология, стресс, косметология, интеграция.

Красота тела на сегодняшний день очень актуальная тема. Для ее поддержания сегодня применяется масса средств и методов. Естественное старение и увядание организма для многих составляют целую глобальную проблему, выступают в качестве сильнейших стрессогенных факторов. Огромное количество клиник, центров и салонов красоты заняты решением данной проблемы, стараются изыскать и применить различные средства и способы помощи. Но в основном все их действия направлены на избавление от внешних проявлений старения, а ведь проблема залегает гораздо глубже.

Подходя к корням проблемы, можно отметить следующее. Высокие темпы технического прогресса, быстрая дестабилизация различных сфер жизнедеятельности, огромная масса информации заставляет человека развиваться и приспосабливаться. Все это сопряжено с возникновением стрессовых ситуаций различной этиологии. Влияние плохой экологии, психогенного «оружия», да и просто гонка за быстрыми темпами жизни приводят к разбалансировке различных структур человеческой организации.

На физиологическом уровне развитие стрессовых нарушений происходит в несколько фаз (по Г.И. Косицкому):

1. Фаза ВМА — внимание, мобилизация, активность.

2. Фаза СОЭ — стенические отрицательные эмоции.

3. Фаза астенических отрицательных эмоций.

4. Фаза срыва адаптации (невроз).

Первая фаза характеризуется нормальными адаптивными сдвигами, необходимыми для решения возникшей проблемы. Вторая фаза возникает при неуспешности первой. Гнев и агрессия — это попытка сверхнапряжения человека, мобилизация всех ресурсов. Во время этой фазы организм находится в сильнейшем напряжении, сердечно-сосудистая система может давать сбои. Третья фаза характеризуется присутствием тоски и отчаяния, возникает депрессия из-за невозможности выхода из психотравмирующей ситуации. Постоянно присутствующие отрицательные эмоции переходят в «застойное» состояние. В теле формируются очаги сверхнапряжения и сверхрасслабления. Великий режиссер и знаток эмоций К.С. Станиславский называл эти очаги «мышечными зажимами», а И.М. Сеченов рассуждал о них как о «темном мышечном чувстве». Все это создает телесный панцирь, «эмоциональные оковы», которые не позволяют человеку вести нормальную жизнедеятельность. И если эта фаза не разрешается, возникает следующий этап, во время которого организм начинает отвечать развитием психосоматических заболеваний и неадаптивными формами психологического реагирования.

Это влияет на различные физиологические функции организма, вызывая их значительные изменения. Резюмируя сказанное, можно отметить, что неправильная реакция на изменяющиеся темпы жизни или даже просто незнание законов развития может привести человека к различным заболеваниям, в частности к преждевременному износу и старению организма.

Если коснуться данной проблемы более узконаправленно и обратить внимание на сферу жизни – косметологию, то выходит следующее. Культивирование в обществе темы борьбы со старением и гонкой за идеальными формами и пропорциями заставляет женщину тратить огромное количество времени и средств. Морщины – «враг» народа номер один. А ведь все это является результатом, итогом ускоряющихся темпов жизни. Постоянные стрессы и плохая экология «портят» нас. Обращая внимание на физиологические процессы, протекающие в организме во время постоянно присутствующих стрессовых факторов, можно проследить и за тем, что же происходит на маленьком, но сакральном участке нашего тела – лице.

Лицо человека – это своеобразный экран, на котором проецируется внутреннее состояние человека, его психологическая и эмоциональная составляющая. Инструментом, который воспроизводит это состояние, являются мимические мышцы. Они очень специфичны и по анатомии, и по физиологии. Отличны от простых скелетных мышц тем, что с одной стороны крепятся к кости, а вот с другой прорастают в ткани. Это обусловлено их работой, отображением различных эмоциональных состояний, т.е. нашего внутреннего мира.

Обращая внимание на реакции организма на стресс, можно представить, что же происходит с лицом, а в частности с мимическими мышцами. Постоянное

преобладание отрицательных эмоций создает повышенный мышечный тонус, который в итоге приводит к возникновению зажимов и блоков. Другие же мышцы неучастны, поэтому происходит их провисание. Следствием всего является некрасивая «гримаса», с которой женщина рано или поздно начинает бороться, тратя при этом массу средств и времени.

Обратной и неприятной стороной этого процесса является интересная взаимосвязь. Не прибегая к разрешению возникших проблем, существующее состояние мимической мускулатуры может послужить триггером для запуска тех же состояний и процессов, которые и привели к конечному результату. Образуется замкнутый круг.

Самое интересное, что все косметические процедуры, направленные на избавление от последствий стрессов, не смогут дать стойкого результата, т.к. не изменившийся психологический и эмоциональный компонент человека в итоге снова приведет к подобному результату. Необходим грамотный способ помощи в возникшей ситуации.

Таким способом может выступить интеграция телесно-ориентированной психологии и косметологии, рождение новой парадигмы. Расширяя границы знаний о человеке, более глубоко внедряя психологическое знание, следует целостно подходить к профессиональному образованию косметолога, включая психологию тела как один из основных предметов.

Литература

1. *Козлов В.В.* Работа с кризисной личностью. Метод. пособие. 2-е изд., доп. М.: Психотерапия, 2007.
2. *Сандомирский М.Е.* Как справиться со стрессом. М., 1995.
3. *Сандомирский М.Е.* Психосоматика и телесная психотерапия: практическое руководство. М.: Независимая фирма «Класс», 2005.
4. *Тимошенко Г.В., Леоненко Е.А.* Работа с телом в психотерапии: практическое руководство. М.: Психотерапия, 2006.

М.М. Решетников

КАКОЙ КРИЗИС МЫ ПЕРЕЖИВАЕМ?

Прогнозирование состояния, поведения и деятельности людей в экстремальных и кризисных ситуациях

Исходя из общих закономерностей психических и поведенческих реакций людей в условиях острых экстремальных и кризисных ситуаций, автор предпринимает попытку экстраполяции этих закономерностей на современную социальную и экономическую ситуацию, законы и механизмы реакций на которую, как предполагается, должны быть во многом аналогичны с реакциями на другие кризисные ситуации.

Ключевые слова: психические и поведенческие реакции, кризис, законы и механизмы преодоления кризиса.

I

В публикуемом материале будут представлены общие закономерностей психических и поведенческих реакций людей, развивающихся в условиях острых экстремальных и кризисных ситуаций (с угрозой для жизни, утраты здоровья, материального и социального статуса). Во второй части публикации будет предпринята попытка экстраполяции этих закономерностей на современную социально-экономическую ситуацию, законы и механизмы развития которой, как предполагается, должны быть во многом аналогичными.

В основу предлагаемой гипотезы и прогноза легли многолетние исследования психических и поведенческих реакций больших масс людей в процессе стихийных бедствий, войн, экологических и техногенных катастроф [3–15], а также обобщения других авторов [1, 2, 16–22], посвященные массовой психической травме и кризисным реакциям в социуме.

Характерной особенностью наблюдаемых психических и поведенческих реакций во всех подобных ситуациях является определенная «автономность» их развития и относительно строгая

последовательность сменяющих друг друга стадий, реализуемых в своеобразном «навязанном» режиме с достаточно четкими временными рамками и специфическими проявлениями на каждом конкретном этапе. *При этом длительность и специфика первых (острых стадий) в большинстве случаев давала соответствующий прогноз на протяженность и характерные проявления всех последующих.* Эта стадийность, как показывает многолетний опыт исследования массовых психических травм, характерна как для отдельных личностей, так и для больших масс людей, включая тех, кто принимает и реализует общественно значимые решения.

Перечислим эти стадии и дадим их краткую содержательную характеристику.

1. «Витальные реакции». При внезапной и мощной психической травме протяженность этой стадии составляет от нескольких секунд до 15 минут. Поведение практически полностью подчинено императиву выживания с характерным сужением сознания, нарушением восприятия времени, силы внешних и внутренних раздражителей. Моральная регуляция в этот период как бы «отключается». Достаточно типична

реализация преимущественно инстинктивных форм поведения (ориентированных на спасение в первую очередь самого себя, затем — своей семьи и своего имущества) с последующим переходом в кратковременное состояние оцепенения. Существенно, что выход из этого состояния в ряде случаев связывается с внешним побуждением формальными или неформальными лидерами, роль которых в подобных ситуациях значительно возрастает.

2. Стадия «острого эмоционального шока с явлениями сверхмобилизации». Как правило, она развивается вслед за состоянием оцепенения и длится от трех до пяти часов. Характеризуется общим психическим напряжением, предельной мобилизацией психических и физиологических резервов организма и личности, обострением восприятия и увеличением скорости мыслительных процессов, проявлениями безрассудной смелости (преимущественно при спасении близких и своей собственности) при одновременном снижении способности к критической оценке ситуации, но сохранении возможности целесообразной деятельности (в ряде случаев реализуемой хаотически).

3. Затем развивается «психофизиологическая демобилизация», которая в среднем продолжается до трех суток. В этот период обычно приходит более ясное осознание масштабов той или иной личной или общественной трагедии, которое сочетается с заметным ухудшением психоэмоционального состояния и определенной «аутизацией» («уходом в себя»), преобладанием чувств растерянности и отчаяния, отдельными паническими реакциями (особенно при утрате близких, материального или социального статусов). Резко снижается моральная нормативность поведения, эффективность любой деятельности

и мотивация к ней, страдают функции внимания и памяти, преобладают депрессивные тенденции, вплоть до отказа от каких бы то ни было попыток преодоления сложившейся ситуации. Резко возрастает количество ошибочных действий и решений. Возможна ситуационно обусловленная алкоголизация и реализация импульсивных действий преступного характера (в основном в имущественной и сексуальной сфере). Ярко выражено (в ряде случаев ничем не обоснованное) чувство вины и потребность его проекции вовне, в первую очередь переадресация всех обвинений на наличную власть (и персонализирующих ее лидеров), даже в случаях стихийных бедствий, которых последняя никак не могла предвидеть или предотвратить.

4. Последующая динамика состояния людей и их способности к рациональной деятельности определяются как спецификой и длительностью воздействия повреждающих факторов, так и причиненным индивидуальным или общественным ущербом. Вслед за стадией демобилизации (при относительно высокой вариативности сроков — через 3—12 суток) с достаточным постоянством наблюдается развитие «стадии разрешения», в процессе которой постепенно стабилизируется состояние, самочувствие и способность к рациональным решениям и деятельности как отдельных индивидов, так и социума в целом. Тем не менее у большинства пострадавших (до 70 %) сохраняется пониженный эмоциональный фон, склонность к медлительности, ажитации и выраженная потребность вербализации воспоминаний о пережитом (преимущественно негативного характера с элементами героизации собственной личности или своей референтной группы). Одновременно с этим наблюдается рост

психосоматических жалоб, связанных с сердечно-сосудистой и нервной системами, а также желудочно-кишечным трактом. Характерны признаки острого эмоционального «выгорания» и хронического переутомления, даже если для последних нет явных причин.

5. «Стадия восстановления» психофизиологических функций, включая активное социальное функционирование, начинается преимущественно с конца второй недели после массовой психической травмы, и наиболее отчетливо проявляется в поведенческих реакциях: интенсифицируется и становится более адекватным межличностное общение, постепенно восстанавливается активная жизненная позиция и формируются предпосылки для новых планов на будущее. В то же время состояние соматической сферы на протяжении многих месяцев может оставаться без существенных позитивных изменений. В последующем у 10–12 % пострадавших возможно развитие транзиторных и стойких психопатологических расстройств, которые можно было бы объединить понятием «отставленных реакций», развивающихся примерно через месяц (шестая стадия) и затем переходящих в седьмую стадию – «отдаленных последствий». В качестве последних заслуживают особого упоминания: групповые и массовые неврозы в форме «вспышек» социальной нестабильности; появление ранее не характерных для данной местности, для конкретных категорий населения или социальных групп форм преступности; снижение межнациональной и межконфессиональной толерантности; рост первичной заболеваемости, включая психические расстройства, алкоголизм и наркоманию; падение рождаемости и распад семей. Если массовой психической травме подверглась некая изолированная

территориально или та или иная отдельная социальная или национальная группа, описываемые проявления носят преимущественно локальный характер, тем не менее всегда присутствует некоторая тенденция к генерализации «отдаленных последствий» на «сопредельные социальные пространства». Все эти негативные процессы обычно демонстрируют тенденцию к снижению в течение первых двух–трех лет, а затем вновь начинают нарастать, достигая 150–200 % от исходного уровня через 10 лет [21, 22].

II

Исходя из того, что длительность и специфика первых (острых) стадий в большинстве случаев дает соответствующий прогноз на протяженность и динамику всех последующих, попытаемся экстраполировать установленные ранее закономерности на современный социально-экономический кризис. Примем за исходную точку наших (весьма приближительных) расчетов период от начала кризиса в августе 2008 г. до первых реакций ведущих стран мира, направленных на спасение собственных экономик путем массивованных финансовых «инъекций» в банковский сектор. Этот период, целью которого было исключительно выживание региональных финансовых систем (т.е. соответствовал периоду «витальных реакций»), составлял от одного до двух месяцев. То, что банки всех стран использовали финансовую поддержку государства не всегда на четко обозначенные цели, в этой ситуации также естественно (витальные реакции не предполагают размышлений о судьбе ближних, морали или нравственности, главное – спасти себя).

Вслед за этим мы явно наблюдали стадию «сверхмобилизации» интеллектуальных и управленческих ресурсов всех ведущих стран мира. Эта стадия,

судя по всему (включая итоги форума в Давосе), все еще продолжается, так как никаких сколько-нибудь убедительных и обнадеживающих решений всемирной проблемы пока нет, включая отсутствие каких-либо ясных представлений о причинах и механизмах развития актуального мирового кризиса.

Экстраполируя временные параметры выявленных ранее закономерностей, мы можем предположить, что эта стадия (сверхмобилизации с попытками найти адекватные решения) может продлиться от 12 до 18 месяцев (до 2010 года). Весьма вероятно, что именно такой период потребуется для формирования критической оценки ситуации, при этом, скорее всего, будет осознана потребность отказа от традиционных методов разрешения кризиса и безуспешность попыток возвращения мировой финансовой системы к status quo.

Как бы не хотелось делать прогноз о мало приятной стадии «демобилизации», скорее всего, ее также вряд ли удастся избежать. Можно предполагать распад экономических связей и упадок целых отраслей еще недавно эффективного производства или бизнеса, которые коснутся многих стран. В первую очередь можно было бы предполагать снижение спроса на высокочрезвычайно дорогие и не входящие в перечень жизненно важных товары и услуги, перепроизводство которых уже давно и всем очевидно. Одновременно с ростом безработицы возможно массовое снижение моральной нормативности населения, рост алкоголизма, преступности и социальной напряженности в обществе. Если не появятся каких-то прорывных идей и решений мирового масштаба, этот период может ориентировочно продлиться до 2012 года.

Последующая социально-экономическая ситуация будет определяться

преимущественно степенью причиненного ущерба. Однако к этому периоду существенно повысится способность к реальной оценке ситуации, формированию прорывных идей и рациональных решений, которые, скорее всего, качественно изменят существующий мировой порядок, возможно включая отказ от «канонических» идей либеральной модели экономики и их последующих модификаций. Вслед за этим начнется стадия восстановления, если исходить из предложенной гипотезы – к 2013 году.

III

Мы привыкли определять деньги как «всеобщий эквивалент», а в последние десятилетия – еще и как «специфический товар, не подлежащий длительному хранению» [14], и при этом совершенно не учитывается то, что они – отвлеченная категория, такая же, как совесть, нравственность или мораль. Их ценность имеет исключительно психологическую природу и существует только в нашем сознании (в природе денег нет). К этому следует добавить, что мы все еще не овладели методами рационального контроля над их использованием и обращением. Составляя часть института свободного рынка, они дают потребителю, казалось бы, самые эффективные, но на самом деле весьма ограниченные возможности контроля над производством, не говоря уже о распределении прибыли. Порочность этого механизма усиливается в эпоху информационного взрыва путем навязываемого рекламной параноией роста спроса на множество ненужных и многократно превышающих потребности личности и общества товаров и услуг – по сути, не обладающих никакой реальной потребительской стоимостью. Примечательно, что постепенно и сами деньги

трансформируются в нечто подобное, приобретая исключительно количественные и утрачивая свои качественные характеристики («всеобщего эквивалента»).

В принципе, нужно быть психологически готовыми к тому, что воспоминания о нынешнем социально-экономическом кризисе, как о чем-то принадлежащем прошлому, будут возможны не ранее 2015 года. Самое главное в этой ситуации — поддержание социальной стабильности в обществе и сохранение доверия к власти, что налагает особые обязательства на все действующие партии и движения, на власть — ответственность за активное предотвращение любых попыток дестабилизации, а на гуманитарное сообщество — за активную социальную терапию. Этот тезис не стоит воспринимать как призыв «победить кризис введением автократии»; он предполагает прежде всего твердую политику государства с опорой на здоровый ресурс общества с постепенным формированием качественно иного уровня общественного доверия и социального партнерства между властью и народом.

Самостоятельной задачей является максимальное раскрепощение частной инициативы и последовательная стимуляция личной ответственности граждан, способных к преодолению затяжного кризисного периода на основе самозанятости в реальном секторе экономики и самообеспечения, в первую очередь — продуктами и товарами первой необходимости. Пока, как представляется, преобладает установка на преемственность и приверженность либеральным ценностям в сочетании со своеобразным консервативным прагматизмом. Причины достаточно очевидны: нет новой идеологии мирового общественного развития и, соответственно, нет идеологии преодоления кризиса,

так же как и реальной межпартийной и научной дискуссии. Предлагаются многочисленные проекты и предпринимаются попытки сугубо «технических подходов» к проблеме «Что сломалось и как исправить?». Но главный вопрос состоит в том, что эти «Что», «Где» и «Как» относятся к тому, чего мы пока не знаем, а именно: не присутствуем ли мы при очередном повороте колеса истории? Мы (россияне) долго привыкли к мысли о безвозвратной гибели коммунизма, но пока даже не допускаем мысли о том, что такая же участь может ожидать и его alter ego. С этой точки зрения у нас, переживших смерть мифа «о светлом будущем всего человечества», есть некоторое преимущество в оценке наличного состояния «общества потребления и всеобщего благоденствия» (по сути такого же мифа).

По каноническому определению реальный сектор экономики связывается с тремя факторами: материальным производством, получением прибыли и наполнением бюджета. В условиях затяжного кризиса, вероятно, можно было бы сузить это понятие до «материального производства товаров и услуг, необходимых для обеспечения жизнедеятельности населения», включая образование, науку, культуру и здравоохранение. В этот список, безусловно, должна быть включена оборона, ибо, как свидетельствует история, экономические противоречия во многих случаях перерастают в военные конфликты.

Для всех остальных сфер экономики, даже несмотря на их важность для наполнения бюджета, таких, как сфера развлечений, предметы роскоши, социально-пагубные товары и услуги (алкоголь, табак, казино и т.д.), а также для рекламы, и особенно рекламы расточительного стиля жизни, следовало бы создать существенные ограничения

(не столько законодательные, сколько моральные, с опорой, как уже отмечалось, на здоровый потенциал общества). Несмотря на предолимпийские годы, здесь можно было бы упомянуть и спорт, который уже давно является высокочрезвычайно затратным коммерческим предприятием, где соревнуются не столько люди, сколько технологии, и все это имеет весьма сомнительное отношение к проблеме сохранения и укрепления здоровья нации. В то же время требуется особое внимание к социально-психологическим факторам, в первую очередь пропаганде собственной ответственности (за себя и свою семью) и упорного личного труда граждан, как единственного способа достижения материального и социального благополучия. Многократно декларируемая стабильность социальной поддержки государства, которую Председатель Правительства РФ 26 февраля 2009 года назвал «социальным демпингом», вряд ли обладает стимулирующим и мобилизующим эффектом, скорее — наоборот.

В последние месяцы стал очень модным тезис о санации экономики, в первую очередь убыточных предприятий. Эта, казалось бы, здравая мысль при более пристальном взгляде может оцениваться как адекватная лишь для периода стабильности как в социуме, так и на рынке труда. Санация, безусловно, нужна, но не столько в экономике, сколько в сфере общественной морали и нравственности на всех уровнях. И в этих обеих сферах требуются прорывные решения. Хотелось бы надеяться, что они возможны. В частности, в то время, когда во всем мире идет сокращение рабочих мест, должно существовать решение, обеспечивающее их увеличение, в том числе не только для граждан страны, но и для уже имеющих и потенциальных мигрантов.

Такое решение было бы стратегически чрезвычайно важным, особенно для посткризисного этапа развития страны.

В целом нынешний кризис весьма условно можно именовать «экономическим». Он не связан с неурожаем, перепроизводством, истощением энергоносителей, человеческих, водных или иных ресурсов. Как представляется, его причины непосредственно связаны с кризисом тех гуманитарных концепций, которые лежали в основе формирования современного общества.

В заключение следует подчеркнуть, что здесь излагается только психологический прогноз, который весьма «уязвим» и не может рассматриваться вне связи со всеми другими факторами — экономическими, политическими, социальными, идеологическими, экологическими и т.д. Тем не менее необходимо особо отметить, что кризис переживает не экономика, а люди, и, следовательно, программа антикризисных мер должна в первую очередь апеллировать к сознанию людей, к наполнению их жизни содержанием и смыслом — зачем и ради чего им следует не «потерпеть» еще раз, а преодолеть эту историческую (для нас всех) и жизненную (для каждого) ситуацию. Нет сомнений, что кризис будет преодолен, но уже сейчас нужно думать о том, какими мы выйдем из него?

Литература

1. *Боулби Дж.* Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академический проект, 2004.
2. *Калшед Д.* Внутренний мир травмы. М.: Академический проект, 2001.
3. *Решетников М.М., Баранов Ю.А., Мухин А.П., Чермянин С.В.* Психологические аспекты состояния, поведения и деятельности пострадавших в очаге стихийного бедствия (Спитакское землетрясение) // Психологический журнал АН СССР. 1989. Т. 10, № 4. С. 125–129.

4. Решетников М.М. Психологические основы прогнозирования эффективности боевой деятельности личного состава. Рукопись диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. Ленинград: Военно-медицинская академия, 1989. М.: Инв. № 766-сс Института психологии РАН. (Рассекречено в 2008 г.).
5. Решетников М.М., Баранов Ю.А., Мухин А.П., Чермянин С.В. Уфимская катастрофа: особенности состояния, поведения и деятельности людей // Психологический журнал АН СССР. 1990. Т. 11, № 1. С. 95–101.
6. Решетников М.М., Баранов Ю.А., Мухин А.П., Чермянин С.В. Психофизиологические аспекты состояния, поведения и деятельности людей в очагах стихийных бедствий и катастроф // Военно-медицинский журнал МО СССР. 1991. № 9. С. 11–16.
7. Решетников М.М. Как построить индивидуальную программу антикризисного поведения // Психологический журнал. 1998. № 10 (37). С. 12–15.
8. Решетников М.М. Психологические аспекты локальных войн // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. СПб.: Звезда, 2001. С. 269–277.
9. Решетников М.М. Глобализация – самый общий взгляд // Телескоп, 2002. № 1. С. 3–9.
10. Решетников М.М. Бедность в современной России: анализ проблемы. М.: Научно-экспертный совет при Председателе Совета Федерации РФ Федерального Собрания РФ, 2003. С. 131–142.
11. Решетников М.М. Современная демократия: тенденции, противоречия, исторические иллюзии // Психология власти. Материалы Международной конференции «Психология власти» / под ред. А.И. Юрьева. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 68–76.
12. Решетников М.М. Психическая травма. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2006.
13. Решетников М.М. Психическое расстройство. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2008.
14. Решетников М.М. Психология коррупции. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2008.
15. Решетников М.М. Неочевидный образ будущего // Стратегия России. № 4 (52). 2008. С. 61–70.
16. Фрейд З. Своевременные мысли о войне и смерти // Russian Imago-2001. Исследования по психоанализу культуры. СПб.: Алетея, 2002. С. 30–48.
17. Яценко К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994.
18. Freidman M. Post Traumatic Stress Disorders. The Latest Assessment and Treatment Strategies. Kansas City: Compact Clinical, 2000.
19. Horowitz M.J. Stress Response Syndromes: Character Style and Dynamic Psychotherapy // Archives of General Psychiatry. 1974. N 31. P. 768–781.
20. Miller T., Martin W., Spiro K. Traumatic Stress disorder // Comprehensive Psychiatry. 1989. Vol. 30. P. 139–148.
21. Najarian L.M. Establishing Mental Health Services in former Soviet Union: the American experience after the earth-quake // Bridging Eastern and Western Psychiatry. 2004. Vol. II, N 1. P. 37–45.
22. Volcan V. Traumatized Societies // Violence or Dialogue? Psychoanalytic Insight on Terror and Terrorism. London: International Psychoanalytic Association, 2003. P. 217–247.

Е.В. Улыбина, А. Ленсмент, И. Ахмет

СВЯЗЬ БАЗОВЫХ УБЕЖДЕНИЙ С ОТНОШЕНИЕМ К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ АУТГРУППЫ НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЯ РУССКИХ К ЭСТОНЦАМ

В статье рассматривается отношение к представителям аутгруппы в зависимости от объективных и субъективных факторов. В качестве объективных факторов выступает статус этнического меньшинства по отношению к аутгруппе, а в качестве субъективных – уровень выраженности базовых убеждений субъекта. Для русских, живущих в Эстонии, эстонцы занимают положение титульного большинства, чье положение оценивается как привилегированное. Русские, живущие в России, составляют контрольную группу, для которой эстонцы не являются этническим большинством. Полученные результаты показывают отсутствие значимых различий в уровне враждебности по отношению к эстонцам у русских, живущих в России, и русских, живущих в Эстонии. Выявлены значимые различия в выраженности базовых убеждений у испытуемых, испытывающих и не испытывающих враждебность по отношению к эстонцам.

Ключевые слова: базовые убеждения, межгрупповые отношения, межгрупповая дискриминация.

В последние десятилетия проблема межкультурных отношений получила высокую общественную значимость, что стимулировало рост психологических исследований в этой области. Мы живем в мультикультурном и мультинациональном мире, в котором невозможно избежать взаимодействия с представителями других культур. Согласно теории социальной идентичности характер межгруппового восприятия существенно связан с процессом самокатегоризации. Отождествление с группой «хороших» дает индивиду ощущение комфорта, повышает самооценку через противопоставление членам других групп. «Мы будем хорошо себя чувствовать и принимать себя, если воспримем свою группу как адекватную и самую лучшую... Позитивное межгрупповое социальное сравнение (мы лучше, чем они) представляет собой мощное средство для установления или поддержания “социальной” идентичности членов

группы» [2, с. 177]. Принадлежность к группе меньшинства, живущего в окружении представителей другой – доминирующей – культуры, может потенциально снижать самооценку субъекта, формируя у него негативную идентичность. Хотя сценарии адаптации человека в окружении инокультурного большинства разнообразны, и многие из них могут быть успешны и вести к обогащению и развитию личности, признается, что ситуация все равно остается стрессовой.

Представители русской диаспоры в Эстонии около 20 лет назад оказались в психологически невыгодном положении этнического меньшинства. В многочисленных социологических исследованиях [3, 11–13, 15, 16, 19 и др.] отмечается, что в начале 90-х гг. русские переживали ощутимый дискомфорт, связанный с психологической реакцией на новый статус [15]. Если в Западной Европе большая часть постсоветских

эмигрантов нацелена на ассимиляцию [8], то в Эстонии, в силу неожиданного для многих быстрого изменения статуса представителя титульной нации на статус эмигранта, большая часть русскоязычной этнокультурной группы вначале была настроена на сегрегацию. Тем более, что, кроме шока от неожиданности перемены статуса, были и другие веские причины: незнание эстонского языка и принятое в наследство от царской России и культивированное в советское время высокомерное отношение представителей русской культуры к представителям других культур [6, с. 200]. Многие русские в Эстонии не смогли справиться с ситуацией и до сих пор. По мнению тартуских социологов, «воспроизводство социальной депривации среди меньшинства уже является частью процесса культурного воспроизводства» [3, с. 112]. Отмечается формирование признаков негативной этнической идентичности, при которой собственная национальность рассматривается как помеха в социальной адаптации: «Русские в основном убеждены в том, что этническая принадлежность играет решающую роль в продвижении в эстонском обществе. Это объясняет ситуацию, однако также может служить барьером, который не позволяет людям пытаться вступать в новые отношения и социальные сети» [3, с. 112]. Особенно остро, как показывают исследования, это сказывается на представителях подрастающего поколения. Так, согласно данным Л.И. Алексеевой [1], дети и подростки этнических меньшинств проявляют большую фрустрированность, а также большую толерантность, чем сверстники преобладающего по численности этноса. В диссертации А.М. Кушнира, выполненной на материале длительного включенного наблюдения жизни саамов, представлены данные о

том, что у малочисленных народностей развивается ярко выраженный комплекс этнической неполноценности, снижается самоуважение и происходит нарушение личностной идентичности [4].

В то же время исследователи отмечают, что в настоящее время уровень адаптации русской диаспоры в странах Балтии существенно повысился [11–13, 16]. Согласно данным Симоняна, русская община в значительной степени адаптировалась. В наибольшей степени это касается молодых людей, выросших в Эстонии. Они, по мнению Симоняна, «отличаются от своих российских сверстников деловитостью, практичностью, трудолюбием. ...Они с самого начала не могли рассчитывать на чью-либо помощь и были поставлены в условия жесткой борьбы за выживание. ...Здесь их называют “еврорусскими”... Их меньше интересует проблема самобытности, в их мироощущении определяющую роль играет не столько национальное, сколько региональное сознание, т.е. социально-психологический феномен объединения людей не по этническому, а по территориальному признаку» [12, с. 52]. Однако, по мнению В. Якобсона [16], говорить о формировании нового идентитета «еврорусских» несколько преждевременно. Многочисленные исследователи, занимавшиеся изучением формирования идентичности русскоязычных в Эстонии, сходятся во мнении о наличии множественности идентичностей, которые не вступают в конфликт, а дополняют друг друга [16, с. 23]. Характеризуя используемые стратегии адаптации, Якобсон отмечает, что большая часть русских в Эстонии рассчитывают на себя, а идентичность с определенной культурой играет в их жизни гораздо меньшую роль, чем стремление к достижению личностного развития. Это соответствует современным мировым

тенденциям, заключающимся в том, что «многообразие и относительность современного мира определяют провозглашаемую индивидуальность идентичности, стремящейся найти опору в себе и своей субъективности» [14].

Можно предположить, что и для русских в Эстонии кризис идентичности разрешается не столько за счет причисления себя к группе русских или «евруссских», сколько за счет актуализации личностной идентичности. В этом случае субъективная психологическая значимость межэтнических отношений снижается, что позволяет выйти из ситуации межгруппового сравнения и межгруппового противопоставления. Это позволяет понять, каким образом при неравном социальном статусе выстраиваются продуктивные межгрупповые отношения. Согласно Тэджфелю [18], повышение самооценки может быть достигнуто как за счет идентификации с хорошей и сильной группой, так и за счет акцентирования индивидуального своеобразия и сравнения себя с другими не по групповой принадлежности, а по индивидуальным признакам, что актуализирует личностную идентичность: «человек будет прибегать к межгрупповым формам поведения (актуализируя социальную идентичность), если это кратчайший путь к достижению позитивной самооценки. Если же он может достичь ее на уровне межличностного общения (актуализируя личностную идентичность), ему нет нужды переходить к противоположным формам поведения данного континуума» [9, с. 136]. Можно предположить, что для эстонских русских индивидуальные достижения выступают более эффективным средством повышения самооценки, чем опора на идентификацию с этносом или территорией. Соответственно, в восприятии этнического

большинства значимым становится не групповая принадлежность, а индивидуальные особенности. В этом случае нет необходимости поднимать самооценку за счет дискриминации группы сравнения. Уровень дискомфорта от межгруппового неравенства определяется характером отношения к членам аутгруппы. Наличие личностной идентичности предполагает, что представители титульного этноса не воспринимаются как члены группы, по отношению к которой выстраивается противопоставление «мы—они», и потому не вызывают враждебного отношения.

Данные социологов (В. Якобсон, Р.Х. Симонян и др.) позволили предположить, что актуализация личностной идентичности в межэтническом восприятии связана с особенностями базовых убеждений личности относительно себя и окружающего мира. Согласно Р. Янофф-Бульман, в основе того образа мира, который мы ментально конструируем, лежат три базовых предположения (убеждения): предположение о благосклонности мира; предположение об осмысленности мира; предположение о ценности собственного Я [17]. Одним из базовых ощущений нормального человека является здоровое чувство безопасности, основанное на убеждении, что мы — хорошие люди, живущие в доброжелательном и осмысленном мире. И это не какое-то узкое представление (верование), а предельно абстрактная концепция, в основе которой лежит наше базовое доверие к миру и его принятие. Травматический опыт, в том числе опыт вынужденных мигрантов, опыт дискриминируемых меньшинств разрушает базовое доверие к миру, ощущение ценности себя и осмысленности окружающей реальности. Существуют данные (Агарков, Падун, Тарабрина, Хаскельберг и др.) о связи уровня выраженности

базовых убеждений с травматическим опытом разного рода. Выраженность переживаемых индивидом симптомов посттравматического стресса взаимосвязана с его убеждениями об окружающем мире и собственным Я: негативные базисные убеждения присущи лицам с высоким уровнем посттравматической симптоматики [10, с. 13–14]. Многочисленные исследования показывают, что нарушение чувства безопасности, наличие унижающего опыта, снижение самооценки и пр. способствует повышению враждебности к членам аутгруппы [7, с. 461]. Русские, живущие в Эстонии, как этническое меньшинство, могут переживать ощущение психологического неблагополучия и испытывать негативные чувства по отношению к эстонцам, как представителям доминирующей культуры. Характер отношения к другой этнической группе может быть обусловлен как убежденностью в благоприятности внешней реальности, включающей и особенности других людей, так и убежденностью в ценности собственного Я. Эти факторы могут действовать совместно, усиливая друг друга, но, как показывают исследования, проводимые с использованием методики Янофф-Булман, убежденность в благосклонности мира, осмысленности мира и ценности собственного Я представляет собой относительно независимые показатели.

Это дает возможность выяснить, существуют ли различия в связи отдельных убеждений относительно ценности мира и самого себя с отношением к другой этнической группе. Если позитивное отношение к представителям титульной нации определяется включением в социальную идентичность по территориальному принципу (на основе территориальной идентичности), то большую роль в отношении к представителям этнического большинства

будет играть убежденность в благожелательности мира. Если же отношение к эстонцам связано с актуализацией личностной идентичности, то более большой вклад в эти отношения будет вносить убежденность в ценности собственного Я.

Для русских, живущих в России, эстонцы не являются группой, с которой осуществляется сравнение по статусу, по месту в социальной реальности, они не занимают положение этнического большинства или меньшинства и у них нет тех оснований для негативных чувств к эстонцам, которые могут присутствовать у «эстонских русских». Сравнение двух групп по уровню враждебности к эстонцам позволит выявить вклад фактора опыта положения этнического меньшинства в характер отношения к аутгруппе.

Целью данного исследования было изучение связи между базовыми убеждениями младшего поколения русских с их отношением к эстонцам как представителям этнического большинства.

Гипотезы исследования. Существуют количественные и качественные различия в отношении к эстонцам у русских юношей и девушек, живущих в Эстонии, и русских юношей и девушек, живущих в России. Отношение к представителям аутгруппы связано с уровнем выраженности базовых убеждений личности.

Выборку составили представители русской диаспоры в Эстонии (далее используется сокращение «РЭ»): 232 человека, из них 140 женщин, 92 мужчины, которые выросли и личностно сформировались после восстановления независимости (1991 г.), т.е. либо родились в Эстонии (более 90 % выборки), либо прибыли в Эстонию вместе с родителями в очень раннем возрасте (до трех лет). В исследовании принимали

участие молодые люди, знающие эстонский язык лишь на уровне бытового общения и обучающиеся на русском языке. В контрольную группу вошли студенты Белгородского государственного университета (далее используется сокращение «РР»): 260 человек, из них 169 женщин, 91 мужчина. Все студенты обучались на тот момент на социогуманитарных факультетах, возраст – 18–20 лет. Этническая принадлежность определялась по самоопределению, русскими считались испытуемые, идентифицирующие себя как русские. Исследование проводилось в 2006 году.

Участвующие в исследовании русские студенты, живущие в Эстонии, относятся к достаточно адаптированной социальной группе: они имеют эстонское гражданство, получают платное образование, но, как показывают независимые опросы, многие из них ощущают наличие дискриминации по этническому признаку.

Сравнение отношения к эстонцам русских, живущих в России, и русских, живущих в Эстонии, позволило выявить вклад опыта непосредственного межличностного контакта с эстонцами в формирование отношения к ним.

Для определения уровня выраженности базовых убеждений использовалась методика Р. Янофф-Бульман. Для выявления эмоциональных особенностей отношения к эстонцам испытуемых просили ответить на вопрос: «Что в первую очередь приходит Вам на ум, когда вы думаете о представителе этой группы (мужчина-эстонец)?» и затем просили назвать качества, наиболее характерные для представителей этой группы.

Результаты исследования

Полученные результаты позволяют говорить, что в группе РЭ средние абсолютные значения по всем шкалам

методики Янофф-Бульман находятся в зоне нормы (выше 3,5 баллов). Если сравнивать абсолютный уровень описательных статистик (средние, медианы и квартили) изучаемых шкал у каждой выборки в отдельности, то у русских в Эстонии они показывают в среднем более высокий уровень, чем у русских в России (средние по всем шкалам 4,06 и 3,97 соответственно, средний уровень медианы – 4,12 и 4,03). При этом уровень вариации оценок у русских в Эстонии ниже (средний уровень стандартного отклонения по шкалам 0,76 в сравнении с 0,86 у русских в России).

У русских в Эстонии две шкалы – Sw – Ценность собственного Я и Ww – Благосклонность мира – имеют заметно выделяющиеся среди других шкал *высокие* уровни оценки этих базовых убеждений (медианы равны 4,5 и 4,4 соответственно). У русских в России же не отмечается шкал, настолько выделяющихся своим высоким уровнем медианы. Если же рассмотреть шкалы с заметно более *низким* относительно других шкал уровнем медиан, то эстонская выборка показывает наличие только одной такой шкалы (J – Справедливость мира, медиана 3,78), а российская выборка – две шкалы (J – Справедливость мира и L – Удача, медианы 3,75 и 3,75 соответственно).

Сравнение средних. Различие средних для двух независимых выборок «Русские в Эстонии» и «Русские в России» (далее – РЭ и РР соответственно) для каждой шкалы в отдельности тестировалось непараметрическим критерием Манна–Уитни. Выяснилось, что *имеется* статистически значимая разница базовых убеждений между данными выборками РЭ и РР в следующих шкалах: **Ww – Благосклонность мира** (значимость $p=0,000$, выборка РЭ имеет средний ранг 266,00, а выборка

РР – 229,10); **Sw** – **Ценность собственного Я** (значимость $p=0,0015$, выборка РЭ имеет средний ранг 268,01, а выборка РР – 227,31); **L** – **Степень удачи или везения** (значимость $p=0,0009$, выборка РЭ имеет сумму рангов 269,11, а выборка РР – 226,33). Эти шкалы (**Bw** – **Благосклонность мира**, **Sw** – **Ценность собственного Я** и **L** – **Степень удачи или везения**), по которым обнаружены статистически значимые различия, имеют направленность различий в сторону превышения оценок у выборки РЭ в сравнении с выборкой РР.

По остальным шкалам значимых различий не обнаружено. Полученные результаты позволяют говорить, что русские в Эстонии *сильнее* убеждены в благосклонности мира в сравнении с русским в России, *более* убеждены в ценности собственного Я в сравнении с русским в России, *более высоко* оценивают свою степень удачливости в жизни, что в целом может указывать на позитивный фон базовых убеждений.

Можно предположить, что выявленные различия связаны с опытом адаптации к другой культуре, требующим повышенного развития убежденности в ценности собственного Я и благожелательного принятия окружающего мира. Позитивное восприятие реальности открывает возможности для более успешной адаптации, более продуктивного использования обстоятельств, предоставляемых актуальной ситуацией. Таким образом, у русских в Эстонии не выявлено признаков переживания травматического опыта.

В группе РЭ было получено 218 ассоциаций и 212 черт характера (характеристик). При обработке полученных результатов подсчитывалось (по форме есть – нет) наличие негативных окрашенных лексических высказываний как в ассоциациях, так и в характеристиках,

данных каждым испытуемым. Было выявлено 47 (19,9 %) негативных характеристик по отношению к общему числу испытуемых.

У РР было получено 221 ассоциаций и 219 черт характера, 41 (15,7 %) человек использовал негативные характеристики образа типичного эстонца. Различия с долей негативных характеристик эстонцев у РЭ не значимы. Из этого следует, что негативные характеристики и ассоциации, связанные с образом эстонца, не являются опытом реального общения с представителями данного этноса. И люди, знающие эстонцев лично, и те, кто строит свое представление о них на основе данных СМИ, литературы и кино, с равной вероятностью (15–20 %) отзываются о них негативно. Можно предположить, что это отношение обусловлено не столько особенностями представителей данной этнической группы, сколько личностными особенностями РЭ и РР, в частности уровнем базовых убеждений о мире и себе самом.

Различие уровня выраженности базовых убеждений испытуемых, использующих и не использующих негативные ассоциации и характеристики при описании образа типичного эстонца, для каждой шкалы в отдельности тестировалось непараметрическим критерием Манна–Уитни. Анализ показал, что у РЭ имеется статистически значимая разница выраженности уровня базовых убеждений между данными выборками в следующих шкалах: **R** – случай как принцип распределения происходящих событий ($p=0,000037$), **J** – Справедливость мира ($p=0,012896$), **Sw** – Ценность собственного Я ($p=0,031155$) и **Bw** – Благосклонность мира ($p=0,043889$). По остальным шкалам значимые различия отсутствуют. В группе РР выявлены значимые различия этих групп

по шкалам: BW – Благоклонность мира ($p=0,013052$) и BP – Доброта людей ($p=0,029072$).

Для более детального анализа связи базовых убеждений с отношением РЭ к титульному большинству сравнивалось

количество отрицательных характеристик у испытуемых с высоким, средним и низким уровнем каждого из базовых убеждений на основе углового преобразования Фишера.

Результаты приведены в табл. 1.

Таблица 1

	Негативные характеристики	
	есть	нет
Уровень убежденности в случае как принципе распределения происходящих событий		
низкий	4 (6,3 %)	60 (93,7 %)
средний	18 (17 %)	88 (83 %)
высокий	25 (36,2 %)	44 (63,8 %)
Уровень убежденности в справедливости мира		
низкий	20 (38,5 %)	32 (61,5 %)
средний	14 (13,2 %)	92 (86,8 %)
высокий	13 (17,6 %)	61 (82,4 %)
Уровень ценности Я		
низкий	15 (31,9 %)	32 (68,1 %)
средний	20 (19 %)	85 (81 %)
высокий	12 (15 %)	68 (85 %)
Уровень благоклонности мира		
низкий	19 (29,7 %)	45 (70,3 %)
средний	16 (18,4 %)	71 (81,6 %)
высокий	12 (14,5 %)	71 (85,5 %)
Уровень удачи		
низкий	22 (29,7 %)	52 (70,3 %)
средний	13 (13,4 %)	84 (86,6 %)
высокий	12 (19,7 %)	49 (80,3 %)
Уровень убежденности в доброте людей		
низкий	16 (23,9 %)	51 (76,1 %)
средний	17 (17,9 %)	78 (82,1 %)
высокий	14 (20 %)	56 (80 %)
Уровень убежденности в контролируемости мира		
низкий	17 (21,3 %)	63 (78,7 %)
средний	18 (18,8 %)	78 (81,2 %)
высокий	12 (21,4 %)	44 (78,6 %)
Уровень убежденности в самоконтроле		
низкий	15 (22,4 %)	52 (77,6 %)
средний	11 (12,2 %)	79 (87,8 %)
высокий	21 (28 %)	54 (72 %)

Различия в количестве отрицательных характеристик у РЭ с низким и средним уровнем убежденности в случае как принципе распределения значимы на уровне $p \leq 0,05$, $\varphi = 2,167$; различия в количестве отрицательных характеристик у РЭ со средним и высоким уровнем убежденности в случае как принципе распределения значимы на уровне $p \leq 0,01$, $\varphi = 2,851$; различия в отрицательных характеристик у РЭ с высоким и низким уровнем убежденности в случае как принципе распределения значимы на уровне $p \leq 0,01$, $\varphi = 4,518$.

Сравнение характера восприятия типичных эстонцев РЭ с разным уровнем убежденности в справедливости мира показало, что различия в количестве отрицательных характеристик у РЭ с низким и средним уровнем убежденности в справедливости мира значимы на уровне $p \leq 0,01$, $\varphi = 3,514$; различия в количестве отрицательных характеристик у РЭ со средним и высоким уровнем убежденности в справедливости мира не значимы, $\varphi = 0,323$; различия в количестве отрицательных характеристик у РЭ с высоким и низким уровнем убежденности в справедливости мира значимы на уровне $p \leq 0,01$, $\varphi = 2,614$.

Различия в количестве отрицательных характеристик у РЭ с низким и средним уровнем убежденности в ценности Я значимы на уровне $p \leq 0,05$, $\varphi = 1,704$; различия у РЭ со средним и высоким уровнем не значимы, $\varphi = 0,714$; различия у РЭ с высоким и низким уровнем значимы на уровне $p \leq 0,01$, $\varphi = 2,204$.

Различия в количестве отрицательных ассоциаций и характеристик у РЭ с низким и средним уровнем убежденности в удаче значимы на уровне $p \leq 0,01$, $\varphi = 2,611$; остальные различия не значимы.

Различия в количестве отрицательных характеристик у РЭ с низким и

средним уровнем убежденности в самоконтроле значимы на уровне $p \leq 0,05$, $\varphi = 1,686$; различия в количестве отрицательных характеристик у РЭ со средним и высоким уровнем убежденности в самоконтроле значимы на уровне $p \leq 0,01$, $\varphi = 2,565$; различия в количестве отрицательных характеристик у РЭ с высоким и низким уровнем убежденности в самоконтроле не значимы.

Убежденность в благосклонности мира, доброте людей и убежденность в контролируемости мира никак не связаны с отношением к представителям этнического большинства.

Результаты связи базовых убеждений с отношением РР к эстонцам на основе углового преобразования Фишера приведены в табл. 2.

Сравнение характера восприятия типичных эстонцев РР, обладающих разным уровнем убежденности в благосклонности мира, показывает, что различия в количестве отрицательных ассоциаций и характеристик у РР с низким и средним уровнем убежденности в благосклонности мира не значимы, $\varphi = 0,762$; различия у РР со средним и высоким уровнем значимы на уровне $p \leq 0,05$, $\varphi = 1,759$; различия у РР с высоким и низким уровнем значимы на уровне $p \leq 0,05$, $\varphi = 2,252$.

Сравнение характера восприятия типичных эстонцев РР с разным уровнем убежденности в доброте людей показывает, что различия в количестве отрицательных ассоциаций и характеристик у РР с низким и средним уровнем убежденности в благосклонности мира не значимы, $\varphi = 0,596$; различия у РР со средним и высоким уровнем убежденности в благосклонности мира значимы на уровне $p \leq 0,05$, $\varphi = 1,664$; различия у РР с высоким и низким уровнем убежденности в благосклонности мира значимы на уровне $p \leq 0,05$, $\varphi = 2,089$.

Таблица 2

	Негативные характеристики	
	есть	нет
Уровень убежденности в благосклонности мира		
низкий	15 (21,4 %)	55 (78,6 %)
средний	20 (16,9 %)	98 (83,1 %)
высокий	6 (8,3 %)	66 (91,7 %)
Уровень убежденности в доброте людей		
низкий	15 (21,1 %)	56 (78,9 %)
средний	18 (17,5 %)	85 (82,5 %)
высокий	8 (9,3 %)	78 (90,7 %)
Уровень ценности Я		
низкий	12 (13,6 %)	76 (86,4 %)
средний	15 (18,3 %)	67 (81,7 %)
высокий	14 (15,6 %)	76 (84,4 %)
Уровень справедливости мира		
низкий	14 (15,6 %)	76 (84,4 %)
средний	14 (18,4 %)	62 (81,6 %)
высокий	13 (13,8 %)	81 (86,2 %)
Уровень контролируемости мира		
низкий	19 (22,9 %)	64 (77,1 %)
средний	11 (11,5 %)	85 (88,5 %)
высокий	11 (13,6 %)	70 (86,4 %)
Случайность как принцип распределения происходящих событий		
низкий	11 (16,7 %)	55 (83,3 %)
средний	18 (16,2 %)	93 (83,8 %)
высокий	12 (14,5 %)	71 (85,5 %)
Степень самоконтроля		
низкий	13 (16,3 %)	67 (83,7 %)
средний	19 (17,6 %)	89 (82,4 %)
высокий	9 (12,5 %)	63 (87,5 %)
Степень удачи		
низкий	18 (20,5 %)	70 (79,5 %)
средний	15 (15,2 %)	84 (84,8 %)
высокий	8 (11 %)	65 (89 %)

Сравнение характера восприятия типичных эстонцев РР с разным уровнем убежденности в удаче показывает, что существуют значимые на уровне $p \leq 0,05$, $\phi = 1,668$ различия у РР с высоким и низким уровнем убежденности в удаче; остальные различия не значимы.

Различия в убежденности в ценности собственного Я, справедливости мира, контролируемости мира, случайности, как принципе распределения событий и степени самоконтроля и контроля над происходящим никак не связано с отношением к эстонцам.

Обсуждение результатов

Полученные результаты показывают, что гипотеза о количественных различиях показателей негативного отношения РР и РЭ к эстонцам не подтвердилась. Различия в количестве негативных характеристик, даваемых РР и РЭ эстонцам, не значимы, что позволяет говорить о независимости уровня враждебности русских к представителям данной этнической группы от опыта непосредственного общения с ними.

Дальнейший анализ полученных данных показал, что вторая гипотеза о связи негативного отношения к эстонцам с уровнем базовых убеждений, подтвердилась. Испытуемые, использующие и не использующие негативные характеристики по отношению к эстонцам, отличаются по уровню выраженности базовых убеждений. РР отличаются (на уровне $p \leq 0,05$) по выраженности только двух шкал — убежденности в благосклонности мира и убежденности в доброте людей, РЭ различаются по четырем шкалам — убежденности в случае как принципе распределения происходящих событий, справедливости мира, ценности собственного Я и благосклонности мира.

И у РР, и у РЭ существуют различия по шкале Bw — Благосклонность мира, но у РР значимость различий несколько выше. Испытуемые, не уверенные в том, что мир хорош и ему можно доверять, испытывающие дефицит базового доверия к миру проецируют негативное отношение к реальности на образ представителей другой этнической группы. Но у РР, для которых эстонцы — это абстрактные иностранцы, контакт с которыми не является каждодневной реальностью, обусловленность отношения к эстонцам базовым доверием к миру выше, чем у РЭ.

У РР отношение к эстонцам меньше связано с уровнем убежденности в

базовых ценностях. Жители Белгорода имеют минимальный опыт выстраивания межличностных отношений с эстонцами, оценка которых осуществляется прежде всего на межгрупповом уровне, как представителей другой национальности, образ которой складывается из распространенных стереотипов. Эстонцы для них — это одна из множества других этнических групп, отличных от собственной.

С повышением убежденности в доброте людей уровень негативных качеств, приписываемых РР эстонцам, значимо (на уровне $p \leq 0,05$) снижается. Если люди в целом не кажутся добрыми, то и эстонцы, как и все другие, оцениваются негативно.

Те РР, которые считают себя неудачливыми, демонстрируют несколько более негативное отношение к эстонцам, вероятно, проецируя на представителей малознакомой этнической группы общее негативное отношение к миру. Невысокая значимость этих различий может быть объяснена отсутствием оснований считать эстонцев особо удачливыми.

У РЭ отношение к эстонцам связано с большим количеством базовых убеждений, чем у РР, и эта связь имеет более высокую степень значимости. Различия есть и в содержании шкал. Наибольший вклад вносит убежденность в случае как принципе распределения происходящих событий ($p \leq 0,001$) и убежденность в справедливости мира. Можно предположить, что для РЭ эти шкалы конкретизируют общее позитивное или негативное отношение к реальности. Их актуализация связана, скорее всего, не столько с ранней фрустрацией, сколько с оценкой сегодняшней ситуации. При высоком уровне убежденности в том, что происходящее случайно и несправедливо, эстонцы,

которые случайно оказались в более привилегированном положении, что кажется РЭ несправедливым, вызывают у РЭ негативное отношение. Оценка ситуации как случайной и несправедливой создает у человека ощущение своей слабости и беспомощности, зависимости от обстоятельств. При этом человек может искать дополнительные основания для повышения самооценки и преодоления неуверенности в ситуации. Таким основанием, в частности, может стать приписывание членам более удачливой группы негативных качеств, что повышает субъективную ценность принадлежности к своей группе. Повышение уровня убежденности в удаче до среднего уже дает основания для того, чтобы значимо снизилось негативное отношение к тем, кому приписывается большая удачливость за счет имеющейся этнической принадлежности.

При среднем уровне убежденности в самоконтроле (контроле над происходящими событиями), когда параметр самоконтроля субъективно не значим, представители титульного этноса воспринимаются наименее негативно. И высокая, и низкая убежденность в контролируемости себя и ситуации заставляет акцентировать внимание на социальных различиях и социальных границах и снижать значимость принадлежности к меньшинству за счет негативной оценки личностных качеств большинства.

Повышение ценности Я значимо снижает негативную оценку членов титульного большинства. Согласно теории социальной идентичности, при личностной идентичности персональные способности и навыки, персональные достижения являются достаточным основанием для повышения самоуважения, а членство в «статусной» или «нестатусной» группе не учитывается. Соответственно, противопоставление

по принципу «свой–чужой» снимается и теряется актуальность снижения статуса представителей аутгруппы. То есть при убежденности в высокой ценности Я нет необходимости в межгрупповом противопоставлении, противопоставлении эстонцев и русских и аутгруппа не воспринимается враждебно. Если человек может достичь самоуважения на уровне личностной идентичности, ему нет необходимости переходить к повышению самооценки за счет идентификации с группой и, соответственно, повышать ценность принадлежности к своей группе обесцениванием другой группы.

На основании сопоставления с другими данными мы можем предположить, что формирование ценности Я у РЭ обусловлено в том числе ситуацией, при которой сравнение с представителями титульной нации, с эстонцами, происходит не на межгрупповом уровне, а на межличностном, что актуализирует личностную идентификацию и позволяет оценивать представителей аутгруппы по личностным признакам, не приписывая им отрицательных качеств.

Полученные результаты не позволяют говорить о том, определяет ли уровень ценности Я характер восприятия представителей этнического большинства или отсутствие агрессии по отношению к членам аутгруппы способствует повышению самооценки.

Убежденность в том, что мир хорош (убежденность в благосклонности мира) не связана у РЭ с отношением к этническому большинству. У РЭ отсутствуют и связи отношения к аутгруппе с уровнем убежденности в доброте людей и контролируемостью ситуации. Это позволяет говорить, что объективные элементы опыта, в том числе опыта общения, не связываются с эмоциональной

оценкой представителей другой культуры. Возможно, оценка доброты людей складывается из опыта межличностного общения, не учитывающего этнической принадлежности.

Полученные данные позволяют говорить, что одним из факторов, снижающих психологический дискомфорт, связанный со статусом этнического меньшинства, выступает преобладание личностной идентичности над социальной, что позволяет РЭ не воспринимать эстонцев прежде всего как представителей «чужой» культуры и видеть в них враждебную группу.

Негативное отношение к эстонцам у РЭ может быть одним из факторов, препятствующих вступлению в социальные сети и снижающих вероятность преодоления депрессивных тенденций, о чем говорится в цитированном исследовании Вихалемма и Калмуса (2008). Отсутствие социальных связей в свою очередь может снижать убежденность в справедливости мира и вызывать еще более негативное отношение к представителям титульной нации.

Полученные результаты показывают, что негативное отношение к представителям аутгруппы и у РР, и у РЭ связано с низкими показателями по уровню выраженности базовых убеждений. Те, кто не удовлетворен отношением к тем или иным сторонам жизни, демонстрируют негативное отношение и к представителям другой этнической группы. Для русских, живущих в Эстонии, отношение к эстонцам связано с большим количеством базовых убеждений. В целом эти убеждения касаются характеристик возможности влиять на ситуацию и проявлять продуктивную активность. При высоком уровне убежденности в позитивных результатах собственной активности и при высокой ценности Я нет необходимости в

негативном отношении к группе, являющейся этническим большинством.

Выводы

Не обнаружены значимые различия в уровне враждебности к эстонцам у русских, живущих в России, и русских, живущих в Эстонии. Опыт жизни в положении этнического меньшинства не связан напрямую с выраженностью негативного отношения к представителям этнического большинства.

Существуют различия в уровне выраженности базовых убеждений личности у испытуемых, демонстрирующих и не демонстрирующих негативное отношение к эстонцам. У русских, живущих в Эстонии, враждебное отношение к эстонцам связано с уровнем убежденности в случае, как принципе распределения, справедливости мира, ценности собственного Я, благосклонности мира и контролируемости мира. У русских, живущих в России, враждебное отношение к эстонцам связано с уровнем убежденности в благосклонности мира, доброте людей и несколько меньше – с уровнем убежденности в удаче. Негативное отношение к представителям аутгруппы во всех случаях связано с низкими показателями по уровню выраженности базовых убеждений.

Литература

1. *Алексеева Л.И.* Особенности межэтнического восприятия подростками друг друга: Автореф. дис. канд. психол. наук. М., 1994.
2. *Бэрн Р., Керр Н., Миллер Н.* Социальная психология группы: процессы, решения. СПб., 2003.
3. *Вихалемм Т., Калмус В.* Дифференциация ментальностей основных этнических групп в Эстонии // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 104–114.
4. *Кушнир А.М.* Особенности ценностных ориентаций и самосознания личности детей народностей Севера: Автореф. дис. канд. психол. наук. М., 1988.

5. *Левин З.И.* Менталитет диаспоры. М., 2001.
6. *Ленсмент А.* Жизнь в эмиграции: социально-психологические черты сознания постсоветского эмигранта // *Audentese Ülikooli Toimetised*. 2005. № 7.
7. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 1997.
8. *Маховская О.И.* Соблазн эмиграции. М.: ПЕР СЭ, 2003.
9. *Павленко В.Н.* Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // *Вопросы психологии*. 2000. № 1. С. 135–141.
10. *Падун М.А., Тарабрина Н.В.* Когнитивно-личностные аспекты переживания травматического стресса // *Психологический журнал*. 2004. № 5. С. 5–15.
11. *Саар Э.А., Казюля М.П.* Неэстонцы в современной Эстонии: перемены в жизни // *Социологические исследования*. 2006. № 6. С. 61–69.
12. *Симомян Р.Х.* Перемены в массовом сознании российской диаспоры // *Психологический журнал*. 2004. Т. 25, № 2.
13. *Симомян Р.Х.* Россия и страны Балтии. М.: Академия, 2003.
14. *Степанович-Захариевская Д.* Актуальность исследования идентичности в условиях общественной трансформации на Балканах // *Социологические исследования*. 2008. № 5. С. 99–104.
15. *Тишков В.А.* Русские как меньшинства (пример Эстонии) // *Общественные науки и современность*. 1993. № 6. С. 110–124.
16. *Якобсон В.* Русскоязычные как часть населения Эстонии: 15 лет спустя // *Мир России*. 2006. Т. XV, № 4. С. 143–170.
17. *Janoff-Bulman R.* The aftermath of victimization: Rebuilding shattered assumptions. In *Trauma and its wake: The study and treatment of posttraumatic stress disorder*, ed. C. Figley. N. Y.: Brunner/Mazel, 1985.
18. *Tajfel H.* Individuals and groups in social psychology // *Brit. J. Soc. and Clin. Psychol.* 1979. Vol. 18.
19. *Vihalemm T., Mass A.* Identity Dynamics of Russian-Speakers of Estonia in the Transition Period // *J. of Baltic Studies*. 2003. N 1.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ – В ПОИСКАХ ИНТЕГРАЦИИ

(по материалам седьмой апрельской конференции

«Интегральная психология: теория и практика»)

Завершилась седьмая апрельская конференция «Интегральная психология: теория и практика».

В работе конференции приняли участие 150 человек, съехавшихся из разных регионов России и СНГ.

Конференция работала по трем основным направлениям:

1. Методологический семинар (выступали ведущие психологи-теоретики).

2. Психологическая мастерская (работали ведущие психологи-практики).

3. Школа молодого ученого-психолога.

Каждое направление включало в себя работу отдельных секций, симпозиумов, воркшопов, проведение дискуссий, «круглых столов» и вечерних лекций.

В рамках работы конференции обсуждались задачи и перспективы интегральной психологии в России, ведущие специалисты по различным направлениям практической психологии и психотерапии обменивались опытом, знакомились с новейшими методами и техниками исследования трансформации сознания и коррекции личности, работы с социальным сознанием и социальным бессознательным.

На конференции выступили и провели мастер-классы лидеры различных направлений и уровней психологии и психотерапии, ведущие тренингов личностного роста, представители трансперсональной, гуманистической, глубинной, поведенческой терапии, психосинтеза, гештальт-терапии, телесно-ориентированной, танцевально-двигательной терапии и других направлений прикладной психологии.

Каждый желающий мог познакомиться с огромной палитрой методов и техник, помогающих человеку достичь осознания глубин своей личности, исследовать истоки и пути развития ее качеств, добиться внутренней гармонии и совершенства, раздвинуть социальные горизонты жизни и заново найти себя в постоянно изменяющемся мире.

Выступления первого дня задали положительный тон и настрой на продуктивную работу конференции. На пленарном заседании с докладами выступили доктор психологических наук, профессор Н.В. Ключева («Консультирование как профессиональная деятельность», г. Ярославль), доктор психологических наук, профессор В.Н. Куницына («Нравственные основы ценностного сознания», г. Санкт-Петербург), кандидат психологических наук, доцент И.Л. Шелехов («Психологические аспекты репродуктивного поведения современных женщин», г. Томск), кандидат психологических наук, доктор философских наук Л.В. Шабанов («Маргинализация как стартовая площадка социализации на примере современных неформальных объединений»), доктор психологических наук, профессор И.В. Антоненко («Психология доверия», г. Москва), доктор психологических наук, профессор В.В. Козлов («Интегральное триединство психологии: практика, эксперимент, теория», г. Ярославль).

Работа конференции продолжилась заседанием Седьмого Ярославского методологического семинара, параллельными мастер-классами психологов-практиков, работой направления «Школа молодого

ученого-психолога» под руководством доктора психологических наук, профессора С.М. Кашапова, а также вечерними лекциями и обсуждениями.

На методологическом семинаре с докладами выступили А.Ф. Корниенко (Казань): «Теория и практика интегральной психологии», А.Ю. Королев (Н. Новгород): «Психотехнологии и минимизация кадровых рисков», А.С. Марков (Рязань): «Особенности формирования специалиста в образовательной среде военного вуза», Т.И. Гинзбург (Санкт-Петербург): «Системный анализ стадий развития трансперсональной психологии», О.А. Артемьева (Иркутск): «Практика как детерминанта становления и развития психологической теории», Н.А. Баранова (Ижевск): «Использование экспертной системы в психотерапевтической практике», М.Ю. Бурькина (Брянск): «Принятие своих детей матерями-педагогами: сравнительное исследование», Л.Н. Сербина (Москва): «Методология процессуально-ориентированной работы», Н.Л. Шарейко (Санкт-Петербург): «Практика в психологии: воздействия или взаимодействия», Г.И. Гусакова (Санкт-Петербург): «Дыхательные практики в работе с беременными», З.А. Балгимбаева (Алматы): «Кросскультурное исследование содержания и динамики гендерных предубеждений», А.А. Верещагина (Алматы): «Личностные детерминанты понимания делового текста», А.Ю. Чернов (Волгоград): «Качественный подход в психологическом исследовании», О.В. Курьшева (Волгоград): «Нарративное измерение категории “возраст”» и др.

Работа психологической мастерской была представлена воркшопами следующих лидеров и ведущих: Александр Гиршон (Москва): «Интегральная танцевально-двигательная психотерапия»; Михаил Бурняш (Москва): «Системные семейные расстановки по Б. Хелленгеру»;

Марк Пальчик (Новосибирск): «Энергетические технологии творческого мышления»; Андрей Васильев (Москва): «Системные семейные расстановки по Б. Хелленгеру»; Андрей Сукманюк: «Смех вместо клизмы»; Людмила Сербина (Москва): «Работа с движением в процессуально-ориентированной терапии»; Наталья Шарейко и Галина Гусакова: «Методы биосенсорной психологии. Телекинез»; Светлана Фомина и Кира Езерская (Новосибирск): «Троичное целеполагание и структура событий»; Ольга Мелентьева (Москва): «Интегральные техники в сказкотерапии»; Наталья Гриценко (Москва): «Целостно-волновое движение»; Владимир Козлов (Ярославль): «Дыхание—Музыка—Движение»; Олеся Бережная (Волгоград): «Кольцо женственности»; Андрей Королев (Нижний Новгород): «Использование метода компьютерного психо-семантического анализа в процессе минимизации кадрового риска. Карты мыслительного процесса»; Татьяна Гинзбург (Санкт-Петербург): «Вкус жизни: презентация школы игровых техник»; Саша Мутовкин (Москва): «Поиск ресурсных состояний» и др.

На заключительном пленарном заседании участники конференции отметили высокий уровень представленных докладов, разнообразие мастер-классов, продуктивность работы, а также хорошую организацию работы конференции.

Тезисы докладов участников изданы в журнале «Вестник интегральной психологии», доклады — в сборнике «Седьмая волна психологии».

По результатам работы методологического семинара будет издан седьмой том Трудов Ярославского методологического семинара.

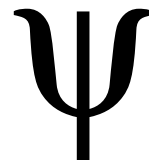
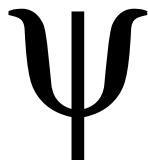
**В.В. Козлов, И.Н. Карицкий,
В.А. Мазилов**

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**«Интегральная психология:
теория и практика»**

Ярославль 21–25 апреля 2010 года

*При поддержке***Международной академии психологических наук
Ярославского государственного университета
Российского психологического общества
Межрегиональной эргономической ассоциации России
Института психологии РАН
Балтийской педагогической академии**

Уважаемые коллеги!

Оргкомитет приглашает Вас участвовать в конференции «Интегральная психология: теория и практика», которая состоится в г. Ярославле с 21 по 25 апреля 2010 года.

Цель конференции: интеграция теории и практики психологии, обмен опытом ведущих специалистов по различным направлениям практической психологии и психотерапии, знакомство с новейшими методами и техниками исследования, трансформации сознания и коррекции личности, работы с социальным сознанием и социальным бессознательным.

На конференции выступают и проводят мастер-классы лидеры различных направлений и уровней психологии и психотерапии, ведущие тренингов личностного роста, представители трансперсональной, гуманистической, глубинной, поведенческой терапии, психосинтеза, гештальттерапии, телесно-ориентированной, танцевально-двигательной терапии, психологического консультирования и других направлений прикладной психологии.

Уникальный формат конференции раскрывает возможность не только теоретического осмысления перспектив развития современной психологии и психотерапии, но и знакомства с огромной палитрой методов и техник, помогающих человеку достичь осознания глубин своей личности, исследовать истоки и пути развития ее качеств, добиться внутренней гармонии и совершенства, раздвинуть социальные горизонты жизни и заново найти себя в постоянно изменяющемся мире.

В рамках работы конференции предполагается обсуждение задач и перспектив интеграции психологии в России.

Конференция работает по **трем основным направлениям:**

- 1. Методологический семинар** (выступают ведущие психологи-теоретики).
- 2. Психологическая мастерская** (работают ведущие психологи-практики).
- 3. Школа молодого ученого-психолога.**

Каждое направление включает в себя работу отдельных секций, симпозиумов, воркшопов, проведение дискуссий, «круглых столов» и вечерних лекций.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ

1-е направление – МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ПО ТЕМЕ «ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ СТРОЙ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ»

Обсуждаются фундаментальные проблемы психологии:

- **Парадигмы в психологии: истоки, история, современное состояние**
- **Теоретические парадигмы психологии**

- Базовые исследовательские школы психологии и их парадигмальная обусловленность
- Практико-ориентированные направления психологии. Проблема парадигмальной эклектичности
- Основы интеграции базовых парадигм психологии

Ответственные за направление:

1. **Мазилов Владимир Александрович**, Ярославль. Тел.: (085-2) 23-71-83, 72-54-85. E-mail: mazilov@yspu.yar.ru

2. **Карицкий Игорь Николаевич**, Москва. Тел.: (095) 379-0465. E-mail: yar.mtdl.s@mail.ru

Заявлены следующие ведущие:

Аллахвердов Виктор Михайлович, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии СПбГУ, президент Санкт-Петербургского психологического общества. Санкт-Петербург.

Барабанщиков Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией системных исследований психики ИП РАН, академик БПА, МАПН и др. Москва.

Василюк Федор Ефимович, кандидат психологических наук, декан факультета психологического консультирования Московского городского психолого-педагогического университета, председатель редакционного совета Московского психотерапевтического журнала. Москва.

Вачков Игорь Викторович, доктор психологических наук, заведующий лабораторией психологических проблем детей с ограниченными возможностями адаптации, профессор кафедры дифференциальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета, член Союза писателей России. Москва.

Волков Игорь Павлович, заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии Санкт-Петербургской государственной академии физической культуры им. П.Ф. Лесгафта, президент БПА, академик МАПН, МААН. Санкт-Петербург.

Дубровский Давид Израилевич, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАО. Москва.

Защепин Вениамин Иванович, доктор философских наук, профессор факультета социологии Мельбурнского университета, академик БПА. Мельбурн, Австралия.

Зинченко Владимир Петрович, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, почетный член Американской академии искусств и наук, руководитель Центра комплексных исследований развития человека Института общего среднего образования РАО, заведующий кафедрой эргономики МИРЭА, президент Международной ассоциации развивающего обучения, член редколлегии журналов «Вопросы психологии», «Вопросы философии», «Человек», ежегодника «Системные исследования», «Эргономика», «J of Russia and East European psychology». Москва.

Каложный Анатолий Афанасьевич, доктор педагогических наук, профессор, действительный член МАПН. Актюбинск (Казахстан).

Карицкий Игорь Николаевич, кандидат психологических наук, преподаватель Института социологии и управления персоналом Государственного университета управления; действительный член Ассоциации трансперсональной психологии и психотерапии. Москва.

Карпов Анатолий Викторович, заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии труда и организационной психологии, декан факультета психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, академик МАПН, РАГН. Ярославль.

Кашапов Мергалис Мергалимович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогической психологии и педагогики Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, исполнительный директор Ярославского регионального отделения РПО, руководитель лаборатории профессионального и личностного развития ЯрГУ, академик МАПН, Ярославль.

Клейберг Юрий Александрович, доктор педагогических наук, доктор психологических наук, профессор, ректор Филиала Московского государственного социального университета, академик МПА, РАСО, президент Международной академии социальной работы. Ульяновск.

Клочко Виталий Евгеньевич, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и педагогической психологии ФП ТГУ, академик МАНПО. Томск.

Клюева Надежда Владимировна, заведующая кафедрой консультационной психологии ЯрГУ им. П.Ф. Демидова, профессор, доктор психологических наук, академик МАПН, директор Центра корпоративного обучения и консультирования. Ярославль.

Козлов Владимир Васильевич, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и политической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, первый вице-президент МАПН, академик МАПН, РАСО, БПА и др., первый вице-президент Ассоциации трансперсональной психологии и психотерапии, главный редактор журналов «ЧФ: Социальный психолог» и «Вестник интегральной психологии», основатель интегральной психологии. Ярославль.

Лидерс Александр Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, главный редактор ряда психологических журналов. Москва.

Львов Владимир Маркович, заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор, директор Эргоцентра, академик МАПН, МАН ВШ, БПА и других академий, главный редактор журнала «Проблемы психологии и эргономики». Тверь.

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, академик МАПН. Ярославль.

Майков Владимир Валерианович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИФ РАН, президент Ассоциации трансперсональной психологии и психотерапии, директор Института трансперсональной психологии, главный редактор серии «Тексты трансперсональной психологии». Москва.

Маргинсоне Кристина, доктор психологических наук, профессор Латвийской медицинской академии, президент Латвийской ассоциации арт-терапии, член-корреспондент МАПН. Рига.

Михайлов Янис, доктор психологических наук, профессор, ректор Международного института практической психологии. Рига.

Новиков Виктор Васильевич, заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, президент МАПН, академик МАН ВШ, БПА, МПА и других академий, главный редактор журнала «Человеческий фактор». Ярославль.

Орел Валерий Емельянович, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова, научный руководитель лаборатории психодиагностики, академик МАПН, главный редактор «Ярославского психологического вестника». Ярославль.

Петренко Виктор Федорович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии МГУ, член-корреспондент РАН, академик МАПН. Москва.

Поваренков Юрий Павлович, доктор психологических наук, профессор Ярославского педагогического университета им. К.Д. Ушинского, академик МАПН. Ярославль.

Субетто Александр Иванович, доктор философских наук, профессор, вице-президент Петровской академии искусств и наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения РАПК, академик МАНЭБ, директор Костромского центра мониторинга научных исследований. Санкт-Петербург.

Фетискин Николай Петрович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, директор Академии социально-политической психологии, акмеологии и менеджмента, академик БПА, МАПН. Кострома.

Филиппов Альберт Владимирович, заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор, директор Института социологии и управления персоналом Государственного университета управления, академик МАПН, РАЭН, РАПБОП. Москва.

Шадриков Владимир Дмитриевич, заслуженный работник Высшей школы, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, МАПН и других академий, вице-президент РПО. Москва.

Юревич Андрей Владиславович, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заместитель директора ИП РАН. Москва.

Янчук Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, академик МАПН, директор Института психологии. Минск.

Яшин Виктор Петрович, кандидат психологических наук, доцент кафедры социально-политических наук Нижегородского коммерческого института, член-корреспондент МАПН. Нижний Новгород.

2-е направление – ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

Основные проблемы:

- Роль теоретической парадигмы в психологической практике
- Духовные традиции и психологическая практика
- Личностный рост в психологической практике – трансформация сознания
- Интегральный подход – единство теории и практики
- Самореализация и ресурс личности – методы и техники

Направление организовано в форме проведения мастер-классов, воркшопов и тренингов ведущих специалистов гуманистической, трансперсональной, гештальт, поведенческой и психоаналитической психологии: СПТ, психодрама, системная расстановка, тренинги осознания, трансовые психотехники, контекстуальные тренинги, бизнес-тренинг, телесно-ориентированные психотехники, арт-терапия, ДМД, холотропное дыхание, психологический театр, тренинги коммуникации, танцевально-двигательные психотехники, актерские психотехники, процессуальная работа и др.

Заявлены следующие ведущие:

Владимир Козлов, доктор психологических наук, профессор, академик, основатель интегральной психологии и ИИПТ.

Юрий Бубеев, доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник ГНИИ ВМ.

Михаил Гордеев, доктор медицинских наук, ректор Института клинической психологии и психотерапии.

Андрей Захаревич, доктор психологических наук, ведущий специалист по дыхательным психотехникам.

Марина Кузубова, доктор психологических наук, ведущий специалист по бизнес-тренингам и тренингам личностного роста.

Сергей Кашапов, доктор психологических наук, профессор, академик, гештальттерапия.

Андрей Сукманюк, кандидат психологических наук, интегральная психотерапия.

Марк Пальчик, доктор психологических наук, профессор, интегральная психотерапия.

Владимир Баскаков, кандидат психологических наук, президент АТОТ.

Михаил Бурняшев, кандидат психологических наук, лидер направления системной психотерапии семьи.

Наталья Качанова, кандидат психологических наук, специалист по бизнес-консультированию.

Ирина Зингерман, кандидат психологических наук, ведущий специалист процессуальной психотерапии.

Герман Карельский, кандидат философских наук, трансперсонолог.

Игорь Карицкий, кандидат психологических наук, специалист по рефлексивным техникам саморегуляции.

Римма Ефимкина, кандидат психологических наук, ведущий специалист женской психотерапии.

Владимир Майков, кандидат философских наук, президент АТПП.

Олег Шалев, кандидат психологических наук, доцент, лидер по эмпирическим методам самоисследования.

Владимир Урываев, кандидат психологических наук, доцент, специалист по медицинской психологии и психотерапии.

Елена Присяжная, доктор психологических наук, специалист по ТОТ и тренингам личностного роста.

Ирина Раченкова, доктор психологических наук, специалист по ТОТ и тренингам личностного роста.

Павел Тарасенко, кандидат психологических наук, специалист по трансперсональной психологии и психотерапии.

Александр Гиришон, кандидат психологических наук, лидер по танцевально-двигательной терапии.

Галина Лабковская, психолог, семейный психотерапевт европейского регистра.

3-е направление – ШКОЛА МОЛОДОГО УЧЕНОГО-ПСИХОЛОГА

Реализация проекта Международной академии психологических наук «Молодой гений психологии».

В программе – выступления, лекции и мастер-классы ведущих теоретиков и практиков психологии, заявленных в первом и втором направлениях работы конференции, по темам:

- **Новые горизонты психологии и исследовательские проблемы**
- **Методология построения психологического исследования и его оформления**
- **Профессиональный путь ученого**

Техническая информация

К началу работы конференции будут изданы тезисы докладов участников конференции в журнале «Вестник интегральной психологии», а также научный сборник «Седьмая волна психологии».

По результатам работы методологического семинара будет издан очередной том Трудов Ярославского методологического семинара.

Тезисы докладов просим высылать до 8 марта 2010 года.

В тезисах указать в правом верхнем углу Ф.И.О., учреждение, город, затем название доклада (заглавные буквы, жирный шрифт, расположение по центру).

Тезисы докладов просим высылать на электронный адрес mapn2@ Rambler.ru. Объем – от 2 до 4 полных страниц компьютерного набора (word/98, шрифт 14 «Times new Roman», через 1,0 интервал, распечатка контрастная, черная, лист формата А4, поля справа – 15 мм, слева – 25 мм, сверху и снизу – 20 мм, абзацный отступ – 5 знаков; в тезисах не должно быть таблиц, рисунков, подстрочных символов, списка литературы; дискеты и печатный текст не возвращаются).

Научные статьи в сборник «Седьмая волна психологии» (объем 5 стр.) будут приниматься в те же сроки и по тому же адресу и с теми же требованиями, что и в журнал «Вестник интегральной психологии» с пометкой «Седьмая волна психологии».

Почтовый адрес: 150000, г. Ярославль, ул. Первомайская, 9-2. Козлову В.В.

Электронный адрес профессора В.В. Козлова – mapn2@ Rambler.ru.

Регистрация участников: 21 апреля с 9.00 до 21.00 в пансионате «Красный холм» по адресу: Ярославский р-н, п/о «Михайловское», пансионат «Красный холм».

21 апреля 2010 года на ж/д вокзале «Ярославль-Главный» в 17.00 Вас будет ожидать транспорт с символикой конференции.

Конференция начинает работу 21 апреля в 21.00 в актовом зале пансионата «Красный холм».

Информация для контактов:

Ярославль:

тел.: (4852) 72-83-94; e-mail: mapn2@rambler.ru (Владимир Васильевич Козлов)

тел.: (085-2) 23-71-83, 72-54-85. E-mail: mazilov@yspu.yar.ru (Владимир Александрович Мазиллов)

Москва:

тел.: (495) 379-04-65; e-mail: ignikkar@mail.ru (Игорь Николаевич Карицкий)

Организационный взнос для участников конференции составляет:

студенты и аспиранты – 1000 руб.;

граждане РФ, ближнего зарубежья – 1500 руб.;

представители дальнего зарубежья – 100 у.е.

Ориентировочная стоимость проживания и питания в пансионате «Красный холм» 1000 руб. в сутки.

Председатель конференции

**Первый вице-президент МАПН, доктор психологических наук,
профессор**

Владимир Козлов

SUMMARIES

V.V. Kozlov

Psychological effects of music on the mechanisms of personality

This article discusses the psychological mechanisms of the influence of music on the person. The originality of the approach is to use as an explanation of this phenomenon through the concept of language awareness. The author reveals the impact of music through feelings, emotions and feelings, images, symbols, signs, which are induced by music.

Key words: music, languages, consciousness, feelings, emotions and feelings, images, symbols, signs.

T.I. Ginzburg

Transpersonal psychology – limits and unlimited

In this article author is doing system analysis of Transpersonal Psychology development stage with help of two models: I Ching (The Book of Changes) and Foster curve from TRIZ (Theory of Solving Inventional Tasks). Actively seeking for next step of transpersonal development author look at Integral Approach of Ken Wilber as at variant of this step. Using as base model of AQAL, author through this model is trying theoretically predict the instrumets to control process of integration.

Key words: transpersonal psychology, integral approach, Ken Wilber, human development, point of observer, methodology of integration.

N.A. Kachanova

Spiritual crisis reality as a subject of psychological survey from the philosophical and ethical position of Buddhism

Short historic excursus: attitude to spiritual crisis of academic psychiatry, “eternal philosophy”, existential-and-humanistic school of psychology, antipsychiatry of R. Laing and D. Cooper. Definition of the term “spiritual crisis”. Various definitions of the term “personality” in psychology. Spiritual crisis from the philosophical and ethical position of Buddhism. Discussion of the personal spiritual crisis of Buddha Shakyamuni as a catalyzer of the new vision, ultimate personality potential revelation and spiritual actualization. Topicality and the possibility to use the principles of Buddhism philosophy in activities associated with spiritual crisis.

Key words: spiritual crisis, Buddhism, personality, Gautama Buddha Shakyamuni, Buddhistic philosophy principles, value paradigm devaluation, positive mental integrity, spiritual actualization.

D.A. Liberman

Some aspects of categories of object and objectivity in a science

The article deals with the question of object and objectivity based on the materials of scholastic philosophers (Anselm of Canterbury, Saint Bonaventure, Thomas Aquinas, John Duns Scotus and so forth) and the New Time representative Rene Descartes. The major argument is the divine origin of an object phenomenon and hence of an objectivity. Descartes’ correlation of subject and object is analyzed. The subject is considered to be a mediating element in the person-to-object relation in comparison with their direct connection in scholastic philosophy.

Key words: object, person, subject, idea, essentiality, image, intelligence, consciousness, thing, objectivity.

*Y.O. Mazur***A will: the questions about realizing of will manifestations in crisis life periods**

The article presents different famous points of view on the nature of will. The author sets a new direction in the research of will as an integrated phenomenon, including conscious and unconscious aspects, spiritual and existential beginnings in person. It is shown how a variety of will manifestations reflects in different crisis life periods. And the author stresses that will potential is a necessary condition for the opportunity of personal development and for the highest degree of personal integration.

Key words: will, life crisis, the conscious and unconscious of will, personal development, personal integrity, personal resource.

*N.S. Pryazhnikov***Turn as the “forming sense” beginning**

The turn is considered in offered clause as a principle of the organization of a life of many people. Different aspects of the analysis are allocated “A phenomenon of turn”. The important attention is given to “the person of turn”, to “the sly fellow of turn”, and to “owners of turn”, to their becoming, and also their behaviour in different turns and to their attitude to them. The Initial position here – The factor of humiliation or, on the contrary, pride and the statement of human advantage for those who stays in various turns. Evolution of the turn in different contexts (biological, cultural-historical, is concrete-situational, etc.) is considered also. Accordingly, the principal causes generating turn in different situations are allocated. Communication of turn with idea of ordering of time is emphasized, and also with idea of ordering of various interhuman mutual relations (through social hierarchies, variants of access to the blessings, etc.), as makes for many people sense of their life.

Key words: turn as sociokultural phenomenon, key parameters and typology of turn, the person of turn and its becoming, owners of turn, the reasons of generation of turn, alternative of turn.

*A.A. Karpov, V.V. Kozlov, V.A. Mazilov***Gambling addiction study: integral approach**

The paper represents a thorough study of gambling addiction, its history and current state. The subject is analyzed from the point of view of addictive behavior. Basic theoretical psychological and psychotherapeutic approaches to gambling addiction are also under analysis. Special attention is given to communicative methodology and integrative approach to gambling addiction analysis.

Key words: consciousness, addiction, gambling, the state of consciousness, paradigm, integrative psychology, communicative methodology.

*N.N. Snezhkova, O.E. Sirenko***Problems of immigrants: difficulties in adaptation to new cultural environment**

The article considers topical problems of immigrants to Russia. Among these issues are the ways of adaptation to a new cultural environment and typical reasons for international conflicts. The article shows how an individual's choice of the way of interaction with native population varies depending on a purpose of migration. The article reveals the importance of an immigrant's acquaintance with cultural features of the country of temporary residence. The article is based on the analysis of the works by Russian and foreign scholars and on the own findings of the authors.

Key words: migrants, migration, problems of adaptation.

*V.A. Birukov***The psychologists part in working at transsexual phenomenon.
Transsexual orientation to sex-transforming**

This article proposes some reflections on the role of psychologists in working with transsexuals. The article marks semantic space of psychologist as a professional.

Also this paper gives short description of the transsexual orientation extent and its psychological thinking from the perspective of integrative approach.

Key words: transsexualism, transsexual phenomenon, transsexual orientation, psychologist, integration, adaptiveness.

*E.V. Grishunina, N.B. Kraevskaya***The person in the interview situation at employment**

Results of represented research are actual for organizational psychologists. Analysis of features of reciprocal remarks of the candidate on a post in an interview situation reveals as some personal features of the competitor (its motivation, a self-estimation), as and aspects of subjective interpretation of situations objective requirements (ascribed roles system, degree of the self-disclosing, leading positions etc.). Self-presentations types in the interview situations are revealed in the research. They are shown in a specific parity of various categories in answers and features of dialogue construction.

Key words: situationalism, personal-situational interaction, real situation, subjective representation of situations, speech, structural features of dialogue, the intent-analysis of speech statements, a self-estimation, motivation.

*J. Dvornikova, O. Dvornikova***The role of the emotional component in woman identity**

It is suggested that woman perception is connected with the emotional coloration and saturation of her psychical processes. It is proposed to consider emotions as a balancing element in the woman personality and the balance of consciousness and love as spirituality. It is proposed a number of schemes relying on which we can direct the development of our proper personality and coordinate the development of client's personality being in the paradigm of integrative psychology.

Key words: emotional woman life, system of internal identity, balancing element in woman personality, woman spirituality, direction of development, cycle of development, levels of development, the map of integration levels, potential space, potential structure, potential form.

*D.I. Dubrovsky***Once again about psychophysiological problem, functionalism and a subjective reality**

The Author polemizes from E.M.Ivanov, reproaching the last in: Not distinction psychophysiological and psychophysical problems, use of a principle of physicalism there, where more pertinently a principle functionalism, preference on positions of panegoism and dualism there where the author remains on positions of materialism.

Key words: a psychophysiological problem, a subjective reality, functionalism and physicalism, idealism and materialism, analytical philosophy.

*E.Y. Emelyanova***System modelling in pedagogics**

This article is devoted to the possibility of the use of the system-sinergetic modelling method in pedagogics. In this article the necessity and the application area is designated of the system-sinergetic approach to the educational problems, the relevance of corresponding researches is specified.

Key words: system modeling, synergetics, pedagogical paradigm.

*J.N. Lazareva***Cosmetology in the context of the corporally-focused psychology**

In article attempt from the point of view of the corporally-focused psychology is undertaken to analyse influence of stressful experiences on features of the person.

Key words: corporally-focused psychology, stress, cosmetology, integration.

*M.M. Reshetnikov***What crisis we experience?**

Proceeding from the general laws of mental and behavioural reactions of people in conditions of sharp extreme and crisis situations, the author makes an attempt extrapolations of these laws on a modern social and economic situation, laws and mechanisms of reactions on which as it is supposed, should be similar in many respects with reactions to other crisis situations.

Key words: extreme and crisis situations, mental and behavioural reactions of people, laws and mechanisms of reactions.

*E.V. Ulybina, A. Lensment, I. Ahmet***Communication of base belief with the attitude to representatives out-group on an example of the attitude of Russian to Estonians**

In clause is considered the attitude to representatives out-group depending on objective and subjective factors. As objective factors the status of ethnic minority in relation to out-group, and as subjective acts? A level of expressiveness of base belief of the subject. For the Russian living in Estonia, Estonians borrow position of the title majority whose position is estimated as exclusive. The Russian living in Russia, make control group for which Estonians are not the ethnic majority. The received results show absence of significant distinctions in a level of animosities in relation to Estonians at Russian living in Russia and the Russian living in Estonia. Significant distinctions in expressiveness of base belief at the examinees who are testing and not testing animosities in relation to Estonians are revealed.

Key words: base belief, intergroup attitudes, intergroup discrimination.

НАШИ АВТОРЫ

Ахмет Ильзия – кандидат экономических наук, доцент Таллиннского технического университета

Гинзбург Т.И. – кандидат психологических наук, профессиональный инструктор по западным дыхательным психотехникам, директор Санкт-Петербургской Школы Дыхания

Гришунина Елена Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии государственной службы при Президенте РФ, г. Москва

Дворникова Жанна Константиновна – психолог образовательного центра «Даратея» (г. Минск), сертифицированный специалист по интенсивным интегральным психотехнологиям, танцевально-двигательной терапии

Дворникова Ольга Олеговна – психолог-консультант образовательного центра «Даратея» (г. Минск), сертифицированный специалист по танцевально-двигательной терапии, автор и ведущая тренингов по танцевально-двигательной терапии, контактной импровизации, аутентичному движению

Дубровский Давид Израилевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, сопредседатель Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта, г. Москва

Емельянова Елена Юрьевна – учитель информатики высшей категории МОУ «Северский лицей», ЗАТО Северск Томской области

Карпов А.А. – аспирант кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Качанова Наталья Анатольевна – кандидат психологических наук, специалист по интегральной психологии, редактор научного психологического журнала «Седьмая волна психологии», г. Москва

Козлов Владимир Васильевич – доктор психологических наук, профессор кафедры

социальной и политической психологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова, первый вице-президент Международной Академии психологических наук

Краевская Надежда Борисовна – организационный психолог компании по продаже-аренде недвижимости ООО «АСТЕРА ГРУПП», г. Москва

Лазарева Юлия Николаевна – психолог, г. Владимир

Ленсмент Анжелика – магистр философии, магистр психологии, лектор Института международных отношений Таллиннского технического университета

Мазилев Владимир Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского

Мазур Ю.О. – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Омской государственной медицинской академии

Пряжников Николай Сергеевич – доктор педагогических наук, профессор факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Решетников Михаил Михайлович – доктор психологических наук, директор Восточно-Европейского института психоанализа, г. Санкт-Петербург

Сиренко О.Е. – ассистент кафедры социальной работы психолого-социального факультета Российского государственного медицинского университета, г. Москва

Снежкова Н.Н. – кандидат психологических наук, доцент, декан психолого-социального факультета Российского государственного медицинского университета, г. Москва

Улыбина Елена Викторовна – доктор психологических наук, профессор кафедры общих закономерностей развития психики Института психологии им. Л.С. Выготского РГГУ, г. Москва

**Исследовательская группа
«СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ»**

Уважаемые читатели!

Вы можете подписаться на наши журналы
через каталог Агентства «Роспечать»

_____ Периодичность – 6 раз в год _____

- ◆ **«Журнал практического психолога»**
– подписной индекс **71808**
- ◆ журнал **«Психология в вузе»**
– подписной индекс **81929**
- ◆ журнал **«Психологическая диагностика»**
– подписной индекс **82159**

_____ Периодичность – 4 раза в год _____

- ◆ журнал **«Перинатальная психология
и психология родительства»**
– подписной индекс **18453**
- ◆ журнал **«Методология и история психологии»**
– подписной индекс **36048**
- ◆ журнал **«Семейная психология и семейная терапия»**
– подписной индекс **47556**
- ◆ журнал **«Психология зрелости и старения»**
– подписной индекс **47575**
- ◆ журнал **«Психолог в детском саду»**
– подписной индекс **81927**
- ◆ журнал **«Психология и школа»**
– подписной индекс **81928**
- ◆ **«Психология. Журнал Высшей школы экономики»**
– подписной индекс **82949**

_____ Периодичность – 2 раза в год _____

- ◆ журнал **«Человеческий фактор: Социальный психолог»**
– подписной индекс **36053**

Справки по E-mail: ig_socin@mail.ru; a-lider@mail.ru;
или по телефону (48439) 7-41-26